

Михаил
ВОЛКОНСКИЙ

Женское счастье

Михаил Николаевич Волконский

Темные силы

У всех, кто интересуется историей, появился шанс пополнить свою библиотеку книгами, которыми зачитывались наши бабушки и дедушки. Издания эти пользовались огромной популярностью, а современному читателю они практически неизвестны. Читатель найдет разгадку тайн истории России и других стран, насладится запутанной интригой, где есть дутьель и коварство, дружба и любовь.

Князь Михаил Николаевич Волконский (1860-1917) - беллетрист, драматург, в начале XX века был одним из самых популярных исторических романистов России. В основе его увлекательных произведений - "неофициальная история" XVIII века, сплетающаяся из множества бытовых интриг, дворцовых тайн, приключений и мистики. За ним заслуженно закрепился почетный титул "русского Дюма". Интриги, власть, деньги, любовь - всё переплелось в его увлекательных произведениях "Тёмные силы" и "Жанна де Ламот".

Содержание

Глава I	0006
Глава II	0016
Глава III	0023
Глава IV	0028
Глава V	0035
Глава VI	0042
Глава VII	0049
Глава VIII	0055
Глава IX	0064
Глава X	0070
Глава XI	0078
Глава XII	0084
Глава XIII	0091
Глава XIV	0098
Глава XV	0104
Глава XVI	0111
Глава XVII	0115
Глава XVIII	0120
Глава XIX	0125
Глава XX	0131
Глава XXI	0137
Глава XXII	0145
Глава XXIII	0150
Глава XXIV	0157
Глава XXV	0166

Глава XXVI	0175
Глава XXVIII	0188
Глава XXIX	0194
Глава XXX	0199
Глава XXXI	0206
Глава XXXII	0213
Глава XXXIII	0220
Глава XXXIV	0228
Глава XXXV	0234
Глава XXXVI	0240
Глава XXXVII	0249
Глава XXXVIII	0260
Глава XXXIX	0267
Глава XL	0274
Глава XLI	0283
Глава XLII	0292
Глава XLIII	0303
Глава XLIV	0309
Глава XLV	0315
Глава XLVI	0322
Глава XLVII	0329
Глава XLVIII	0336
Глава XLIX	0345
Глава L	0352
Глава LI	0359
Глава LII	0373
Глава LIII	0384
Глава LIV	0393

Глава LV	0401
Глава LVI	0406
Глава LVII	0414
Глава LVIII	0420
Глава LIX	0428
Глава LX	0433
Глава LXI	0440
Глава LXII	0448
Глава LXIII	0456
Глава LXIV	0465
Глава LXV	0473
Глава LXVI	0479
Глава LXVII	0486
Глава LXVIII	0496
Глава LXIX	0505

Глава I

В отдельном кабинете лучшего петербургского ресторана стоял у окна молодой человек, видимо, в ожидании, стоял, однако, терпеливо, не выказывая никаких признаков досады.

Одет он был по последней моде того времени, как истинный щеголь. Его темно-синий фрак со светлыми плоскими бронзовыми пуговицами был отлично сшит, сидел на нем свободно, но вместе с тем нигде не давал складок и не морщил. Высокое батистовое жабо, обмотанное шелковым галстуком, подпирало ему шею. На светлом двубортном жилете из бокового кармана свешивалась коротенькая широкая часовая цепочка с брелоками. Серые брюки были почти в обтяжку и уходили в голенища лаковых вырезных сапог с шелковыми кисточками.

Стол в кабинете был накрыт на два прибора. На нем стояли фрукты в хрустальной вазе, дорогие вина и в серебряном ведре, во льду, виднелась приготовленная бутылка замороженного шампанского. Закуска, очень разно-

образная, была подана отдельно.

Видно было, что молодой человек привык не только не стесняться в средствах, но и умел, что называется, тратить их с известной утонченностью, которая дается своего рода опытом, обыкновенно дорого оплачиваемым. Стоять у окна молодому человеку пришлось недолго. Тот, кого он ждал, вскоре явился.

Это тоже был молодой человек и тоже щегольски одетый по последней моде. Он поспешно вошел и, скидывая перчатки и кладя шляпу, сейчас же заговорил:

— Я опоздал, кажется? Прости, пожалуйста, но, право же, я думал, что успею вовремя...

— Нет, ты вовремя. Я приехал немного раньше нарочно, чтобы распорядиться обедом, — успокоил его ожидавший.

Они поздоровались.

Когда, выпив по рюмке водки и закусив, они сели за стол и им принесли суп в серебряной миске, приехавший позже огляделся по сторонам и, развертывая на коленях салфетку, спросил:

— Скажи, пожалуйста, что за фантазия

привела нас сюда в ресторан?

Его собеседник улыбнулся:

— Тебе это кажется странным?

— Ну, конечно. Я понимаю, сюда можно приехать невзначай поужинать или позавтракать, можно, пожалуй, обедать, если дома нет ничего, но ты ведь не в таком положении: у тебя премилый особнячок на Фонтанке, свой повар, и вдруг ты почему-то хочешь кормить меня в ресторане, даже не в клубе, как будто мы не могли там пообедать в крайнем случае?

— Видишь ли, у меня есть на это причины.

— Вполне в этом уверен, но меня удивляет, какие они?

— Мне нужно поговорить с тобой наедине.

— Разве мы не могли это сделать у тебя дома?

— Не могли.

— К тебе приехал кто-нибудь?

— Нет!

— Случилось что-нибудь с поваром?

— Если хочешь — да, случилось...

— Жаль, хороший повар! Я любил обедать у тебя. Что же произошло?

— Произошло то, что ни этого повара, ни «особнячка на Фонтанке», как ты говоришь, у меня больше нет...

— Да не может быть! Ты себе покупаешь новый?

— Нет. Мне пришлось продать все, что у меня было, потому что ту жизнь, которую я вел до сих пор, мне поддерживать будет не по силам...

— Что же? Долги заели?

— Нет у меня долгов.

— Странный ты человек! Русский дворянин — и без долгов! Ты, право, единственный; я всегда говорил, что ты — единственный... Значит, проигрался в карты?

— Нет, дело не в картах.

— То-то! Для того чтобы тебе разориться от карт, нужен солидный проигрыш и о нем непременно говорили бы, а между тем я ничего не слыхал... Ведь судя по тому, как ты жил, у тебя было хорошее состояние.

— Состояния у меня никогда не было. Я получал тысячу рублей в месяц. Вот и все...

— Тысячу рублей в месяц! Это слишком хорошо на одного» Откуда ты их получал?..

— Как тебе сказать? Не знаю...

— Что за пустяки!.. Тысяча рублей в месяц — неизвестно откуда! И это что-то не совсем правдоподобное.

— А между тем это так. Я получал до сих пор по тысяче в месяц, а теперь ничего получать не буду.

— Неприятная перемена — надо правду сказать!.. Но раз ты заговорил со мною о своих делах, рассказывай подробности — они слишком интересны...

— Для этого я и позвал тебя сюда обедать. Видишь ли, мы до сих пор были друзьями и, надеюсь, ими останемся. Так вот слушай. Кроме тебя, у меня никого близкого нет. Я никогда не знал ни отца, ни матери, ни сестры или даже дальних родственников. И ни с кем в жизни, кроме тебя, не сходилась. Знаю я почти весь Петербург, но друг — один ты мне...

— Все это прекрасно! Но ведь ты же дворянин и знаешь свое происхождение.

— Да, я дворянин по паспорту и значусь Александром Николаевичем Николаевым... Николаевых слишком много... Родословную свою я никак не мог установить, да и не толь-

ко родословную, но и ни у кого не мог допытаться, кто же мой отец и мать.

— Ты говорил, что они умерли, когда ты был ребенком.

— Я говорил так, чтобы избежать дальнейших расспросов. На самом же деле я не знаю, умерли они или нет, где они и кто они.

— Разве у тебя нет метрического свидетельства?

— Нет. У меня только паспорт, выданный нашим посольством в Париже. Детство свое я провел там, там же и воспитывался.

— Хорошо, но ведь кто-то должен был воспитывать тебя?

— Меня воспитал старик, которого я звал по имени и отчеству — Иваном Михайловичем.

— Но у него была фамилия?

— В Париже он жил под фамилией Люсли, но я не убежден, что она подлинная.

— Странно! А где этот старик?

— Он умер и умер скоропостижно, от удара. Однако он словно предчувствовал свою смерть. Он призвал меня к себе и передал мне пакет с тем, что если что случится с ним, то я

должен этот пакет распечатать и поступать
сообразно данным там мне указаниям. Я
знаю, что через неделю он умер.

— И ты распечатал пакет?

— В нем были паспорт, чек на двадцать
тысяч франков и письмо. В письме мне было
сказано, что я должен оставить Париж, отпра-
виться в Петербург и устроиться там на эти
двадцать тысяч франков и что затем я буду
получать ежемесячно по тысяче рублей через
банкирскую контору... Все так и было. Как
оно ни кажется тебе странным — мне все это
представлялось совершенно естественным и
казалось, что так и будет всегда продолжаться.
Однако в прошлом месяце управляющий
сказал мне, что выдает деньги в последний
раз и что больше я получать их не буду. Об-
стоятельства изменились. Я почему-то ли-
шился выдачи и никаких других объяснений
мне дано не было. Как я его ни расспраши-
вал — ничего не смог от него добиться.

— Что же ты теперь намерен делать?

— Не знаю. Поступлю на службу, буду
жить на жалование. Я успел составить кое-ка-
кие знакомства, авось помогут. Вообще надо

будет предпринять что-нибудь.

— Да. Но тебе тяжело покажется так круто изменить свою жизнь... Ты привык к известной обстановке, к известному обществу.

— Я надеюсь, что общество, в котором я был принят, не отвернется от меня только потому, что я обеднел. Дурного я ведь ничего не сделал!

— Ну зачем такие слова: «отвернется» и прочее. Дело в тебе самом. Тебе самому трудно будет бывать там, где ты бывал до сих пор. С маленькими средствами поддерживать такие знакомства совершенно невозможно. Ну так возьми вот; ведь мы с тобой друзья.

— Я думаю, что друзья.

— И я тебя очень люблю. А между тем, как ты думаешь, мыслимы ли будут прежние отношения между нами?

— Отчего же нет? Я не понимаю...

— Как же ты не понимаешь?! Это так просто. На твое грошовое жалование, которое ты рассчитываешь получать, дай Бог тебе просуществовать так, чтобы иметь самое необходимое — прямо скажу, чтобы не умереть с голоду. Не могу же я, однако, только потому, что у

тебя не будет средств, бросить свои привычки? Я буду по-прежнему выезжать и бывать в театрах, и обедать, и ужинать в холостой компании... На это у тебя денег не будет, и ты волей-неволей отстанешь от меня. Конечно, это ужасно, мне тебя жаль от всей души, но таковы обстоятельства. Говорю я это потому, что считаю тебя умным человеком и другом, именно, говорю как другу...

— Постой, как же это так? Ты считаешь меня своим другом, а между тем хочешь разойтись со мной...

— Да я не хочу разойтись. Пойми ты! Напротив, мне будет не хватать тебя в нашей компании, но что делать, если ты должен выйти из нее не имея средств? Согласись, я не виноват в этом! Ведь не могу же я платить за тебя! У меня нет такого состояния, да и ты сам, наверное, не пожелаешь...

— И это — твое последнее слово?

— Да не мое, это — слово благоразумия. Ведь мы не дети, чтобы относиться к таким серьезным вещам легкомысленно. Надо понимать, мой друг...

— Я понимаю, — проговорил вдруг с вне-

запно изменившимся, побледневшим лицом разоренный, обездоленный судьбой Николаев. — Я понимаю, что вы, граф Савищев, которого я до сих пор считал своим другом, не стоили этого, потому что вы — мелкий и жалкий человек. Лучше всего оставьте меня и уйдите...

Он встал и, вытянув руку, указал на дверь...

Граф Савищев вскочил со своего места. В первую минуту он вспыхнул весь, но сейчас же сдержал себя, улыбнулся, пожал плечами и пробормотал, как будто про себя:

— Ну вот как люди меняются в новом положении! Достаточно было лишиться средств, чтобы начать ругаться совсем помещански...

Он быстро схватил свою шляпу и вышел из комнаты, ничего не сказав на прощанье.

Глава II

Время, в которое жил Александр Николаевич Николаев, или, как звали его в приятельском кругу, просто Саша Николаич, было временем чувствительных стихов, томных взглядов, беззаветной веры в идеалы любви и дружбы, в сродство душ; временем альбомов, храмов в парках, разбитых урн под плакучими березами, сувениров, медальонов с хитро сплетенными, таинственными литерами из волос — словом, всех атрибутов господствовавшего тогда сентиментализма.

Александр Николаевич, может быть, в силу своего до некоторой степени исключительного положения был одним из самых восторженных.

Судьба сложилась для него так, что само его существование представлялось романтическим. Разумеется, это не могло не повлиять на него, и он, с одной стороны, был разочарован вообще, а, с другой, верил, что на свете есть душа, которая тоскует по его душе и которую он должен найти, и есть идеальный человек, способный для него на самоотвержен-

ную, беззаветную дружбу.

Тоскующей души он еще не нашел, хотя приглядывался ко многим девушкам, что же касается дружбы, то в этом отношении он был уверен, что обрел то, что искал, в лице графа Савищева.

Поэтому понятно, что должен был испытать Саша Николаич, когда сообщил графу о происшедшей перемене в своих денежных делах, а тот вовсе не оказался на высоте своего положения. Понятен так же и тот повышенный, выпранный тон, с которым Саша Николаич прогнал Савищева, театральным жестом указав ему на дверь.

Когда граф вышел, Саша Николаич, оставшись один, опустил голову и закрыл лицо руками.

Тяжелые минуты переживал он. В самом деле, лучший друг изменил ему именно тогда, когда была нужна его поддержка.

Николаев не сознавал, разумеется, что в действительности граф Савищев был обыкновенный смертный, самый заурядный и что он сам, Саша Николаич, в своем воображении наделил его какими-то особенными качества-

ми.

Как бы то ни было однако, разочарование оказалось болезненным и заставляло страдать неподдельной скорбью.

— О Господи! — вздохнул Саша Николаич, но тотчас же поднял голову и отнял руки от лица. Ему почудилось, что кто-то вошел.

Он не ошибся. Перед ним стоял некий господин, совершенно ему незнакомый.

Внешность этого господина, хотя и вполне приличная, даже изысканная, все-таки с первого взгляда не внушала симпатии. Особенно неприятными казались его угловатые, как будто заостренные уши, рыжие волосы с начесанным коком и зеленовато-серые глаза. Его одеяние: манишка, жабо, галстук — было безукоризненным.

— Что вам угодно? — спросил удивленный Саша Николаич, видя, что незнакомец не выказывает желаний уходить как человек, ошибшийся дверью, а, наоборот, продолжает смотреть на него с явным намерением вступить в разговор.

— Я хотел бы поговорить с вами, — заявил незнакомец и, не ожидая приглашения, без

церемоний подошел к столу и сел. — Я потому, — пояснил он, — решаюсь беседовать с вами, что мой разговор будет вам полезен и, может быть, выведет вас из того затруднительного положения, в котором вы теперь находитесь. Потерять тысячу рублей ежемесячного дохода и очутиться внезапно ни с чем — штука плохая.

— Откуда вы знаете это, и кто вы такой? — опять удивился Саша Николаич, широко открытыми глазами глядя на незнакомца.

— Видите ли, — заговорил тот, — я мог бы сейчас сочинить какую-нибудь историю, более или менее сложную, доказывающую мое всеведение, или что-нибудь в этом роде. Дело тут очень простое. Я сидел рядом и слышал весь разговор с бывшим вашим другом. Там слышно каждое слово...

Он показал на запертую дверь, соединявшую кабинет, где они сидели, с соседним.

— Так что же вы, собственно, хотите? — продолжал недоумевать Саша Николаич.

— Помочь вам и больше ничего.

— Помочь мне? В каком это смысле?

— В самом непосредственном. Если мы

сойдемся с вами — вы будете так же получать тысячу рублей в месяц как и до сих пор.

— От кого?

— Не все ли вам равно?

— Однако...

— Да ведь получали же вы до сих пор деньги неизвестно откуда?

— Но это меня ни к чему не обязывало. А вы говорите, что я должен в чем-то «сойтись с вами».

— Да, разумеется, это необходимо. С вашей стороны потребуется исполнение некоторых условий...

— Каких же?

— Не очень замысловатых: слушаться меня и беспрекословно исполнять мои требования...

— Что за вздор! — усмехнулся Саша Николаич. — Вы, вероятно, выпили лишнее и говорите пустяки.

Незнакомец усмехнулся и переспросил:

— Отчего же пустяки?

— Да ведь как же! Вы хотите, чтобы я исполнял ваши требования и слушался вас, когда я даже понятия не имею, кто вы такой и

откуда вы.

— Но это не даром, Александр Николаич...
Ведь тысяча рублей в месяц!

— Вы знаете мое имя? — невольно воскликнул Александр Николаич.

— И фамилию тоже, — подтвердил незнакомец. — Вы — Александр Николаевич Николаев. Я вас встречал и раньше, только нам до сих пор познакомиться не пришлось... Так ведь тысяча рублей в месяц!.. Подумайте!

— Да и думать нечего! — решительно сказал Саша Николаич. — Оставьте меня в покое! Ни на какие сделки из-за ваших денег я не пойду!..

— Я ожидал этого, — словно обрадовался незнакомец, — иначе с первого раза вы ответить и не могли...

— Тогда зачем вы начали этот бесполезный разговор, если заранее знали мой ответ?

— Я знаю, что с вами случится в более или менее отдаленном будущем.

— И что же?

— Вы придете ко мне и будете более стоворчивым, чем теперь.

— Послушайте, это дерзость!

— Нисколько. И опять-таки вовсе не предвидение или всеведение, а простой расчет. На всякий случай я вам оставляю свою карточку, тут написан мой адрес.

— Да уйдите вы от меня! — не выдержал Саша, наконец. — Оставьте меня в покое, мне, право, не до вас теперь и не до ваших расчетов!

Наглая, упорная назойливость этого господина взбесила его.

Незнакомец не настаивал больше. Он вынул карточку, положил ее на стол и выскользнул из комнаты, словно его тут и не было.

Саша Николаич встал и дернул за сонетку, чтобы позвать лакея. Когда тот явился, он заплатил ему по счету и, не взглянув даже на лежащую на столе карточку незнакомца, ушел из ресторана.

Глава III

Весть о случившемся с Николаевым крутом изменении денежных обстоятельств разнеслась быстро, так что в тот же день вечером, заглянув в клуб, он там увидел совершенно иное отношение к себе.

Молодые люди, его недавние приятели, не встретили его по обыкновению радостными восклицаниями, а держались с ним как-то конфузливо, разговаривали отрывками и звали его полностью по имени и отчеству, а не просто Саша Николаич как прежде. Старики, то есть более почтенные и важные члены клуба, те и вовсе не замечали его или же только кивали головой, не подавая ему руки. Среди всех этих людей не нашлось ни одного, который отнесся бы к нему сочувственно.

Главной причиной тут было вовсе не то, что Николаев лишился средств, — это имело лишь косвенное посредствующее влияние.

От Александра Николаевича отвернулись потому, что он был без роду и племени, а держал себя в обществе словно имел видную родню, не замечал, что ему теперь нужно быть

потиху, имея одних знакомых, а родственников — никого, и что скрывал от них это раньше. Теперь же это всплыло.

Поусердствовал, разумеется, оскорбленный Сашей Николаичем граф Савищев. После сцены в ресторане он направился прямо в клуб, чтобы спросить себе там обед, потому что еда с Сашей Николаичем для него была прервана в самом начале и насытиться он не успел. Здесь, в клубе, Савищев сейчас же стал рассказывать, что известный всем Николаев на самом деле просто-напросто авантюрист, с которым нужно быть осторожным, он рассказывает историю о каких-то якобы тысячах рублей, получавшихся им неизвестно откуда, а теперь будто бы отнятых у него, но это едва ли вероятно. Вернее же, он просто добывал свои средства темными делами, а теперь боится попасться и потому бросает прежние занятия, уверяя, что разорился. Во всяком случае, факт тот, что этот неизвестно откуда взявшийся человек — нищий и водиться с ним надо с осторожностью.

Граф Савищев также говорил обо всем убедительно, и его словам было больше веры по-

тому, что именно он до сих пор был ближе всех к Николаеву.

Новость явилась очень интересной, стала быстро передаваться, и все говорили только о ней.

— Вы слышали, Николаев-то...

— Какой Николаев?

— Да этот, Саша Николаич...

— А, Саша Николаич! И что же он?

— Да оказался авантюристом, чуть ли не шулером...

— Не может быть!

— Да вот граф Савищев рассказывает, пойдите к нему...

И шли к графу Савищеву, и тот снова рассказывает и, повторяет свои доводы, злобствуя на прежнего «друга».

Пущенное вовремя словцо «авантюрист» тоже сделало свое дело, окончательно и сразу испортив репутацию Саши Николаича.

Словом, когда он поздно вечером заглянул в клуб, там уже все были восстановлены против него, и ему только оставалось пожалеть, зачем он явился сюда.

Он понял, что это работа графа Савищева,

почувствовал к нему еще большее омерзение, но не стал так или иначе рассеивать впечатление или объясняться. Ему было все равно.

Такое же отношение, как и в клубе, встретил Саша Николаич во всех других местах. В театре его не замечали, на улице отворачивались от него. Если и принимали где-нибудь, то очень сухо, а в большинстве случаев ему отвечали, что «дома нет». Даже в тех домах, где недавно еще за ним ухаживали, как за богатым женихом, теперь он находил двери закрытыми.

Попробовал было Саша Николаич обратиться к лицам влиятельным, которые его знали и были к нему благосклонны, но и в них произошла перемена. Он объяснял им свое положение, они его молча выслушивали, качали головами и говорили, что ничего сделать не могут.

Саша Николаич был настолько наивен, что просил сам за себя, воображая, что этого достаточно, и не понимая, что в особенности в таком городе, как Петербург, для того чтобы получить что-нибудь, нужна прежде всего протекция, то есть чтобы просили другие.

У Саши Николаича кроме самого себя «других» не было никого.

Глава IV

Так или иначе, однако Саше Николаичу приходилось устраиваться.

Житейским опытом и практичностью он не отличался. Да и негде ему было приобрести их.

До сих пор он всегда жил на всем готовом, привык располагать деньгами и тратить их, и не у кого ему было поучиться, как жить дешево.

Оставшись без «средств», то есть без определенной полочки в будущем тысячи рублей в месяц, Саша Николаич поступил, может быть, даже слишком решительно, круто изменив свою жизнь. Он отпустил прислугу, которая служила у него по найму, продал свой особняк, обстановку, лошадей, даже лишнее платье, кольца, трости, булавки и запонки.

Вырученная сумма, если и не была чрезмерной, то, во всяком случае, позволяла жить без бед длительное время.

Решив расходовать как можно меньше, он пошел подыскивать себе комнату с мебелью и столовой (он слышал, что такие комнаты

дешевле и что в них проще живется), не представляя себе, как он будет довольствоваться дальше таким помещением. Вероятно, это было основной ошибкой с его стороны.

Сумей он сохранить показную внешность — от него не отвернулись бы так скоро и помогли бы ему выбиться в люди. Но он не хотел этого.

Комнату он себе взял в сущности первую же попавшуюся.

Выйдя на поиски, он вскоре наткнулся на одноэтажный деревянный домик с пятью окнами на улицу и покосившимся крыльцом. На потускневшем от пыли и времени стекле крайнего окна был наклеен большой билет с четкой и вполне грамотной надписью: «Сдается роскошно меблированная комната». Саша Николаич направился к двери и вошел в сени.

В те патриархальные времена наружные двери затворялись только на ночь, а о звонках и помина не было.

Из сеней Николаев вошел в темную переднюю, довольно большую, но тем не менее тесную от наставленных в ней шкафов и ящи-

ков. Против входной была другая дверь в комнату, где виднелся край буфета и обеденный стол.

— Кто там? — спросили из этой комнаты, и сейчас же в двери появился лысый человек в халате и с трубкою.

Выражение его лица казалось не особенно добродушным и приветливым. Сморщенные, слезящиеся глаза неприязненно смотрели из-под клочков нависших бровей, углы губ были опущены вниз, щетинистый, колючий подбородок выдавался вперед, придавая лицу особенно неряшливый вид, который подчеркивали также и мятая рубашка, и обвисшие шаровары, казавшиеся не особенно чистыми.

Однако едва лишь только человек разглядел приличную одежду Николаева, как сейчас же выражение его лица изменилось и стало сладенько заискивающим.

— Что вам угодно? — пропел он, запахивая свой халат.

— У вас сдается комната?

— Ах, вы насчет комнаты? Очень приятно! Вы для себя желаете ее снять или для кого другого?

— Для себя.

— Очень приятно, очень приятно... Комната роскошная, со всеми удобствами. Вот пожалуйста сюда! Позвольте отрекомендоваться: титулярный советник Беспалов. А позвольте узнать, с кем имею честь?

Саша Николаич назвал себя.

— Очень приятно, — повторил Беспалов и отворил из передней дверь направо. — Вот это и есть комната, — пояснил он.

Комната была в одно окно, окрашена клеевой краской, с белым деревянным полом, хотя и вымытым, но все-таки не особенно чистым.

У окна помещался ясеневый изрезанный ножом стол. У одной стены стояли шкафы, у другой — кровать, отгороженная китайскими ширмами. Вся обещанная роскошь, по-видимому, и заключалась в этих ширмах, впрочем, сильно потертых, да еще, пожалуй, в кисейной занавеске на окне.

В качестве предмета роскоши и произведения искусства над диваном в деревянной рамке без стекла висела засиженная мухами гравюра, изображавшая голую женщину, рас-

кинувшуюся под ракетой вроде как бы на софе.

Пахло чем-то кислым и затхлым.

Саша Николаич огляделся. Все ему тут не понравилось, а в особенности гравюра.

— Роскошное помещение, — продолжал между тем титулярный советник, одной рукой прижимая полу халата к животу, а другой — махая трубкой в воздухе. — Обратите внимание на эти ширмы! Они мне достались по наследству от графини...

Он запнулся и не договорил, от какой именно графини.

— Вот гравюра-то уж очень... как будто... — проговорил Саша Николаич, не зная, что еще сказать.

— Она вам не нравится? — подхватил Беспалов. — Ее можно снять и заменить другою. Хотите фрукты или изображение букета цветов. У меня есть и то и другое.

Он подошел к дивану, протянул руку, взялся было за гравюру, но под нею оказалась такая залежь пыли и паутины, что он поскорее оставил ее.

— Вам как угодно комнату, — обратился он

к Саше Николаичу строго, словно недовольный именно тем, что под гравюрой была пыль и паутина, — со столом или без него, то есть у нас будете столоваться или брать из трактира? Я должен вас предупредить, что я очень требователен на еду. Я требую, чтобы была закуска — горячая и холодная, затем что-нибудь тяжелое — цыплята в эстрагоне... Ну и пирожное, пломбир или мусс. Да вы, пожалуйста, идите в столовую к нам. . там и разговаривать-то будет удобнее...

Беспалов сразу сообразил, что Саша Николаич будет для него выгодным жильцом, и потому не хотел упускать его.

А тот мялся, думая только об одном, как бы уйти от этого назойливого человека.

Но Беспалов оказался действительно настолько назойливым, что заставил-таки его снять плащ и войти в столовую.

Столовая, прокуренная и прокопченная длинная комната, служившая, очевидно, вместе с тем и гостиной, потому что по стене стояли диван и два кресла с покосившимися ножками, была и кабинетом, потому что у окон помещался круглый стол с чернильни-

цей, двумя книгами и номерами старых петербургских «Ведомостей».

У этого стола сидела молодая девушка в темном, скромном платье, наклонившись над шитьем.

Когда вошел Саша Николаич, она подняла голову. Этого было достаточно, чтобы сразу все переменялось, и Саша Николаич сейчас же решил — будь что будет, а комнату он оставит за собою.

Такой красоты он никогда не видал. Таких черных густых волос ни у кого не было; больших, задумчивых, бархатных, темных, как агат, глаз — тоже. Это была строгая, холодная красота с правильными чертами, поражающая с первого взгляда.

Беспалов шаркнул ножкой, хихикнул и, щуря глазки, проговорил Саше Николаичу:

— Это-с моя воспитанница Маня... Будьте знакомы...

Он уже подметил, какое впечатление произвела его воспитанница на молодого человека, и ясно было, что он именно рассчитывал на это впечатление, настаивая на том, чтобы Саша Николаич вошел в столовую.

Глава V

— **А** это — мой сын Виталий, — представил он сидевшего в углу длинного юношу, которого Саша Николаич не заметил при входе.

Юноша встал, вытянулся и поклонился, но не по направлению к гостю, а несколько в сторону.

— Он слепой, — пояснил Беспалов. — Садитесь, пожалуйста.

Саша Николаич сел, не заставляя себя просить вторично.

Ему, конечно, хотелось побыть в обществе замечательно красивой девушки, приглядеться к ней и проверить, действительно ли она так хороша, как кажется первого взгляда.

— Так сколько стоит комната за месяц? — спросил он, обращаясь к Беспалову.

— Вы хотите помесечно? — спросил тот, нахмутив брови и сделав серьезное лицо.

— Да мне все равно — тут срок не играет роли; угодно вам, так на год...

— На год? И со столом?

— Что ж, пусть будет со столом...

— Да, если со столом...

Беспалов предлагал эти вопросы, а сам обдумывал, сколько ему спросить с этого, по-видимому, совсем неопытного молодого человека.

Он уже видел, что обыкновенную цену возможно увеличить до необыкновенной, но прикидывал только размеры последней, чтобы вышло не слишком много и не слишком мало.

— Вот что я с вас возьму, — наконец решил он, — со столом и услугами, словом, на всем готовом сорок пять рублей в месяц...

Он выговорил это и остановился. Маня как будто вздрогнула и взглянула на Беспалова.

По тогдашнему времени эта цена была очень высокой. Самое большее, на что они могли рассчитывать, это двадцать рублей, которых и то было за глаза, а тут вдруг сразу — сорок пять.

Сам Беспалов словно смутился и, потупившись, умолк, стараясь поскорее придумать какой-нибудь почетный предлог для отступления.

Но Саша Николаич ничуть не был смущен.

Привыкнув проживать тысячу рублей в месяц, он даже никак не ожидал, что можно устроиться на всем готовом всего за сорок пять. . Для него это было приятное открытие. В порядочном ресторане пообедать вдвоем стоит почти столько же, а тут — и стол, и помещение.

— Я согласен, — заявил он, — комнату оставьте за мной. Угодно вам получить задаток?

Беспалов просиял.

— Позвольте, я сию минуту расписочку, — заторопился он. — Очень приятно... Какой угодно размер задатка?

Саша Николаич улыбнулся и ответил:

— Да все равно! Ну двадцать рублей. Довольно?

— Вполне! — подхватил Беспалов. — Очень приятно... На двадцать рублей...

Красавица Маня и по ближайшем, так сказать, рассмотрении, не только не потеряла, но, напротив, выигрывала. Чем больше всматривался в нее Саша Николаич, тем больше она ему нравилась. Всматривался он осторожно, уголком глаза и был уверен, что это

никому не заметно.

Наняв не торгуясь комнату, он умышленно ограничился с Беспаловым деловым разговором, чтобы показать молодой девушке, что вовсе не желает навязывать ей свое знакомство.

Вручив задаток и получив расписку, Саша Николаич раскланялся, причем отвесил Мане самый изысканный поклон.

Она ему ответила простым и милым кивком головы, без всякого жеманства, так свободно, как могла это сделать только очень хорошо воспитанная девушка.

Вообще Саша Николаич должен был убедиться, что в Мане не было ничего мещанского, несмотря на всю мещанскую обстановку, окружавшую девушку.

Беспалов проводил Сашу Николаича до входной двери и даже голову высунул на улицу, а затем, вернувшись в столовую, широко расставил руки, притопнул и повернулся полным оборотом, распустив полы халата по воздуху.

— Какова штучка?! — произнес он, прицелкнув пальцами. — Вся жизнь можно ска-

зять не везло и вдруг такой сюрприз! Теперь, — обернулся он к молодой девушке, — вам одно могу сказать, сударыня, не зевай!!

Маня взглянула на него, не подымая головы, и продолжала шить.

Беспалов снова расставил руки, но на этот раз не повернулся, а присел.

— Не желаете удостоить ответом? «И без тебя, мол, все знаю и понимаю!» Даром, что смиренный вид на себя напустили, будто шитью всецело преданы, а на самом деле все видели!

Маня наморщила брови, недовольным движением передвинула шитье на коленях и проговорила:

— Да будет вам!

— Нет-с, не будет! — подхватил Беспалов. — Сорок пять рублей в месяц, и это не торгуясь! А глазами-то, глазами-то так и косит на тебя! И я прямо говорю тебе, Маня, не зевай! Он человек, видимо, высшего круга — и манеры, и осанка, и прочее... Связи, видимо, в высших слоях... Карьера, не нам чета!.. Залетит высоко! А ты за него вовремя уцепись, чтобы он и тебя потянул, а упустишь время —

потом не достанешь!

— Я одного не понимаю, — остановила его Маня, — зачем вы назвали меня воспитанницей?

Беспалов повертел пальцами у себя передо лбом.

— Потому, сударыня, что у меня игра ума и сообразительность: скажи я ему, что вы — моя дочь, да, может, он бы и внимания на нас не обратил! Потому к вашей внешности такой отец, как я, вовсе не подходит! Ну а воспитанница на воображение действует! И сейчас же сочувствие... Бедная, дескать, девушка, вероятно, страдает, а, Бог ее знает, может она и графского происхождения!

— Да ведь все это неправда!

— А вы попробуйте, проживите правдой!.. Да уж будто вы и сами такая правдивая?!

— Неправда, которая может быть легко раскрыта! — договорила Маня.

— Ну улита едет, когда-то будет! — протянул Беспалов. — А пока что двадцать рублей задатка в наличии и сорок пять рублей ежемесячно в будущем! Я полагаю, что у него и теперь должны быть средства хорошие!

— Отчего это вы полагаете? — вдруг спросил слепой из своего угла. — По-моему, он нищий!

— То есть как это нищий? — рассердился Беспалов.

— Да кто же с хорошими средствами станет сорок пять рублей в месяц за комнату платить?.. Один мизер! — проговорил он тягуче глухим голосом и снова погрузился в свои думы.

Беспалов махнул на него рукой и стал выбивать трубку о подоконник.

Глава VI

У Агапита Абрамовича Крыжицкого, господина появившегося перед Сашей Николаичем в ресторане и оставившего свою карточку, на которую тот даже не обратил внимания, собрались гости. Их было шестеро; сам хозяин был седьмой.

Казалось, явились они в довольно скромную и в всяком случае обыкновенную квартиру Крыжицкого просто для того, чтобы провести свободное время без всякой определенной цели.

Между тем это только казалось.

Хотя ни комната, служившая, по-видимому, кабинетом — так как в ней был круглый письменный стол — ни обстановка не должны были соответствовать ничему таинственному или загадочному, но на самом деле у Крыжицкого собрание вышло не совсем заурядным.

Сначала он и его гости сидели и разговаривали о совершенно незначительных вещах, как могут разговаривать только хорошие приятели. Но это продолжалось до тех пор, пока к

ним не присоединился восьмой, которого они, очевидно, ожидали.

Этот восьмой вошел, ответил общим поклоном на приветствие поднявшихся ему навстречу остальных и сел, не ожидая приглашения, у круглого стола, где были приготовлены бумага, чернила и очиненные перья. Он отодвинул бумагу, вынул из кармана белую кокарду и приколот ее к отвороту своего фрака.

Остальные семь сделали то же самое, только кокарды у них были иного цвета: красная, фиолетовая, синяя, голубая, зеленая, желтая, оранжевая.

У Крыжицкого была желтая.

Главным, как бы председателем, тут был не Крыжицкий, хотя собрались у него, а вот этот, с белой кокардой, пришедший позже всех.

И по росту, и по осанке он выделялся среди них: высокий, стройный, худой, он был уже не молод, насколько можно было судить по его длинным, закинутым назад вьющимся седым волосам. На его лице складками лежали морщины, и только выпуклые черные глаза

блестели особенно ярким, несвойственным старости блеском.

Остальные семь человек, нацепив кокарды, особенного подобострастия перед председателем не выказали. Они остались в тех же совершенно непринужденных позах, в каких были раньше. Один даже совершенно развязно обернулся и спросил:

— Ну что, есть известия из Крыма?

Председатель отрицательно покачал головой и ответил:

— Никаких!

— Да что она там, забыла о нас, что ли?

— Экий ты... — стал возражать Крыжицкий, — разве близок свет Крым?! Пока оттуда придет что-нибудь!

— Ну а что этот молодой человек? — обратился к нему председатель.

— Николаев? — переспросил Крыжицкий.

— Да.

— Еще не являлся. Моей визитной карточки тогда, в ресторане, он так и не тронул на столе и даже не прочел моего адреса.

— Надо было все-таки дать ему знать; нельзя ни в коем случае упустить его!

— Я взял его на себя, — успокоил Крыжицкий, — так уж и сделаю все, что нужно. Надо дать ему время почувствовать свое новое положение.

— А где он теперь?

— Нанял комнату у одного чиновника и переехал туда.

— Ну так ты следи за ним, — сказал председатель и, сочтя разговор о молодом человеке законченным, достал из кармана довольно увесистый кошелек и сказал:

— Получена ассигновка из Франции!

Лица у присутствующих посветлели. Один Крыжицкий совершенно равнодушно глядел на то, как председатель раздвигал кольца кошелька и доставал оттуда золотые монеты, блестящие при свете яркой масляной лампы.

Председатель разложил монеты на семь равных стопок и показал на них: получайте, дескать.

— Надо отдать справедливость, — заметил член этой компании с голубой кокардой, — счет в Париже ведут добросовестно!

— Лишь бы быть здоровым! — улыбнулся

другой, пряча деньги в карман.

— А у меня есть новость, — сказал третий, у которого была красная кокарда. — Не знаю только, можно ли будет тут сделать что-нибудь?!

— Говори, а там посмотрим! — остановили его.

— Дело в том, что существует графиня Савищева!

— Ее сын — приятель с моим Николаевым! — вставил Крыжицкий. Он уже называл Сашу Николаича «своим».

— Ну так вот у этой графини, — продолжал начавший разговор, — состояние от умершего мужа, и оно, по завещанию, перешло к ней. Но в этом завещании есть один прелюбопытный пункт: там сказано, что графиня может пользоваться и распоряжаться наследством как собственностью до тех пор, пока она носит фамилию Савищевой. Это муж сделал для того, чтобы она не вышла замуж после его смерти.

— Имение у него, значит, было благоприобретенное, а не родовое, раз он мог оставить его жене, а не сыну? — спросил Крыжицкий.

— Родовое имение у него было пустячное: маленькие земли в Тверской губернии; они перешли к сыну, а деньги у него были благоприобретенные и положены в банк, так что вдова их тронуть не может, а наследство состоит в процентах.

— Много?

— Да, в банке лежит миллион.

— Неужели миллион? Откуда же граф благоприобрел его?

— На его имя казенные подряды давались.

— Ты изучил это дело или только намереваешься приняться за него? — остановил говорившего председатель.

— Нет, изучил до некоторой степени, в подробностях! — подхватил тот.

— И убедился, что одному тебе нечего делать тут, потому решил поделиться с нами своими сведениями? — спокойно проговорил председатель.

— Нет, отчего же! — стал оправдываться человек с красной кокардой, — Я бы все равно сообщил.

Но председатель, видимо, хорошо знал, что говорил.

— Вот видишь ли! — усмехнулся он. — Дело с наследством графини Савицовой слишком интересно для всех нас, чтобы мы, со своей стороны, не следили за ним. И я знаю, что и Синий, и Зеленый, и Голубой тоже знакомы с ним немного.

Перечисленные при этих словах неожиданно смутились и потупились. Они, действительно, каждый отдельно, думая, что делает это в полной тайне, намеревались воспользоваться выгодным, на их взгляд, делом...

Глава VII

— Ну что же, значит я не один! — проговорил Красный. — Но только я и подозревать не мог, что еще трое заняты тем же делом!

— Так же, как и они не подозревали, — сказал председатель, — что дело известно еще кому-нибудь, кроме них, а главное, что ваши розыски известны и мне!

Синий кивнул головой и, как бы желая играть в открытую, прищелкнул языком и протянул:

— М-м-да!

Голубой ничего не возразил, а Зеленый начал было отнекиваться.

— Всего третьего дня, — остановил его председатель, — ты рассматривал духовное завещание графа Савищева у нотариуса.

— Ну, и больше ничего! — возразил Зеленый. — Больше я ничего не знаю.

— Хотя этого вполне достаточно для начала дела, — перебил его председатель, не церемонившийся в своем разговоре. — Этот миллион должен попасть к нам сообща, одному

тут не справиться! Ну, говори, — обратился он к Синему, — что ты знаешь о графе Савищеве и графине и что ты думаешь об этом деле?

— Я думаю, — начал Синий, — что если бы нашлась возможность к тому, что графиня Савищева изменила свою фамилию, то это был бы большой шаг вперед.

— Ты что же, хочешь выдать старуху замуж? — насмешливо вставил Зеленый.

— Нет, есть иной способ!..

— Какой же?

— А хотя бы добиться задним числом расторжения брака ее с графом, то есть признать ее брак незаконным! Граф-завещатель не предвидел этого случая, между тем если брак будет расторгнут, графиня лишится фамилии и по букве завещания должна будет лишиться и наследства.

— Но тогда оно перейдет к его сыну!

— Ты поглупел! — возразил Синий. — Если брак будет расторгнут, значит и сын тоже будет незаконным и наследовать ничего не сможет, а наследство должно будет перейти в руки дочери брата графа Савищева, который тоже умер, и его дочь — единственная наслед-

ница. Где она теперь — неизвестно, но, очевидно именно в силу этой своей неизвестности, ее обстоятельства не блестящи и ее можно будет склонить к послушанию. Надо будет только найти ее.

— Ну, а главное-то? — спросил Крыжицкий. — Есть хоть какая-нибудь возможность самый-то брак объявить незаконным?

— На этот счет у меня уже составилась план, — подхватил Синий. — Впрочем, может быть, мы сообща придумаем что-нибудь лучше!

— Придумывать тут нечего! — остановил председатель, — И никакие измышления не нужны. Дело в том, что в метрическом свидетельстве, по которому венчалась графиня, ее годы уменьшены на пять лет. Это ее маменька смастерила, чтобы скрыть года дочери и выдать, что она моложе, чем на самом деле; этого будет достаточно, если иметь в руках метрическое свидетельство — на нем сделана подчистка. С хорошими деньгами это можно будет оборудовать.

— Да нам все уже известно! — воскликнул Красный. — У вас уже все дело как на ладони!

— Как видишь! — усмехнулся опять председатель. — И напрасно ты терял время, чтобы производить розыски по нему.

— Теперь, значит, прежде всего, — проговорил Крыжицкий, — надобно достать подчищенную бумагу, метрическое свидетельство, а затем найти наследниц. Есть хоть какие-нибудь указания, где она?

Председатель отрицательно покачал головой и ответил:

— Никаких.

— Тогда надо их найти! — решительно произнес Оранжевый, молчавший до сих пор.

— Надо их найти! — повторил председатель. — И этим займитесь вы! А добыть метрическое свидетельство мы поручим Желтому; пусть он это сделает.

— К сожалению, я с ней не знаком и она меня не знает! — сказал Крыжицкий, у которого была желтая кокарда.

Председатель пожал плечами и спокойно произнес:

— Ты пойдешь к ней и заинтересуешь ее делом оберландовского наследства, скажешь, что она якобы может получить его, а когда

войдешь с ней в сношения, добьешься того, что она передаст тебе свои документы для хлопот по этому наследству.

Крыжицкий молча наклонил голову в знак согласия и того, что он понял все и в дальнейших указаниях не нуждается.

— Ну, — заключил председатель, — на этот раз довольно! Соберемся опять через месяц, на этот месяц работы всем хватит; надо поретивее взяться за это дело, а то мы уже давно не предпринимали ничего крупного, даже перед Парижем и Крымом стыдно. Так надо, чтобы через месяц все было налажено!

И с этими словами он встал, кивнул всем головой и вышел.

— Надо отдать ему справедливость: ловок! — подмигнул вслед ушедшему председателю Красный.

— Н-да-а! Этого не надуешь!.. Все знает! — согласился Синий, отстегивая свою кокарду и пряча ее в карман.

Остальные тоже сняли свои кокарды, спрятали их и опять стали обыкновенными людьми, гостями Крыжицкого.

И Крыжицкий, которого они опять стали

называть Агапитом Абрамовичем, как добрый хозяин, пригласил их в столовую закусить чем Бог послал.

Глава VIII

Эти люди, собравшиеся у Агапита Абрамовича под видом гостей на тайное заседание, очевидно, принадлежали к одному из секретных обществ, которых было много в начале XIX столетия во времена процветания масонства и всяких братств, преследовавших по своим статутам более или менее возвышенные цели.

Однако общество, собравшееся у Крыжицкого, возвышенных целей не преследовало, а напротив: задачи у него были самого прозаического свойства; то есть материальные блага, или, попросту, обогащение.

Наряду с масонами, розенкрейцерами, магами, перфекционистами[1] в начале девятнадцатого века в Европе существовало и общество «Восстановления прав обездоленных».

Под сенью этого настолько пышного названия действовали люди, отыскивавшие действительно обездоленных наследников с тем, чтобы помочь им в получении следующих им по закону или по завещанию состояний от родственников, умерших ранее. Это

общество поначалу было организовано по образцу мистических тайных союзов с известной иерархией, посвящениями, разделением на степени, совершением обрядов — и в первые годы своего существования оно искренне помогало только действительно обездоленным, само пользуясь скромным процентом.

Однако этот процент быстро увеличился, и члены общества «Восстановления прав обездоленных» стали, главным образом, заботиться о себе и собственных выгодах.

Они уже не отыскивали лишенных наследства или состояния по несправедливости, чтобы восстановить их права, а старались прежде всего найти богатые спорные наследства и сделать так, чтобы львиная часть пришла на их долю, а якобы облагодетельствованные ими наследники получили крохи.

Приемы, которые они употребляли для этого, не всегда можно было одобрить с точки зрения даже снисходительной морали.

Но были ли это прямые наследники?

Нет, с юридической стороны они были неуязвимы и стояли на почве самого строгого закона, обделывали свои дела так, что к ним

нельзя было придраться.

Они пользовались огромными связями и огромными капиталами.

Главари, направлявшие «рабочих» всего общества, находились в Париже, где и зародилось самое общество на почве запутанных юридических отношений, созданных французской революцией, в особенности в области наследственных прав.

Отделения и агенты союза были повсюду, между прочим, и в России.

У Крыжицкого было именно сборище вожаков, действовавших в Петербурге.

Единственным, что осталось от прежней обрядовой стороны, были кокарды и разделение вожаков и стоявших за каждым из них агентов по цветам.

На другой же день после заседания Крыжицкий отправился по порученному ему делу.

Самой графини Савищевой он не знал, но о ее сыне имел понятие и решил, что в данном случае лучше всего действовать через него. Вопрос только состоял в том, ехать ли прямо к Савищеву на дом или постараться встре-

титься с ним на нейтральной почве, как бы случайно, в театре или в ресторане.

Однако нейтральная почва была очень неопределенна и во всяком случае ее нельзя было использовать сейчас.

Агапит Абрамович решил ехать на дом. Он оделся с изысканностью и, вместе с тем, строгостью, которую всегда соблюдал в своем костюме, и, сев в карету (она у него была собственная), отправился к молодому графу.

Он застал его, как и рассчитывал, только что поднявшимся с постели, за утренним кофе.

Крыжицкий велел сказать о себе, что он приехал по важному делу, и Савищев принял его, немножко удивившись; какое это отыскалось важное дело, которое могло касаться его; он всю свою жизнь привык бездельничать.

Крыжицкий, зная, как разговаривает важное лицо с подобными графу молодыми людьми, вошел и довольно развязно раскланялся, хотя заговорил очень вкрадчиво и почтительно:

— Я вам приехал представиться, граф, по очень важному делу; оно вам может дать

огромные средства, кроме тех, которые вы имеете.

Савищев поднял брови и отодвинул от себя лежавшие на подносе нераспечатанные записочки и конверты с пригласительными билетами, которые он каждый день получал по утрам по своему положению видного молодого человека, выезжающего в свет.

Слова Крыжицкого заинтересовали его больше, чем эти записочки.

— Вы говорите, громадные средства? — переспросил он.

— Да, граф. Есть данные и очень серьезные, по которым вашей матушке с уверенностью может достаться оберландовское наследство...

— Да неужели? — воскликнул Савищев с оживившимся лицом.

Об оберландовском наследстве было тогда известно в петербургском обществе и оно даже как бы вошло в поговорку. Когда хотели дать шутивное обещание, то говорили: «Я это сделаю, когда получу оберландовское наследство».

Лет сорок тому назад умер в Пруссии по-

следний барон Оберланд, не оставив по себе прямых наследников. Добросовестные немцы стали разыскивать наследников косвенных и допытались, что потомство баронов Оберландов в Германии прекратилось и что оно может существовать только в России, куда один из баронов с этой фамилией переехал на службу к Петру Великому. Это стало известно в петербургском обществе и вскружило несколько мечтательных голов, которые соблазнились перспективой: а не достанется ли им неожиданное богатство?

Надо отдать справедливость Савищеву, что он никогда ранее не мечтал о возможности своего родства с Оберландами и обычно смеялся над теми, которые пытались отыскать это родство для себя.

Но теперь, когда совершенно незнакомый ему, но, по-видимому, солидный человек, подал ему эту мысль, то он в первую минуту подумал, что вдруг это и на самом деле может быть.

— А есть ли оно на самом деле, это наследство? — спросил он.

— Есть, — уверенно подхватил его слова

Крыжицкий, — об этом было сообщение в «Санкт-Петербургских ведомостях»[2] в 1797 году с правом поиска наследников. — Он достал из портфеля старый номер «Санкт-Петербургских ведомостей» и показал его графу.

Тот прочел объявление и оно показалось ему почему-то очень убедительным.

— Так какие же данные вы имеете относительно меня? — спросил он.

— Относительно вашей матушки! — поправил его Крыжицкий.

— Ну, все равно, относительно моей матушки...

— Дело в том, что до сих пор в России искали баронов Оберланд по мужской линии, но оказалось, что по этой линии их нет. По женской же ваша матушка, рожденная Дюплон, ведет прямое происхождение от баронов Оберландов и прямо от Карла Оберланда, служившего в России при Петре Первом. У него был сын, женатый на Доротее Менден; от этого брака родилась дочь, вышедшая замуж за Дюплону.

— Вы это знаете наверное? — обрадовался Савищев, все более увлекаясь.

— Надо теперь доказать родственную связь вашей матушки с этим Дюпломом — и тогда наследство ваше.

Савищев задумался и потом, вдруг вскинув голову, произнес:

— Нет, этого не может быть.

— Отчего же?

— Оттого, что это было бы слишком хорошо!

— Вот два слова, — улыбнулся Крыжицкий, — которые не идут вместе! Уж если хорошо, то это не может быть слишком!..

— А скажите, пожалуйста, — вдруг сообразив и сейчас же изменив тон, протянул Савищев, — сколько эта история может стоить?

— То есть хлопоты по наследству?

— Да, хлопоты.

— Ну, это подробность, о которой можно будет сговориться. Уплата по получении наследства, а до тех пор никаких расходов с вашей стороны не потребуется.

Это окончательно убедило Савищева, и его разговор с Крыжицким закончился тем, что он обо всем обещал переговорить с матерью.

Агапиту Абрамовичу только этого и было

нужно.

Глава IX

Условились, что Крыжицкий приедет на другой день в два часа, к тому времени, когда старая графиня имела обыкновение выходить из своей уборной.

Агапит Абрамович, разумеется, был аккуратен. Его провели по громадной лестнице во второй этаж дома, который занимала графиня.

Вся ее обстановка была выдержана в стиле XVIII века, видимо, потому, что ее просто никогда не обновляли с тех пор.

Вещи были дорогие и прочные; они состарились, как и их хозяйка, но от этого хуже не стали. Напротив, они как бы внушали к себе уважение, заставляя замедлять шаг и принимать почтительную позу.

Сама графиня оказалась маленькой старушкой, но очень суетливой и подвижной. Она была одета и, в особенности, причесана по старой моде. Ее седые волосы, не нуждавшиеся в пудре, были зачесаны кверху, как у Марии Антуанетты. По старой привычке она еще и румянилась, но делала это с большим

искусством и тактом.

Когда Савищев ввел к ней Крыжицкого, она сидела на кушетке и быстро перебирала спицами гарусное вязанье.

— Вы нам приносите, говорят, очень интересные вещи, — встретила она Крыжицкого, не оставляя своего занятия. — Ну, садитесь и рассказывайте.

Крыжицкий сел и слово в слово повторил то, что накануне говорил ее сыну.

Графиня оказалась очень осведомленной в своей родословной до прадедушки включительно, но и Крыжицкий подготовился к разговору с ней и тоже хорошо знал историю Дюплов.

— Ах, милый, как это интересно! — поворачиваясь из стороны в сторону, говорила быстро Савищева. — Вы знаете и о моем дедушке Модесте? Это очень интересно!.. Не правда ли, Костя, это было очень интересно? — обернулась она к сыну.

Костя, разумеется, был занят не дедушкой, а возможностью получить громадное наследство, но не противоречил матери и согласился с ней.

По расчету лет выходило, что если в самом деле дочь барона Оберланда вышла замуж за Дюплону, то это должен был быть прадед графини, а между тем та уверяла, что ее прадед был женат на княжне Ступиной-Засецкой.

Крыжицкому важно было получить метрику графини, для чего он смело выдумал брак с Дюплонем баронессы Оберланд, самое существование которой было сомнительно.

Он не ожидал, что ему придется считаться с такими генеалогическими познаниями графини. Но он разговаривал смело, уверенный, что если графиня была сильна в генеалогии, то ее сведения по арифметике были не такими большими.

В годах она действительно запуталась и только спрашивала, какой же это Дюплон был женат на баронессе Оберланд!

— Вот это-то и надо выяснить, — наконец, решил Крыжицкий, разрубая тем самым этот гордиев узел.

— Да, маман, это-то и надо выяснить! — подтвердил молодой Савищев, испугавшись, что разговор принимает неблагоприятный оборот.

— Ну разумеется, миленький! — согласилась графиня. — Надо это выяснить. Вот я и хочу, чтобы месье...

— Крыжицкий! — подсказал Агапит Абрамович, видя, что графиня затрудняется.

— Месье Крушицкий, — повторила она, сейчас же перепутав фамилию, — мне выяснил...

— Я это и сделаю, графиня! — поклонился Агапит Абрамович. — Но для этого мне придется поработать в архивах.

Слова «поработать» и «в архивах» подействовали на графиню. Против таких серьезных вещей она ничего не могла возразить.

— Да, голубчик! — только сказала она. — Я знаю, что дедушка Модест Карлович служил по архивам; это очень интересно!

В общем, Агапит Абрамович ей очень понравился, что, впрочем, не было трудно, потому что ей все нравилось с первого же взгляда и всем она одинаково говорила «милый», «миленький» и «голубчик».

«Голубчик» Агапит Абрамович тоже остался доволен ею, найдя, что обвести вокруг пальца ее будет легко.

На первый взгляд он ограничился только общим разговором с графиней, стараясь только понравиться ей, но, уходя, на лестнице сказал молодому Савищеву, провожавшему его:

— Дело все-таки тяжелое, и я боюсь очень многих препятствий.

— Надо их побороть! — серьезно произнес Савищев, как будто сам он тоже действительно умел бороться с препятствиями. Уж очень ему захотелось получить оберландовское наследство.

— Большинство препятствий, — вздохнул Крыжицкий, — я побороть сумею, но вот боюсь одного!..

— Чего именно?

— Для дела потребуются документы графини и, между прочим, ее метрическое свидетельство.

— Ну, уж это-то действительно пустяки! — возразил Савищев. — У матери все бумаги должны быть в полном порядке.

— Но согласится ли она показать свое метрическое свидетельство?

— Почему бы и нет?

Крыжицкий пригнулся к самому уху графа

и шепнул ему:

— Женщины не любят выдавать свои годы, а по метрическому свидетельству это сразу же станет ясно!

Граф Савищев рассмеялся в подтверждение того, что и он, со своей стороны, хорошо знает женскую природу (он всегда так гордился этим), и успокоительно проговорил:

— Ну, в таком случае я достану у нее это свидетельство так, что она и знать об этом не будет!

Крыжицкий мысленно поздравил себя с полным успехом.

Глава X

Поселившись у титулярного советника Беспалова, Саша Николаич стал терпеть многие неудобства, к которым совершенно не привык.

В качестве прислуги за ним ходила рябая девка Марфа, которая решительно ничего не умела делать, так что Саша Николаич даже сам себе должен был чистить платье.

Кормили его тоже из рук вон плохо, часто подогретым и плохо изготовленным кушаньем, хотя Беспалов и продолжал уверять его, что он — гастроном и любит поесть хорошо, но, к сожалению, только у него на это не было достаточных средств.

Кроме слепого Виталия, у Беспалова был еще один сын, огромный сухопарый детина, который имел рыжие растрепанные усы, маленькие слезящиеся глазки и красный нос. Его звали Орестом.

Обычно он пропадал в трактире, где целый день с утра и до вечера играл на бильярде.

Игра в бильярд была для него единственным занятием и он или предавался ему, или

лежал на боку в столовой на диване.

От него определенно пахло винным перегаром.

В первые дни пребывания Саши Николаича у Беспалова к столу подавался графинчик водки и Орест усердно прикладывался к нему. Когда же выяснилось, что Саша Николаич вообще водки не любит, графинчик исчез и был заперт на ключ в буфете.

Этот ключ хранился у самого Беспалова, который сам редко кому его доверял, а, воспользовавшись им, выпивал рюмку, иногда две, ставил графинчик обратно и снова буфет запирали. Если при этом присутствовал Орест, то он молча облизывался, с завистливой ненавистью смотря на отца.

Слепой Виталий вечно сидел в своем углу и молчал, не отвечая никому и не принимая участия ни в чем, так что все привыкли считать, что его как будто тут и не было.

Беспалов жил на пенсию, служебных занятий не имел и большую часть времени проводил дома, в своем неизменном засаленном халате и с трубкой. Он или подымал брань с кем-нибудь во дворе, куда выходил не стесня-

ьясь своего одеяния, или вышагивал по столовой с высоко поднятыми бровями и с таким выражением, как будто обдумывал, по крайней мере, дипломатическую ноту.

Иногда он останавливался, причмокивал губами и вдруг неожиданно произносил:

— Эх, деточки! Хорошо бы сейчас сосисочек с капустой отведать!

Он щурил глаза и мотал головой в подтверждение того, как хорошо было бы отведать сосисочек с капустой.

— А у меня, — глухим, загробным голосом отзывался Виталий, — и лакеи моих истопников такой мерзости не едят!

Беспалов моментально раздражался и сердито кричал:

— Что же они, Виталий Власович, у вас кушают?

Происходила пауза и затем слышался голос Виталия:

— Фрикасе![3]

Дело было в том, что слепой, сидя в углу, целый день мысленно занимался раскладками, какое ему нужно иметь состояние для того, чтобы, например, у его подъезда в каче-

стве простого городского стоял сам обер-полицмейстер. На такую комбинацию обер-полицмейстер соглашался в мечтах Виталия за три миллиона в год и он давал их ему.

Все остальное было в соответствующем духе. Лакеи его лакеев тоже получали миллионы и были не иначе как титулованные.

Сашу Николаича он уже приспособил к должности чистильщика сапог своего главного камердинера.

Иногда Виталий выражал свои мечты вслух, что всегда приводило в раздражение титулярного советника Беспалова, который и сам мечтал, но его мечты не шли дальше сосисок с капустой или чего-нибудь в этом же роде.

Вся эта компания была совсем не по душе Саше Николаичу, и он оставался у Беспалова единственно ради его красавицы-воспитанницы.

Саша Николаич уже решил, что он, как только познакомится ближе с молодой девушкой, найдет себе помещение более удобное. Пока же он должен был терпеливо ждать, оставаясь у Беспалова, и ловить удоб-

ные минуты, чтобы остаться с Маней вдвоем.

Возможность к этому появлялась только вечером, когда Беспалов, ложившийся сравнительно рано, уходил спать, безучастный ко всему Виталий задремывал в углу, а Маня сидела в столовой за шитьем, которое она брала себе для заработка.

Наблюдательный Орест, заметив поведение Саши Николаича, стал неожиданно раньше возвращаться из трактира и залегать в столовой на диване так прочно, словно органически срастался с ним.

По счастью, Саша Николаич понял его игру и догадался спросить у Ореста, отчего он не идет играть на бильярде.

— Моравидисов нет! — пояснил Орест, угрюмо глядя на Сашу Николаича.

— Чего? — не понял тот.

— Моравидис, — пояснил Орест, — испанская монета. Так вот, у меня нет никаких!

— Так я вам дам! — предложил Саша Николаич. — Вам сколько нужно?

— По крайней мере полтинник!

Саша Николаич дал ему полтинник с радостью, а Орест пожалел, что не спросил рубля.

С этих пор каждый вечер Саша Николаич откупался полтинниками и Орест честно исчезал до самой ночи.

Мало-помалу он до того свыкся с этим, что прямо подходил к Саше Николаичу, протягивал руку и говорил:

— Такса!

Саша Николаич доставал полтинник и отдавал ему.

Маня при этом болезненно морщилась, но никогда не говорила ничего, желая показать, что она стоит выше всего этого.

Саша Николаич сочувствовал ей. Она ему казалась не только выше всего, что окружало ее в доме Беспалова, но и выше всех женщин, которых он знал.

До сих пор он водился только с лоретками, как называли тогда женщин легкого поведения, или с дамами и барышнями так называемого приличного общества. Первые были слишком распущенны, вторые слишком недоτροги, и все вместе они были пусты и глупы до необычайности.

Маня же была рассудительна, умна, красива, ужасно красива, держалась не хуже любой

барышни и с ней не было скучно, потому что можно было говорить обо всем.

Сама она ничего не рассказывала, но внимательно слушала Сашу Николаича, изредка подавая ему реплики и тоже никогда и ни о чем не спрашивая; но, чтобы поговорить с ней, Саша и не нуждался ни в каких вопросах, он находил особенную приятность в том, что проводил время с Маней наедине, желая, чтобы это время длилось как можно дольше, и потому старался заинтересовать ее своими рассказами.

Она узнала от него подробности всей его предыдущей жизни до разговора с таинственным незнакомцем в ресторане включительно.

— Меня удивляет одно, — сказала она Саше Николаичу, — отчего вы не поговорили с ним подробно?

Саша Николаич, видевший до некоторой степени геройство со своей стороны в том, что он отверг предложение незнакомца, был уверен, что Маня одобрит это геройство, и очень удивился, когда она сделала это свое замечание.

— Как?! — возразил он. — Разве, по-вашему, следовало согласиться на его условия?

— Но ведь он ничего определенного не сказал?

— Однако он потребовал от меня, чтобы я его слушался!

Маня улыбнулась одними губами, но ее глаза оставались серьезными.

— Но ведь неизвестно, может быть, он заставил бы вас делать только очень хорошее? Отчего было не попробовать? Ведь вы всегда имели бы возможность отказаться, если бы вам пришлось поступать против совести.

Это было просто и ясно, и Саша Николаич недоумевал, каким образом это не пришло ему в голову самому, и он пожалел, что не только не взял с собою карточки незнакомца, но даже и не прочел ее, чтобы узнать, как того звали.

Глава XI

Напрасные старания Саши Николаича по отысканию места все более и более убеждали его, что от прежних знакомств помощи ему ожидать нечего и что место ему не только нелегко найти, но, по всей видимости, просто даже невозможно.

И волей-неволей сам собой навязывался вопрос: что же будет впоследствии?

Ну хорошо! Пока у него есть кое-какие деньги и он может жить на них, а потом что?

Не поступать же ему в мелкие канцелярские чиновники или, что еще хуже, в магазинные приказчики?

Чем больше он думал об этом, тем правильнее и разумнее казалось ему соображение Мани.

В самом деле, он тогда погорячился и очень может быть, что этот антипатичный на первый взгляд незнакомец на самом деле — прекрасный человек и не потребует от него ничего дурного.

Положим, даром денег не платят, но все-таки отчего же было не поговорить подробнее?

А вдруг и в самом деле была возможность вернуть тысячу рублей в месяц, а тогда...

Саша Николаич даже зажмурился при этой мысли и в какой-то туманно-далекой перспективе, в смутных образах представил себе это «тогда».

И он видел себя не одиноким, как прежде; он не отделял себя в своих мечтах от такой красивой молодой девушки, какой была Маня.

Теперь он, выходя из границ отведенного себе бюджета, приносил иногда ради нее закуски к обеду или конфеты, а, имея по-прежнему тысячу рублей в месяц, показал бы Мане, как умеет жить, и поистине сделал бы себе и ей жизнь прекрасною.

Это ничего, что он еще не объяснился с нею и не имел понятия о том, чувствует она к нему склонность или нет. Он даже себе не отдавал отчета, любит ли Маню. Просто в его мечтах фигурировала именно такая девушка, как Маня.

Эти мечты веселили его, и он, лежа днем в постели, когда по дому разгуливал Беспалов, в халате, с трубкой, находил удовольствие в

мечтаниях, не соображая, что мечтает и лежит, уподобившись слепому Виталию и Оресту.

Однако дома проводить время в этом мечтанье Саше Николаичу скоро стало невмоготу и он, окончательно отчаявшись найти место, решил действовать.

Он приоделся, причесался и отправился в ресторан.

Там все было по-прежнему и его встретили так же почтительно.

— Давненько не изволили быть! — ласково упрекнул Сашу Николаича знакомый лакей, подавая карточку.

Саша Николаич спросил завтрак.

Очутившись снова в привычной обстановке ресторана, который посещали исключительно люди, способные тратить много денег, очутившись снова в среде этих людей, спокойных, вежливых и учтивых, привыкших приказывать, Саша Николаич почувствовал непреодолимое желание вернуться в эту среду, к которой он привык и в которой чувствовал себя так же хорошо и свободно, как рыба в воде.

И его, как рыбу, снова потянуло в эту воду.

Ему все еще казалось, что его житье у Беспалова не постоянное, а временное, и что скоро должно что-то случиться такое, что вернет ему прежнее.

— Узнай-ка, братец, — приказал он лакею. — Когда я был тут в последний раз, в кабинете, то оставил там визитную карточку одного господина на столе.

— Слушаю-с! — сказал лакей и через некоторое время, раскачиваясь на ходу, принес на подносе визитную карточку, сохраненную опытной и хорошо выдрессированной прислугой ресторана.

На карточке стояло: «Агапит Абрамович Крыжицкий», и был обозначен точный адрес.

Саша Николаич остался доволен, точно выиграл в карты крупную ставку, и должен был лишний раз констатировать, что между его теперешней рябой девкой Марфой и ресторанной прислугой огромная разница.

Карточку он тщательно спрятал в бумажник, спросил себе полбутылки вина и в самом отличном расположении духа закончил свой завтрак.

То обстоятельство, что карточка нашлась, он счел за хорошее предзнаменование.

Лакей принес ему французскую газету. Саша Николаич просмотрел ее, и газета, которой он уже давно не читал, очень ему понравилась. Там на очень милом и остроумном французском языке очень мило и остроумно были изложены даже истории самых зверских убийств.

Ощущая давно уже не испытанное довольство, бодрость, легкость и какую-то особенную мягкую упругость во всех суставах, Саша Николаич вышел на крыльцо и остановился по усвоенной привычке, чтобы подождать, пока подъедет его экипаж.

До сих пор он иначе, как в своем экипаже, не отъезжал от этого крыльца, однако теперь надо было крикнуть извозчика.

Саша Николаич повернул голову, чтобы сделать это, и вдруг увидел, что с другого крыльца, которое вело в отдельные кабинеты ресторана, сходил граф Савищев, а за ним шла Маня или девушка, как две капли воды походившая на нее.

Саша Николаич, не поверил своим глазам,

невольню кинулся вперед, но он видел их только один миг. Они быстро сели в карету, дверца захлопнулась и карета укатила...

Саша Николаич вскочил на извозчичьи дрожки и отправился не к Агапиту Абрамовичу Крыжицкому, как хотел сначала, а прямо домой.

Глава XII

Саша Николаич кинулся домой, потому что знал, что Маня сегодня ушла: ей нужно было отнести готовую работу.

Обыкновенно она уходила в сопровождении слепого брата, который и сегодня ушел с ней, и вдруг Саша Николаич увидел ее выходящей из ресторана с графом Савищевым, человеком, которого он презирал теперь больше, чем всех остальных.

Конечно, он ошибся, конечно, это была не Маня, но все-таки ему хотелось убедиться в этом так, чтобы не было сомнения.

Как нарочно, извозчик ему попался отвратительный и ехал очень медленно.

Когда Саша Николаич добрался, наконец, до дома, он застал там Маню, сидевшую, как и прежде, будто ни в чем не бывало, на своем месте за шитьем, а слепого в углу.

Орест был в трактире, а титулярный советник Беспалов буянил во дворе с водовозом, заметив какую-то «неисправность по части водоснабжения».

Саша кинул плащ в передней и как угоре-

лый влетел в столовую.

— Когда вы вернулись? — запыхавшись, стал он спрашивать Маню. — Скажите мне, когда вы вернулись?

Она подняла свои большие строгие черные глаза и посмотрела на него в упор.

— Я вас спрашиваю, — повторил Саша Николаич, — когда вы вернулись?

— То есть как, когда я вернулась? — спокойно протянула девушка.

— Сегодня... сейчас... Вы давно или только что? — спросил Николаев.

— Да что это с вами? — усмехнулась Маня. — Во-первых, кто вам дал право спрашивать у меня отчет?

— Ах, да не отчета я спрашиваю! — раздраженно крикнул Саша Николаич. — Мне надо выяснить одно обстоятельство...

— Относительно меня? — как бы удивилась Маня.

— Да, относительно вас!..

Маня отвернулась к окну и, прищурившись, стала смотреть на него. На ее губах задрожала и насмешливая и, вместе с тем, презрительная улыбка.

— Мария Власьевна! — снова подступил к ней Саша Николаич. — Ради Бога, скажите мне правду! Понимаете? Может быть... от этого жизнь моя зависит...

В эту минуту ему казалось, что он искренне думает, что действительно его жизнь зависит от этого.

— Да вы с ума сошли! — проговорила Мания, слегка поведя плечом, что вышло у нее очень мило. — Оставьте меня в покое!..

— И это ваше последнее слово?!

— Что за вздор!.. Почему последнее? Отправляйтесь лучше в свою комнату и постарайтесь прийти в себя!

«Ах так! — злобно подумал Саша Николаич. — Со мной так разговаривают! Ну хорошо же, я покажу, каков я!»

Он повернулся, накинул на себя плащ в передней и выскочил на улицу.

Он был обижен и оскорблен. Правда, уже при одном спокойном и серьезном виде Мания он уверил себя, что ему померещилось, так мало общего было у нее с рестораном и с Савищевым. Но он был оскорблен и обижен ее суровым тоном; ведь он из участия (теперь он

был в этом убежден) хотел расспросить ее и полагал, что имеет на это право в силу долгих дружеских бесед по вечерам, и вдруг она обошлась с ним, как с совершенно чужим.

«Теперь все кончено!» — повторял он.

Что, собственно, было кончено, он не знал, но эти слова вполне передавали его настроение.

Да, все кончено; им пренебрегли, и он должен заставить сожалеть об этом. Он сделает все возможное, чтобы вернуть прежнюю жизнь свою и тогда... «посмотрим, что будет!»...

Саша Николаич решительным шагом направился к Крыжицкому.

Отойдя довольно далеко от дома, он сообразил, что если уж спешить, то лучше взять извозчика.

На этот раз ему попался лихач, быстро помчавший его, и быстрая езда произвела на него успокоительное действие.

* * *

Он застал Крыжицкого дома и тот немедленно принял его.

— Здравствуйте, молодой человек! — заго-

ворил Агапит Абрамович. — Не ожидал я вас так скоро увидеть!

— Почему же не ожидали? — удивился Саша Николаич.

— Так... Я был уверен, что вы пожалуете ко мне, но только попозже.

— И это странно опять!.. Откуда у вас взялась такая уверенность?

— Да ведь жизнь у титулярного советника Беспалова не особенно красна! — сказал, подмигнув, Крыжицкий.

— Откуда вы знаете, где я живу? — снова и еще более, чем прежде, удивился Саша Николаич.

— Я вами интересовался, вот и все! — пояснил Крыжицкий. — Согласитесь, что у Беспалова и грязненько, и все против приличий идет, и нет ничего, к чему вы привыкли?! Невольно потянет на старое!

— Нет, меня не тянет на старое! — попробовал немного сфальшивить Саша Николаич. — Я просто поразмыслил о тогдашнем нашем разговоре и желал бы теперь поговорить обстоятельно!.. Тогда я слишком погорячился и даже не расспросил вас толком ни о чем...

— Да, тогда вы погорячились, — согласился Агапит Абрамович, — и, по правде говоря, испортили мне все дело!.. Тот разговор, который тогда был у нас, возобновлять уже поздно!

— То есть как это поздно? — упавшим голосом произнес Саша Николаич, ощущая, будто он валится откуда-то с неба.

— К сожалению, да! — подтвердил Крыжицкий.

— Но почему... почему поздно?

— Потому что, видите ли, тогда вы могли со средствами, которые я вам предлагал, продолжать вашу прежнюю жизнь, не меняя ее, и остаться в обществе, в котором вращались до тех пор. Только при этом условии вы могли быть мне полезны. Ну а теперь вы сами сожгли за собой корабли, ваша репутация пострадала и вы мне не годитесь...

— Но позвольте, в чем же пострадала моя репутация? — остановил его Саша Николаич.

— О-о! Я не говорю, что так и есть на самом деле! — сейчас же подхватил Крыжицкий. — Вы упали в глазах людей, которые недостойны за это никакого уважения; но все-таки упали и вам трудно вернуться к ним,

уже потому, вероятно, что вы сами не захотите этого.

Вернуться к этим людям Саша Николаич не желал, правда. Но вернуть прежнюю жизнь ему хотелось.

— Так неужели все потеряно? — произнес он, окончательно омрачившись. — Но я думаю, что все-таки с деньгами можно попытаться снова войти в общество?

— Для того, чтобы теперь вам, — заключил Крыжицкий, — войти в него и стать для них прежним человеком, нужны сотни тысяч, если не миллионы.

— Значит, тогда все потеряно! — повторил Саша Николаич.

Глава XIII

— Потеряно, но не все!.. — вдруг заявил Агапит Абрамович, — У вас есть возможность получить эти сотни тысяч, если вы, впрочем, захотите?

— Да, да, я хочу этого! — поспешно подтвердил Саша Николаич, обрадованный тем, что перед ним снова мелькнула исчезнувшая было надежда.

Агапит Абрамович видел, что делалось с молодым человеком, как тот волновался, и был недоволен этим.

— И вы были бы готовы, — прищурившись, спросил он, — теперь ради этого сделать все, что я потребую?

— Нет, не все! — сейчас же возразил Саша Николаич. — Я сделаю только то, что будет не против моей совести.

— Все-таки!.. Ну, хорошо. Я очень рад, что вы стойки в своих убеждениях.

— Я думаю, что иначе вы бы и не вступили со мной в дело?

— Конечно, конечно!.. Но только вот то условие, которое я вам поставлю, не будет

противоречить вашей совести. Вы просто напишете мне небольшую расписку и этого будет достаточно. Но расписка должна быть не на сумму...

— А на что же?

— На половину того наследства, которое вам принадлежит и получить которое вы должны.

— Я должен получить наследство?!

— Это уж не ваша печаль!.. И никаких хлопот вам не будет, все будет сделано без вас.

— Но я все же желал бы знать...

— Я вам ничего не могу сказать, кроме того, что говорю! — веско ответил ему Крыжицкий. — Если я вам выдам все подробности дела, то вы перестанете нуждаться во мне, а я этого не хочу. Будьте терпеливы, молодой человек, и ждите.

— А долго ли придется ждать?

— Не знаю: год, а может быть, и меньше. Но, во всяком случае, рассчитывайте в будущем на хорошее состояние, потому что и половина вашего наследства составит довольно крупный куш.

— Но... позвольте!.. Тогда вы должны

знать, кто мой отец и моя мать, и хоть это-то скажите мне!

— Все вы узнаете в свое время! Повторяю, вам необходимо терпение!.. Я вполне понимаю, что вам, до некоторой степени, трудно вооружиться им, но это необходимо.

— И больше вы мне ничего не скажете?

— Ничего.

Крыжицкий достал лист бумаги, обмакнул перо в чернила и подал Саше Николаичу.

— Пишите! — сказал он.

Саша Николаич взял перо и написал под диктовку Агапита Абрамовича следующее:

«Сим обязуюсь предоставить в полное пользование половину наследства, принадлежащего мне, Андрею Львовичу Сулиме».

— Кто это — Андрей Львович Сулима? — спросил Саша Николаич.

— Опять расспросы! — пожав плечами, возразил Крыжицкий. — Не все ли вам равно?.. Ведь половина наследства останется при вас, а кому пойдет вторая половина — вам до этого не может быть и дела!.. Ну, подписывайте!

Саша Николаич подписался.

— Вот так! Теперь все в порядке! — одобрил Агапит Абрамович. — Теперь поезжайте домой и ждите... В случае, если будет нужно, я дам вам знать. А если переедете на другую квартиру от Беспалова, то дайте мне знать.

— Я все-таки к вам наведаюсь когда-нибудь! — предложил Саша Николаич.

— Этого делать не нужно! — сказал Крыжицкий. — Я вам дам знать! Ну-с, а теперь до приятного свидания.

Крыжицкий, как только получил расписку, круто изменил тон и выпроводил молодого человека довольно бесцеремонно.

Саша Николаич был как будто доволен своим посещением Крыжицкого, а вместе с тем, чувствовал себя не совсем хорошо, как будто тут было что-то не так.

Однако это чувство у него скоро исчезло, и когда он вернулся домой, то уже не думал ни о чем другом, как о будущем наследстве, и рассчитывал, хватит ли у него денег, чтобы прожить на них целый год.

На год у него денег должно было хватить с лихвой, если, конечно, не позволять себе никаких излишеств, а самое большее через год

он снова будет богат и тогда те, кто пренебрегли им, пожалеют о том, что так обошлись с ним.

В числе этих пренебрегающих на первом месте стояла Маня.

За обедом Саша Николаич был серьезен и разговаривал только с Беспаловым, отвечая сквозь зубы на его вопросы. Маню он игнорировал.

Ему хотелось, чтобы Маня это заметила и почувствовала, и хоть чем-то дала знать, что интересуется причиной, по которой он сидит у себя.

Но интерес выказал только Орест, который, напрасно прождав выхода Саши, несколько раз показывался в передней возле его двери, сначала так, будто по своему делу, а потом заглянул в комнату к Саше Николаичу и, сделав жалкую гримасу, кисло осведомился:

— А как насчет таксы сегодня?

Саша Николаич сердито посмотрел на него, и, прежде чем он успел ответить, Орест исчез, поняв, что он сунулся не вовремя.

Орест уже успел привыкнуть к ежедневным получениям полтинника и сегодня по-

чувствовал тоску его лишения.

Он находил это несправедливым, потому что, в сущности, ничем не провинился и желал восстановить справедливость, если не целым полтинником, то хотя бы частью его.

И за этой частью он отправился к Мане.

— Принчипесса! — подступил он к ней. — Не будете ли вы благосклонны выслушать мою нижайшую просьбу?

Маня продолжала шить, не обращая на него внимания.

— Не желаете разговаривать?.. Полагаете меня подонками общества?.. Но, принчипесса, в Писании сказано: «Блажен, кто и скоты милует».

Маня не удержалась и фыркнула.

— Что тебе надо? — спросила она.

— Двугривенный или хотя бы четвертак.

— Отстань, у меня нет!

— Принчипесса! Ложь не совместима с вашим достоинством, «Ищите и найдете!» Впрочем, я согласен и на гривенник!

Маня не тронулась с места.

— Принчипесса, вы поймите мои содроганья: я сегодня чувствую удар в руке, то есть

такой удар, что желтого в среднюю без промаха — и вдруг из-за какого-то гривенника... должен пропасть на сегодня мой талант!

Кончилось тем, что Маня дала Оресту гривенник, и он отправился в трактир.

Всю эту сцену Саша Николаич слышал из своей комнаты, но и по уходе Ореста не показался в столовой.

Глава XIV

На другой день Саша Николаич продолжал думать до самого обеда, но тут ему стало скучно.

За обедом случилось так, что Маня передала ему огурцы, а он взглянул на нее и поблагодарил.

Этого было достаточно, чтобы лед растаял и Саша Николаич, чувствовавший себя ободренным надеждой на возможное получение наследства, снова оказался в хорошем настроении.

За столом тотчас же завязался оживленный разговор, в котором даже Виталий принял участие, вставив к слову совершенно серьезное замечание, что уж у его подъезда должен стоять не обер-полицмейстер, а сам главнокомандующий.

Маня обходилась с Сашей Николаичем совершенно непринужденно и просто, как будто решительно ничего не случилось.

Саша Николаич, испытывая немного ощущение школьника, прощенного после наказания, особенно развеселился и засел в столо-

вой, в ожидании той счастливой минуты, когда господин Беспалов пойдет спать и можно будет сплавить Ореста.

По счастливой случайности Беспалов заявил, что сегодня пойдет в баню, и действительно, ушел, взяв с собой узелок с бельем и веник под мышку.

Орест, едва лишь поле очистилось от «родительских элементов», как он называл это, подошел к Саше Николаичу и, не говоря ни слова, по своему обыкновению протянул руку за «таксой».

Саша Николаич поспешно вынул и дал ему полтинник.

Орест, поджав губы и подняв указательный палец, помотал перед своим носом:

— Ни-ни-ни! Нынче полтинник никак не ходит! — произнес он.

— Как это не ходит? — усмехнулся Саша Николаич. — Разве курс поднялся?

Орест протянул руку и заявил:

— А за вчерашнее?

Новый полтинник был ему немедленно вручен.

— Теперь гривенник за бесчестие! — снова

пристал Орест.

Наконец, получив и этот гривенник, он взял по монете в руку и, вздохнув, произнес, словно философ, сокрушающийся о тщете всего земного:

— Давление капитала!..

Ввиду необычайности размеров своего «капитала», он вышел не через дверь, как это делал обыкновенно, а открыл окно и ловко вылез через него на улицу.

Виталий был не в счет, и Саша Николаич остался наедине с Маней.

— Вы знаете, — заговорил он с ней, — я вчера был у этого господина и получил приятные вести: я — богатый наследник!

О своем наследстве он не хотел никому говорить до выяснения вполне определенных по этому поводу данных, но не утерпел и все сразу рассказал.

— Так еще ждать, по крайней мере, год! — несколько разочарованно проговорила Маня.

— Год — это пустяки!. — стал возражать Саша Николаич. — Что такое год, когда впереди, можно сказать, полное благополучие! Ну, проживем как-нибудь, зато потом!..

И, ища глазами взгляд Мани, он заглянул ей в лицо.

Это лицо показалось ему особенно красивым, добрым и милым в эту минуту.

— А вот теперь какая вы хорошая! А вчера были злая! — сказал он.

Маня, как бы устав от работы, положила шитье на стол и, обернувшись к нему, спросила:

— Отчего же злая?

— Да как же! Накричали на меня!

Губы улыбались, брови сдвинулись.

— Ну, ну, не буду! — спохватился Саша Николаич и, как-то волей-неволей пригнулся еще ниже, к самой руке Мани, которую та словно забыла на столе, и поцеловал эту руку.

Маня не отдернула ее, и Саша Николаич поцеловал еще раз, смелее.

Но в это время в окно раздался стук. И Маня и Саша Николаич вздрогнули и отстранились друг от друга.

Саша Николаич быстро подошел к окну и отворил его. На улице стоял человек в ливрее.

— От графини Савицовой! — сказал он.

Саша Николаевич вздрогнул и спросил:

— От графини Савищевой? К кому?

— К барышне, что платья шьют.

— Пустите, это ко мне! — отстранила Маня Сашу Николаича от окна.

А на него сразу как туча надвинулись вчерашние сомнения, когда он увидел теперь, что Маня имеет сношения с домом Савищевых.

— Хорошо!.. Скажите графине, что завтра будет готово!.. — проговорила Маня и, отпустив лакея, невозмутимая и спокойная, вернулась к своему месту и села.

— Вы знаете графиню? — с трудом переводя дух спросил Саша Николаич.

— Да, я работаю для нее.

— А сына ее... сына... вы знаете?

— Знаю.

— Нет, это невыносимо! — воскликнул Саша Николаич. — Я так не могу!.. Вы знаете, вчера мне показалось, что я видел, как вы выходили с ним из ресторана.

— Я?!..

— Да, да! Вы!

— Какой вздор! — воскликнула Маня, взяла работу и стала шить.

«Да, это вздор, нелепость! — замелькало у Саши Николаича. — Я с ума сошел! Этого же не может быть!»...

В виски у него застучало, грудь стала тяжело и нервно подниматься, голова закружилась и он, сам не понимая, что делает, приблизился к Мане, опустился на колени, схватил ее руку и залепетал:

— Простите!..

Своей руки у него Маня опять не отдернула...

Глава XV

Опять собрались у Агапита Абрамовича члены общества «Восстановления прав обездоленных» ровно через месяц. Опять они заседали со своими разноцветными кокардами под председательством седовласого старца.

Крыжицкий дал отчет о том, что Николаев написал расписку, и передал ее председателю.

— А относительно графини Савищевой, — продолжал Агапит Абрамович, — тоже все обстоит вполне благополучно. Ее метрическое свидетельство у меня, и на нем, действительно, сделана подчистка и изменен год рождения.

Он достал из железного сундучка документы графини и тоже передал их председателю.

— Вот это — чистая работа! — одобрил тот.

— Теперь только остается оборудовать расторжение брака графини! — сказал Крыжицкий.

— Легко сказать: «Остается только!» — заметил Голубой. — Но, кажется, сделать это будет довольно трудно; по крайней мере, я на-

водил справки. Неправильности в метрическом свидетельстве, хотя и дают некоторое основание, но положительного ничего не предвещают.

— Я все-таки думаю, — заговорил Синий, — что достаточно иметь хоть какую-нибудь зацепку, а там уж мы сможем сделать!

— Конечно, прицепиться к метрическому свидетельству можно! — согласился Голубой. — Оно все-таки неправильное!

— Ну а в каком положении розыски племянницы графа Савищева, к которой должно перейти состояние графини, если она его лишится? — спросил председатель.

Крыжицкий покачал головой.

— Я был занят метрическим свидетельством! — ответил он.

— А ты, Голубой? — продолжал председатель.

Голубой ответил, что у него не нашлось никаких данных.

То же самое заявили и остальные.

Фиолетового председатель вызвал последним, но и тот покачал головой и сказал:

— Я не нашел.

Председатель обвел присутствующих укоризненным взглядом, в котором чувствовалось все его превосходство над ними.

— Неужели так-таки ничего и не узнали? — проговорил он. — А между тем стоило только приложить некоторое усилие, чтобы добиться благоприятного результата.

— И ты его добился? — воскликнул Фиолетовый, до сих пор мало принимавший участия в разговоре.

— Надо было вести от начала, — продолжал председатель. — Брат покойного графа Савищева женился еще молодым человеком и благодаря этой своей женитьбе запутался в делах. Бок о бок с ним его старший брат, женатый на Дюплон, богател не по дням, а по часам, умея ловко устраиваться по казенным поставкам и подрядам. Запутавшийся в делах граф Савищев видел, что его брат не стесняется в средствах и доставляет своей жене все для удовлетворения ее прихотей, и, понятно, ему тоже захотелось иметь все и так же обставить свою жену. Он делал долги, но вскоре ему перестали верить; он пробовал счастья в картах и стал проигрывать. Наконец, он за-

рвался и очутился в безвыходном положении. Тут он решился на средство, отчаянное по своему риску, соблазненный возможностью вдруг получить большие деньги. Эти деньги ему предложили из-за границы, с тем, чтобы он выдал план потемкинского похода в Турцию. Он поддался соблазну, но его проделка была вовремя открыта и, хотя ему самому удалось бежать, он был обвинен в государственной измене и заочно лишен чинов и орденов. Его жена, беременная, разрешилась преждевременно от потрясений и умерла в родах. От родившейся у нее дочери единственный ее родственник, дядя ее, граф Савищев, отказался как от дочери брата-изменника, которого он не хотел знать. Со стороны матери у девочки никого не было: ее матушка была молоденькой француженкой, приехавшей в Россию гувернанткой и прельстившей графа Савищева. Девочку отдали в воспитательный дом и оттуда она была взята...

— Весь вопрос кем? — спросил Фиолетовый.

Председатель замолчал и не сразу ответил.
— Да, весь вопрос — кем? — повторил

он. — Есть тут отставной титулярный советник Беспалов, а у него живет девушка, которая уверена, что она — его дочь, но сам Беспалов часто знакомит с ней чужих как со своей воспитанницей. Зовут ее Маней, а дочь разжалованного графа Савищева получила при крещении имя Мария.

— Так это она? — спросил Фиолетовый. Председатель кивнул головой.

Фиолетовый встал со своего места и заходил по комнате.

— Да разве есть доказательства, — заговорил он, — что это законная дочь графа-изменника? С какой стати титулярный советник Беспалов взял ее? Не может быть!.. Тут нужны доказательства!

— Эх, какой ты горячий! — остановил его председатель. — Сегодня с тобой что-то необыкновенное? Обычно ты спокойно относишься к делам.

— Да, это дело меня заинтересовало и я желаю взяться за него! Если у тебя есть какая-нибудь нить, дай мне ее и я разузнаю все самым подробным образом.

— Вот этого-то и не нужно! — усмехнулся

председатель. — Иногда лишние подробности, расследованные со слишком большим пылом и любопытством, только затемняют дело, а не помогают ему. Нам вовсе не нужно собирать подробные данные об этой воспитаннице Беспалова, потому что эти подробные данные достоверно приведут к полной противоположности того, что мы желаем получить. Нам не важно, дочь или не дочь разжалованного графа Савищева эта девушка; а нам надо сделать так, чтобы она была его дочерью, и этого будет вполне достаточно.

Фиолетовый сел на место.

— Но если можно найти настоящую дочь? — попробовал возразить он.

— Это лишняя проволочка времени! — сказал председатель.

— Но все-таки, почему ты указываешь именно на нее? Ведь есть же у тебя на это какие-нибудь причины?

— Особенно никаких! — пожав плечами, ответил председатель. — Просто я нахожу ее подходящей! Ее имя и года нам подходят!

— Но каким путем ты напал на нее?

— Очень просто: я следил за Николаевым и

нашел воспитанницу Беспалова благодаря тому, что Николаев поселился у него. Вот и все!

Глава XVI

Когда было переговорено обо всех делах, причем председатель не ограничивался общими указаниями, а каждому из членов дал для выполнения к следующему заседанию определенную задачу, он удалился, а остальных Крыжицкий пригласил ужинать.

Агапит Абрамович, провожая председателя, в передней проговорил:

— А вы все-таки сами следили за Николаевым!

— Ну, и что тут такого?

— Но ведь он поручен мне!

— Вы делайте свое дело, а я буду делать свое!

И председатель ушел.

За ужином подавали отлично приготовленные кушанья и тонкие вина, которые могли сделать честь столу самого прихотливого сибарита.

Если обстановка квартиры Крыжицкого была самой обыкновенной, то угощение, предложенное им, выходило за пределы обыкновенного. Видно было, что он получал

и мог тратить большие деньги, и если у него в квартире не было роскоши, то только потому, что он этого не желал.

Гости разошлись непоздно и, проводив их, Агапит Абрамович вернулся в кабинет, запер за собой дверь, подошел к вделанному в стену шкафу и отворил его хитрым ключом. Шкаф повернулся на шарнирах и открыл проход, в который и вошел Крыжицкий.

Войдя, он очутился в комнате, узкой и длинной, вся меблировка которой состояла из большого стола, придвинутого к нему кресла и полка по стенам. На полках и на столе лежали книги, стояли реторты, спиртовые лампы, колбы и склянки с жидкостями разных цветов. Тут была целая лаборатория.

Агапит Абрамович поставил на стол лампу, которую взял из кабинета и держал в руке. Но вместо того, чтобы сесть в кресло, он пошел в глубину комнаты, где оказалась еще дверь, обитая толстым слоем войлока, и отпер ее.

За нею была еще комната, которая по своему убранству одна могла восполнить отсутствие роскоши в остальных, показных, так

сказать, комнатах квартиры Крыжицкого.

Пол тут был затянут настоящим смирнским ковром, стены покрыты шелковой материей с причудливыми восточными вышивками золотом. Широкий диван, покрытый турецкой шалью, был завален подушками, огромная китайская ваза стояла в углу с букетом живых цветов. Высокий золоченый бронзовый светильник разливал мягкий свет, золотая восточная курильница стояла на полу.

У самой двери, в которую вошел Крыжицкий, висел маленький серебряный гонг, и он осторожно ударил в него. Дребезжащий металлический звук гонга мягко раздался и замер, заглушенный мягкими складками материи, висевшей повсюду вокруг.

В ответ на этот звук сейчас же поднялась тяжелая занавеска и из-за нее показалась, судя по одежде и по типу, чистокровная турчанка.

На ней был палевый шелковый казакин, шальвары и шитые золотом туфли. Ее черные волосы были заплетены в длинные косы, уложенные на голове и переплетенные жемчугом.

Женщина подошла к Крыжицкому и опустилась перед ним на одно колено. Он потрепал ее по щеке и проговорил по-турецки:

— Хорошо ли ты провела сегодня день, моя звездочка?

«Звездочка» вскочила и певучим голосом ответила, что очень хорошо и что она всем очень довольна.

Сказав это, она быстро, заученной скороговоркой произнесла еще несколько слов, так, словно иные и произнести не смела. Затем, тоже заученным движением, она вскочила на диван, взяла со столика зурну и, перебрав струны, тихо запела заунывный тягучий мотив...

Крыжицкий сел на диван рядом с ней, закрыл глаза и стал слушать...

Глава XVII

Седовласый человек, председательствовавший на собрании у Крыжицкого, вышел от него, сел в карету, которая, при его появлении, сейчас же подкатила к крыльцу.

— Домой прикажете? — спросил кучер, удерживая лошадей и оборачиваясь.

— Нет, поезжай на Шестилавочную, к Аннзимову.

Карета запрыгала по ухабам мостовой и вскоре остановилась у очень невзрачного домика на Шестилавочной.

Было немного странно, что такой богатый экипаж с отличными лошадьми остановился у такого невзрачного домика, но на самом деле к этому домику нередко подъезжали такие же кареты.

Живший тут Аннзимов был незначительным чиновным лицом, но способным, тем не менее, сделать многое. Он служил простым писцом в консистории[4] и это место позволяло ему принимать участие в делах, по которым не один богатый экипаж подъезжал к домику, в котором он жил.

Председатель собраний у Крыжицкого вышел из кареты, приблизился к окну, в котором брезжил свет, и постучал.

Ответа не последовало.

Приехавший постучал еще раз.

Занавеска на окне отдернулась, рама чуть приподнялась и сердитый женский голосок проговорил:

— Что нужно на ночь глядя?

— Скажите Анизимову... — начал было председатель, но голос перебил его:

— Приходите завтра... теперь не время, поздно...

— Скажите Анизимову, что Андрей Львович Сулима желает его видеть... — настойчиво повторил приезжий.

Не прошло и двух минут, как наружная дверь домика отворилась и сам Анизимов высунулся на улицу.

— Пожалуйте, Андрей Львович! — заторопился он. Сделайте одолжение!

Андрей Львович вошел и, не сняв плаща, проследовал в приемную комнату Анизимова.

У последнего чистота и аккуратность во

всем были блестящие, но пахло смешанным запахом кофейной гущи, деревянного масла и курительных ароматических бумажек.

Анизимов, чистенький и гладенький старичок, потирал пухленькие белые ручки и остался стоять, когда Андрей Львович сел.

— Садись! — предложил тот. — Впрочем, разговор у меня вовсе не длинный.

— Как прикажете, Андрей Львович! — вздохнул Анизимов и сел.

— Вот что я прикажу!.. Скажи ты, пожалуйста, существуют ли метрические книги 1752–1756 годов?

Анизимов опять вздохнул.

— Какой церкви, Андрей Львович?

Андрей Львович достал метрическое свидетельство графини Савицовой, посмотрел и сказал, какой церкви.

— Должно быть, целы! — сказал Анизимов и снял щипцами нагар со свечи.

— Ну так вот, — продолжал Андрей Львович, — в 1752 году родилась Анна Петровна Дюплон, впоследствии вышедшая замуж за графа Савицева. Надо ее подлинную метрическую запись найти и уничтожить.

— Дело хитрое-с!

— Ты не ломайся, ничего хитрого тут нет!..

Положил в книгу огарок... и все тут! Штука известная!..

Эта штука, действительно, была известна многим мелким чиновникам доброго старого времени. Зажатый между листами документов, которые требовалось почему-либо уничтожить, огарок привлекал внимание крыс и мышей, которые дочиста выедали просаленную бумагу, и уничтоженные таким образом документы считались утраченными по роковой случайности, а ответственность за мышей возложить было не на кого.

— А метрическую книгу 1756 года надо сохранить как зеницу ока! — пояснил Андрей Львович.

Анизимов, внимательно и почтительно слушавший Андрея Львовича, несколько раз кивнул головою в знак того, что он понимает, в чем тут дело. Сулима продолжал:

— Так вот я и говорю: метрическую книгу 1756 года надо сохранить и, когда это понадобится, принести ее в доказательство, что никогда некая Анна Петровна Дюплон крещена

и записана в метрику не была. Действовать нужно как можно скорее.

С этими словами Андрей Львович встал и направился к двери.

— Только-с это будет стоить... — начал было Анизимов, семеня за своим гостем.

Но тот не дал ему договорить, обернулся и уверенно произнес:

— Сосчитаемся!

Анизимов поклонился, вполне удовлетворенный этим ответом, как человек, не раз уже, по-видимому, имевший дело с Андреем Львовичем.

Глава XVIII

Через три дня, рано утром, Андрей Львович Сулима приехал к Крыжицкому.

Агапит Абрамович, обыкновенно уже поднимавшийся к этому времени с постели, встретил его в своем кабинете, где сидел за письменным столом, разбирая бумаги.

— В консистории относительно метрических книг все уже сделано! — сказал Андрей Львович, доставая метрическое свидетельство графини Савицовой. — К сожалению, подчистка здесь сделана и год изменен довольно грубо. Это может создать препятствие и надо их уничтожить заранее.

— То есть уничтожить самое свидетельство?

— Ну конечно!.. Чтобы по нему потом как-нибудь нельзя было раскрыть всю махинацию.

— Но ведь на основании этого свидетельства только и можно расторгнуть брак, и если его уничтожить...

— А я говорю, что надо уничтожить! — перебил его Андрей Львович. — Вот эту бумагу

с подчисткой, а самое свидетельство сохранить!

Крыжицкий, при всей своей опытности в подобного рода делах, на этот раз не понял.

— Как же это так? — спросил он.

— Ах, да очень просто! Надо снять нотариальную копию с этого вот свидетельства, а подлинник уничтожить. Таким образом, у нас в руках останется совершенно чистый, неподчищенный неправильный документ, который сослужит нам вполне безопасную службу. То есть можно будет доказать, что все свидетельство поддельное, а не один только год заменен в нем.

Агапит Абрамович в душе не мог не удивиться такой мудрой предусмотрительности и предвидению всяких случайностей, выказанных председателем собраний.

— Слушаю-с! — сказал он. — Но дело в том, что я получил это свидетельство через молодого Савищева и просто ему сказать, что я потерял его, неудобно!

Андрей Львович поморщился и произнес:

— Само собой разумеется, это нужно сделать тоньше!.. Как молодой Савищев добыл

бумаги у матери?

— Метрическое свидетельство он взял потихоньку. По своей наивности и доверчивости, она и деньги и документы не держит под замком.

— Даже метрическое свидетельство?

— Свидетельство она прячет не в бюро в своем кабинете, а в ящике своего туалета, в спальне, думая, что там его никто не найдет. Это — единственная предосторожность.

— И оттуда молодой Савищев взял документ так, что она не знала?

— Я боялся, что старуха не захочет выдавать свой возраст, и поэтому действовал через ее сына.

— Хорошо! Так пусть по снятии нотариальной копии он опять потихоньку положит его на прежнее место, а о дальнейшем я позабочусь.

— И свидетельство будет уничтожено?

— Да. Здесь мне помощь не нужна. На всякий же случай нужно Савищеву постепенно подготавливать к тому, что ее ожидает, и направить ее на ложный след. Она, наверное, пустит в ход все свои знакомства.

— Ну, уж этому-то учить меня не надо, — несколько обиженно произнес Агапит Абрамович, уязвленный все-таки в своем самолюбии превосходством над ним Андрея Львовича.

Сулима довез Крыжицкого в своей карете до дома, где жила графиня, и Агапит Абрамович прошел к молодому графу без доклада, на правах человека, который уже успел стать своим в доме Савищевых.

— Я боюсь, — начал он говорить графу, — как бы ваша матушка не хватилась своего свидетельства; лучше положите его обратно, на старое место.

Молодой Савищев, получивший по совету Крыжицкого от матери полную доверенность на ведение дела по оберландовскому наследству, вообразил себя дельцом, ничего не упускающим из вида и очень опытным.

— Но ведь свидетельство может нам понадобиться в будущем? — серьезно заметил он, с таким выражением, словно предвидел все это будущее во всех подробностях.

— Да?.. Это правда! — согласился Агапит Абрамович. — И на всякий случай велите

снять с него нотариальную копию, которая нам может вполне заменить его.

— Да, как идея, это недурно! — согласился Савищев. — И я воспользуюсь ею.

— Так сделаем это сейчас! — предложил Крыжицкий.

— Отлично! Сделаем! А потом поедем завтракать.

Они отправились к нотариусу, сняли копию, а затем поехали завтракать.

Глава XIX

За завтраком Агапит Абрамович вскользь упомянул, что хотел бы повидать сегодня, если возможно, графиню. И, когда они вышли из ресторана, Савищев спросил у него:

— Так что же, вы теперь к нам? Вы ведь хотели видеть мою маман?

— Да особенно незачем! — возразил Крыжицкий, имевший вид хорошо и плотно поевшего человека, очень этим довольного и благодушного. — Незачем особенно! — повторил он. — Я могу в другой раз!

— Да нет, отчего же? Поедем!

И они поехали.

Графиня встретила Крыжицкого приветливо.

— А-а! Здравствуйте, милый! Ну, что наши дела? Есть какие-нибудь новости?

— Есть, графиня! — ответил Крыжицкий.

— Погодите, погодите, голубчик, я сейчас усядусь, и тогда вы рассказывайте!

И она, захватив свое вязанье, примостилась на кушетке, которую очень любила, потому что на кресле своими коротенькими

ножками не доставала до пола.

— Ну вот, отлично! — снова заговорила она, зашевелив длинным крючком. — Рассказывайте теперь, какие у вас новости?

Крыжицкий сделал тревожно-грустное лицо и несколько раз провел рукой по шляпе.

— Новости не особенно приятные, графиня!

— Да неужели неприятные? — улыбнулась та. — Вот первый раз, когда вы мне говорите это, а до сих пор приносили все хорошие!

— Очень уж сложное дело! — вздохнул Агапит Абрамович.

— Да всякое дело сложно: вот хотя бы связать даже или сшить что-нибудь, вы думаете легко?

И она смеющимися, веселыми глазами посмотрела на Крыжицкого и покачала головой:

— Вы, мужчины, в это не верите... вот разве Костя только, — показала она на сына, — вдруг получил интерес к моим тряпочкам, но и то с тех пор, как у меня завелась прехорошенькая портниха.

— Ну, полно, — сказал Савищев.

— Ну что там «полно»? Разве я, миленький, не вижу всего?.. Хочешь пари держать, что ты с удовольствием сейчас пойдешь в мою спальню и принесешь мне оттуда моток шерсти, которой мне недостает?

Савищев с некоторой поспешностью встал с места и направился к двери.

Графиня кинула вязанье на колени и маленькими ручками захлопала в ладоши, восклицая:

— Вот и попался, миленький! Вот и попался!.. В спальне-то никого и нет!

Савищев пожал плечами и сказал:

— Да мне никого и не нужно!

Затем он прошел в спальню, но не с такой, правда, поспешностью и стремительностью, с какой поднялся со своего места.

Агапит Абрамович, поймав его взгляд, выразительно посмотрел на него: «Помни, дескать, метрическое свидетельство!»

— Ну? Так что же ваши новости?.. Я умираю от нетерпения узнать их, а вы ничего не рассказываете! — обратилась Савищева к Агапиту Абрамовичу, когда ее сын вышел. — Вы говорите, дело сложное?

— Да, графиня. Оберландовское наследство слишком многим пришлось по вкусу и многие точат на него зубы.

— Но ведь вы, миленький, говорите, что у нас есть все права?

— Но другие, хотя и ошибаются, тоже думают, что и у них есть права на него.

— Так Бог с ними, голубчик, пусть и они получают! Самое лучшее — разделиться всем, вот и спора и споров не будет, и все будет отлично. Разве это почему-нибудь нельзя?

— Нельзя, графиня. Наши противники — очень сильные люди и хотят все целиком забрать в свои руки.

— Вы говорите, противники... — забеспокоилась Савищева, — значит их много?

— Много. Дело в том, что на это наследство претендуют иезуиты.

— Ах, иезуиты! Знаю! Про них говорят много дурного, да все это — неправда! Дедушка Модест Карлович знавал Грубера и говорил, что это — идеальный человек. А бабушка Модест Карлович никогда не лгал!

— С тех пор, должно быть, иезуиты изменились! — произнес Крыжицкий. — И стали

другими! По крайней мере, в нашем деле можно ждать от них больших неприятностей.

— Миленький, каких же больших неприятностей?.. Ну самое худшее, что это они получают наследство, а не мы... так что ж такое? Проживем и так! Правда ведь? Вы, голубчик, не огорчайтесь!

И снова, чтобы развеселить Агапита Абрамовича, который был огорчен, по ее мнению, тем, что им хотели помешать иезуиты, графиня подмигнула ему в сторону спальни, сказав:

— А ведь Костя-то пропал! Ведь моя портниха-то сидит там! Это я пошутила, что там никого нет!

Она быстро соскочила с кушетки, мелкими шажками направилась к двери и из соседней комнаты звонким для своих лет голосом крикнула к спальне:

— Костя! Что же моя шерсть?

Услышав голос матери, Савищев быстро отстранился от Мани, действительно находившейся в спальне графини, и быстро шепнул ей:

— Где тут шерсть лежит?

— Вот! — сказала Маня и, схватив моток,

сунула его ему в руку.

— Сейчас, маман, иду! — на ходу ответил Савищев и удалился.

Маня, оставшись одна в спальне, быстро подошла к туалету, выдвинула ящик, взяла оттуда бумагу, только что положенную при ней Савищевым и, быстро расстегнув пуговицы на лифе, спрятала ее за корсаж.

Глава XX

Как ни был молод, силен и здоров Саша Николаич, то есть обладал всеми теми преимуществами, при которых человек лучше всего может бороться с житейскими неприятностями, все-таки случившийся переворот в жизни подействовал на него довольно тяжело.

В особенности, в первое время, когда, казалось, ниоткуда не было видно просвета, все это произвело на него угнетающее действие. Он, прежде веривший в дружбу, в идеалы, должен был разочароваться, как нарочно наткнувшись на такие типы, которые резко изменились по отношению к нему, как только он лишился своих средств.

Затем он должен был признать, что не все еще скверно в этом мире и что для него явились проблески среди тоскливого тумана, заполонившего его душу.

Особенно на него подействовала его встреча с Маней, которая показалась ему светлым, примирившим его с жизнью явлением. С каждым днем его чувство к ней росло, затем у

него появилась и надежда, что его несчастье временно и что в будущем есть возможность при помощи наследства поправить свои дела. Эта надежда на наследство и как-то нераздельно связанная с ней в мечтах Маня составляли самое важное.

Кроме этого важного, нашлось нечто и второстепенное, которое порадовало Сашу Николаича и было приятно ему.

Раз он шел, гуляя, по Невскому и вдруг услышал, что его кто-то окликает. Он обернулся и увидел остановившегося посреди улицы в собственной пролетке Леку Дабича, молодого гвардейского офицера, с которым он никогда в особенной дружбе не состоял, но был знаком, как со многими подобными Дабичу молодыми людьми, и выпил с ним как-то после веселого ужина на брудершафт.

Лека махал ему руками и кричал во все горло:

— Николаич!.. Саша Николаич!.. Стой!

Он соскочил с пролетки и побежал по тротуару.

— Куда ты пропал, братец?.. Ну как я рад, что встретил тебя! — заговорил он, здороваясь.

ьясь с Сашей Николаичем, взял его под руку и пошел рядом. — Нет, ты мне скажи, куда ты заевропеился?

— То есть как заевропеился? — переспросил Саша Николаич, не совсем охотно следуя за шумно-радостным офицером.

— Ах, братец, это новое выражение пустили, это уж, значит, после тебя!. Нынче заграничные отпуска стали давать, чего прежде, при императоре Павле, ни-ни... Так вот стали в Европу ездить и пропадать там, ну «заевропеиться» и значит пропасть! Понял?

Дабич расхохотался и стал тормозить Сашу Николаича.

— Где ты живешь теперь? — спрашивал он его.

— Я живу так себе, скромно! — ответил Саша Николаич.

— Слышал, брат, что у тебя насчет денежного материала стало плохо! — отозвался Дабич — Но, послушай, почему ты не переехал к кому-нибудь из нас?

Такого предложения еще никто не делал Саше Николаичу и он, удивленно посмотрев на Дабича, спросил:

— То есть к кому же из вас?

— Да хоть ко мне! Или что же твой приятель, граф Савищев?

— Граф Савищев меня теперь и знать не хочет! — возразил Саша Николаич.

— Да не может быть!

— Однако это так. Он мне без обиняков прямо так и сказал.

— Ах он свинья! — воскликнул Дабич. — Какая же он свинья после этого!.. Знаешь что? Переезжай ко мне!

Это было сказано так просто и так искренне, что Саше Николаичу стало веселее на душе.

— Да нет, благодарю! — произнес он улыбаясь. — Я уж как-нибудь.

— Да что там как-нибудь! Ты мне скажи только, где тебя найти?

И он не отставал от Саши Николаича до тех пор, пока тот не сказал ему своего адреса.

На другой же день утром в мирный дом титулярного советника Беспалова вломился Лека Дабич, гремя шпорами и саблей. Саша Николаич видел в окно, как он подкатил на взмыленном рысаке к крыльцу и пошел на-

встречу гостю, смутившись его совершенно неожиданным посещением.

— Батюшки! Какое же у тебя тут мурье!.. Чистейшее, брат, мурье, без лигатуры! — заорал Дабич в темной передней, как-то поворачиваясь во все стороны, так что задевал все шкафы и ящички сразу.

— Тише! — остановил его Саша Николаич. — Тут хозяйева! — и он мотнул головой в сторону столовой.

Лека без церемоний тотчас же полез и заглянул в столовую.

Заглянул, быстро отдернулся назад, поджал губы и таинственно, на цыпочках проследовал за Сашей Николаичем в его комнату.

Тут он опустился на стул и, подняв палец кверху, шепотом произнес:

— Теперь я все понимаю!

— Что ты понимаешь? — несколько сердито осведомился Саша Николаич.

— Все, брат, понимаю!.. Знаешь, хороша! Действительно, хороша!

— Кто?

— Да та, что в столовой сидит, — Лека

Дабич склонил голову, сделал рукой жест, которым шьют, и продолжал: — Для такой можно и не в таком мурье, а и хуже найти себе помещение! Это, знаешь ли, что-то особенное!..

— Послушай, только ты не подумай... — начал было Саша Николаич.

Но Лека Дабич перебил его:

— Я, брат, понимаю, что в эти дела вмешиваться не следует, и прости, что сунулся! Но, понимаешь ли, не мог я сдержать свой восторг! Ну теперь знаю, что ты отсюда ни за что не уедешь... А я было все приготовил у себя в квартире: и комнату отдельную, и хотел силой тащить тебя к себе. Ну, слушай: если хочешь, оставайся здесь, но приезжай сегодня ко мне... Я думал, что перевезу тебя, созвал народ на твое новоселье у себя сегодня вечером. Пожалуйста, приезжай!

Лека Дабич просил так усердно, словно все его счастье в жизни зависело от этого.

Саша Николаич согласился приехать к нему и вечером очень приятно провести у него время. Это доставило ему большое удовольствие.

Глава XXI

Император Александр I вступил на престол в беспокойное для европейского мира время.

Император Павел тогда сблизился с Францией против Англии, с которой пошел на открытый разрыв. Может быть, если бы осуществились планы Павла Петровича и Англии тогда бы был нанесен с нашей союзницей Францией решительный удар, было бы впоследствии отвращено много бед, постигших Россию... Но внезапная, преждевременная и выгодная для англичан смерть императора Павла надолго изменила течение событий.

Император Александр, прозванный Благословенным, по кротости своей души, желал мира, но никогда России не приходилось вести такие кровопролитные войны, как в его царствование.

Немедленно по вступлении его на престол с Англией был заключен мир. Но в 1805 году та же Англия втянула Европу в войну против Наполеона, вставшего во главе правительства Франции. Россия, Австрия и Швеция за-

ключили между собой союз, направленный против французов.

Наполеон, готовившийся к высадке в Англии, вынужден был изменить свои намерения, потому что австрийцы открыли против него военные действия вступлением в Баварию. Наполеон двинулся против них всеми своими силами и, прежде чем русские войска успели соединиться со своими союзниками, обошел австрийскую армию, разбил ее при Эльхингене и Лангенау, затем, нанеся окончательное поражение при Ульме, перешел Инн и занял Вену. Русские соединились с отступавшими австрийцами в Моравии и там произошла битва при Аустерлице.

Император Александр, по свидетельству современников, «оказался в сей битве храбрым, но победа Наполеона была полная».

«Александр, — говорят те же современники, — принужден был покориться велениям судьбы, и, когда император австрийский Франц изъявил желание заключить перемирие с Наполеоном, удалился со своей армией в пределы России».

Эту армию тогда спасли Кутузов с Баграти-

ОНОМ.

В следующем, 1806, году европейская война с французами началась снова. На этот раз на поле брани выступила Пруссия.

Наполеон справился с ней быстро. 27-го сентября начались военные действия, а 16-го октября французы заняли Берлин; в ноябре французы заняли Варшаву и двинулись к границе России.

Здесь в первый раз Наполеон встретил дружный отпор и, после сражения при Пултуске и Голымини, где поле битвы осталось за русскими, расположился на зимние квартиры.

С началом 1807 года война возобновилась и, после сражения при Прейсиш-Эйлау, обе армии, русская и французская, несколько месяцев стояли в виду друг друга. В конце мая русские одержали верх над французами при Гутштадте, затем при Гейльсберге, но 2-го июня при Фридланде были разбиты, следствием чего было вступление Наполеона в Кенигсберг. Русские войска оттянулись к Неману и здесь произошло свидание Александра и Наполеона, после которого был подписан

Тильзитский мир.

Таким образом к началу августа 1807 года мы снова стали друзьями французов и это событие составляло главный интерес в Петербурге, куда потянулись французские граждане, а русские баре направились за границу и проживались и заживались там, для чего и был создан специальный термин «заевропелся».

Повсюду в Петербурге — и в частных собраниях, и в клубе — наряду с передаваемыми неправдоподобными и нелепыми сплетнями и рассказами, обсуждались политические события.

Лека Дабич, выиграв в «фараон» около трехсот рублей, решил забастовать на сегодня и перешел в клубную столовую ужинать.

Там за большим столом сидела целая компания с графом Савищевым. Лека подсел к ней и спросил себе баранью котлетку.

— Ах, кстати! — начал один из молодых людей. — Вот Лека Дабич снова отыскал Сашу Николаича. Я на днях видел его у него вечером. Он, верно, опять появится в клубе.

Графа Савищева немного передернуло.

— Пусть появляется! — сказал он. — Что касается меня, то я решил держаться от него подальше!

— Почему это так? — спросил Лека, принимаясь за свою котлетку.

— Да так! Он как-то всплыл неожиданно и вдруг лишился средств к «пропитанию», как говорится в слезных прошениях.

— Ну и что, со всяким это может случиться! — спокойно сказал Лека. — И со мной, и с тобой!

— Ну нет! Со мной этого не может случиться! — значительно подчеркнул Савищев и, как бы в доказательство своих слов, взял стоявший перед ним бокал шампанского и залпом выпил его.

— Ой! Не говори! Всяко бывает! — не унимался Дабич.

— Ну, наше состояние слишком солидно и между мной, графом Савищевым, и каким-то Николаевым слишком большая разница!

— А вы слышали, — вступил в разговор военный посолиднее остальных, видя, что отношения начинают обостряться и желая прекратить это, — Англия готова к войне с нами

и желает послать свой флот в Балтийское море.

— Господи! — сейчас же стали возражать ему. — Уж мы, кажется, привыкли воевать настолько, что и в мирное время нам не терпится!

— Да не нам не терпится, а Англия сама затевает!

— Из-за чего же?

— Континентальная система Наполеона! Мы присоединились к ней...

Граф подумал немного и возразил:

— Но тогда Англия пойдет не против нас одних: против всей Европы!

— А посмотрите, она опять втравит европейские державы в войну и опять нам придется драться с французами! Кончится все тем, что мы останемся на бобах!

— Как Саша Николаич! — подсказал граф Савищев, которому было неприятно, что в разговоре про Николаева верх как будто остался не за ним.

— Да Николаев вовсе не на таких уж бобах сидит! — сейчас же подхватил Лека Дабич, исключительно, чтобы раздражить «эту сви-

нью Савищева». — Правда, Николаев живет до некоторой степени в мурье, но если бы вы знали почему! Это такая интересная штука!

И он обвел хитро прищуренным глазом присутствующих.

— Что? Что такое? Расскажи! — слышалось со всех сторон.

Граф Савищев притих и тоже стал слушать.

— Понимаете ли вы, — начал Дабич, овладев вниманием присутствующих, — что Саша Николаич поселился у некоего отставного титулярного советника, а у того воспитанница... — Он собрал все пальцы в щепоть, поцеловал их кончики и раскинул веером. — И зовут ее Маней! — добавил он.

— Что же она — блондинка или брюнетка?

— Брюнетка! Да еще какая! Вороново крыло!.. Глаза вот этакие и строгость в чертах королевская! Понимаете какова, я до сих пор ничего подобного не видывал!

— Так ты думаешь, ради нее...

— Саша Николаич забился в мурье?.. Не сомневаюсь в этом! Я бы на его месте еще и не то сделал! Ведь бывает, что и повезет челове-

ку!

Граф Савищев слушал все время молча и, наконец, улучив минуту, спросил Дабича:

— А как зовут этого отставного советника?

— Беспалов, кажется!

Савищев сдвинул брови и спросил:

— Ты не путаешь?

— Нет, не путаю! — ответил Дабич.

— А где живет этот Беспалов?

Лека сказал.

Граф Савищев нахмурился и ничего не ответил.

— Савищев, кажется, надумал отбить красавицу! — подмигнул один из компании, подвыпивший больше других.

Савищев встал из-за стола и направился в игральную комнату. Там он кинул сто рублей на ставку и сейчас же взял ее.

— Кто счастлив в картах, тот несчастлив в любви! — сказал ему кто-то.

Глава XXII

Маня стояла в своей комнате и смотрела в маленькое, тусклое зеркало на свою красоту; зеркало стояло на неуклюжем комод, занимавшем почти полстены.

Этот истертый комод с обломанными кольцами на ящиках, со сломанной ножкой и с отставшей и покоробившейся во многих местах фанеркой составлял еще лучшую часть ее мебели. Остальное было самым убогим.

Правда, комната Мани дышала чистотой, над постелью висел ослепительно белый полог, занавеска на окне казалась только вчера вымытой и выглаженной, и воздух был пропитан дорогими, хорошими духами, но все это не могло все-таки вознаградить Маню за бедное убранство, окружавшее ее.

Разве такая обстановка была под стать ей!

Она глядела в зеркало на свое отражение и видела, что ее лицо красивее всех остальных, которые знала она.

И добро бы еще, если бы она не хотела жить так, как жили другие молодые девушки и барыни, и старухи даже, на которых она ра-

ботала за грошовую плату. Нет, она всеми силами души желала и для себя такой же роскоши, платьев, шелковых стен, ковров, дорогих вещей...

За что в самом деле другие пользуются всем этим, а она нет? Разве она хуже их?

Маня не сомневалась, что она лучше, что ни у кого нет таких темных длинных волос, густых и шелковистых, как у нее, таких глаз, которые могут выражать все, что она захочет, такой стройной талии, нежных рук и маленьких ног. Отчего же она такая, за что у нее нет дорогих серег, чтобы оттенить красоту ее лица, нет жемчужной нити на шее, хорошего платья и колец на этих нежных руках?

Разве не пошло бы ей или она бы не сумела носить все это, как все другие?

А между тем она обречена жить в маленькой, невзрачной комнате, по целым дням сидеть не разгибаясь над работой и относить эту работу в дома, где все дразнило ее и возбуждало ее зависть. Она завидовала жестоко, откровенно, по праву, как ей казалось, несправедливо обездоленной.

Откровенна она, разумеется, была только

сама с собой и ни перед кем и ни за что не высказала бы своей зависти: она была слишком горда. Но ей от этого было не легче, а, напротив, только тяжелее.

В глубине души Маня ненавидела всех, кто оказывался наделенным от судьбы теми благами, которых у нее самой не было и которых она так страстно желала.

Она читала где-то, что будто в жизни человеческой, как и во всей природе, существуют приливы и отливы, плюсы и минусы и что лишения и несчастья сменяются довольством и удачей, и наоборот, но терпеливо и покорно ждать этой удачи не могла и не хотела.

Какая ей радость была бы в том, что когда-нибудь впоследствии, когда ее волосы поседеют, кожа покроется морщинами, к ней придет счастье, которого она, молодая, красивая и сильная, не знала?

Неужели ей суждено тратить свою молодость, красоту и силы на то, чтобы капризным барыням шить наряды, получать за это деньги и расходовать их на подачки вечно полупьяному Оресту? Ведь существуют же люди, существуют женщины, которые во всю

свою жизнь, с самого детства, ничего не знали, кроме баловства и исполнения своих прихотей?

Та же старуха графиня Савищева, например. Она очень мила и добра, эта графиня, обходительна в обращении и готова помочь всякому, но разве трудно ей быть милой и доброй, обходительной и помогать?

«Нет, ты переживи с мое, испытай, что я испытываю, — злобно думала Маня, — а тогда и попробуй, чтобы восхищались твоими душевными качествами!»

Она знала, что графиню Савищеву все уважают и любят, но сама больше, чем кого бы то ни было ненавидела именно ее за то, что все уважали и любили ее, и за то, что жизнь графини была обставлена судьбою с несправедливою, неравномерною по отношению ко многим другим людям щедростью.

Под «многими другими» людьми Маня подразумевала, главным образом, себя.

Маня закинула голову назад и, медленно повернувшись, заходила по комнате, что часто делала у себя, когда ее охватывало тоскливое, мучительное чувство обиды на свою

судьбу, как то, которое охватило ее сегодня.

Часы в столовой пробили половину второго.

Маня поспешно схватила накидку и шляпку, надела их и вышла, крадучись, по черному ходу. Она в первый раз отправлялась в путь без своего провожатого, слепого Виталия.

Глава XXIII

На другой день после разговора в клубе граф Савищев с утра поднялся наверх, где жила графиня, и выказал необыкновенное внимание к матери, затем он провел с ней два часа времени один на один, в то время как она по старинной привычке XVIII века делала свой туалет.

Такая склонность к продолжительной беседе с графиней находила на Савищева редко и всегда вызывалась какой-нибудь причиной. Добродушная графиня не подозревала этого и радовалась беседам сына, думая, что ее сын, значит, сильно любит, если не скучает в ее присутствии.

На этот раз молодой граф ждал, беседуя с матерью, не появится ли ее портниха.

Оставить без внимания эту красивую молодую девушку он не мог. Увидев ее, он стал довольно откровенно за ней увиваться, настолько откровенно, что даже мать это заметила, но значения этому не придавала, найдя вполне естественным, что кому же и ухаживать за хорошенькими девушками, как не та-

кой прелести, какой был ее Костя.

«Пусть молодость веселится!» — думала она, вспоминая, как веселились в ее время.

Она предпочитала даже, чтобы Костя развлекался с этой красивой портнихой, чем ездил к каким-нибудь лореткам.

Савищев повел себя с Маней довольно умно.

В отношении к женщинам его ум выработался до некоторой степени практикой. Он был не нахален, но вместе с тем и не робок, а игрив, смел и любезен.

При ближайшем знакомстве Маня еще больше заинтересовала его тем, что вела себя с необыкновенным тактом, не позволяла ничего лишнего, но и не обдавала холодом неприступности, а, напротив, выказала себя настолько свободомыслящей, что поехала с ним в ресторан завтракать. Этот завтрак, на который Савищев очень рассчитывал, в сущности, никаких перемен не произвел и не подвинул его ухаживания вперед ни на волос. Они очень мило и весело съели изысканные блюда, заказанные Савищевым, выпили немножко шампанского, но этим дело и огра-

ничилось. Даже поцеловаться граф не осмелился и его отношения с Маней остались прежними, как и до завтрака.

Это было совершенно ново для него и не только не охладило его пыла, но, напротив, еще больше его раззадорило. Он стал нетерпеливее ждать появления портнихи у матери в расчете на новую «эскападу», как он называл их с Маней завтрак.

Но она новую «эскападу» очень мило и искусно отклонила.

Если у Савищева и было приобретенное опытом умение обходиться с женщинами, то у Мани оказалась природная, врожденная способность держать себя с мужчинами.

Граф Савищев, воображавший, что он быстро окрутит молодую девушку, и не подозревал, что на самом деле сам он попался в ловушку.

Скажи ему кто-нибудь, что он начал более или менее серьезно увлекаться Маней, то он рассмеялся бы ему в лицо, а между тем, когда вчера Лека Дабич рассказал про Николаева, Савищев почувствовал сильное беспокойство и с нетерпением ждал минуты, когда будет

иметь возможность узнать от Мани об отношении к ней жильца титулярного советника Беспалова. Для этого он и сидел теперь у матери целое утро в ожидании Мани, но она не пришла.

Тогда Савищев сам решил направиться к ней.

Нетерпение мучило его.

Ехать в своем экипаже было неудобно. Могло показаться слишком заметным; даже извозчика взять Савищев счел излишним; да он и не любил извозчиков и никогда на них не ездил; он решил отправиться пешком и зайти, как бы случайно, под каким-нибудь предлогом, который надеялся придумать по дороге.

Он медленно шел по улице, разыскивая дом Беспалова, как вдруг увидел Маню на перекрестке, на противоположной стороне улицы. Она торопилась и была, по-видимому, настолько сильно озабочена чем-то, что ни на что не обращала внимания и не заметила Савищева.

На перекрестке стояла двухместная карета. Маня приблизилась к ней, села в карету, и та

тронулась...

Савищев вскочил на попавшегося тут же извозчика и погнал его за каретой.

Извозчик, несмотря на обещание щедрой платы, не мог поспеть и отстал довольно сильно, но при переезде через Невский карета была задержана проходившими с музыкой солдатами, и Савищев смог догнать ее.

Карета повернула на Фонтанку и здесь скрылась в воротах небольшого двухэтажного дома — особняка.

Савищев остановил извозчика, слез перед домом и не знал, что же ему делать дальше? Если Маня отправилась в этот дом по поводу какого-нибудь заказа и за ней присылали карету, то почему карета эта ждала ее на перекрестке, а не подъехала прямо к дому, где она жила?

— Чей это дом? — спросил Савищев у дворника, запиравшего ворота.

Дворник посмотрел на него не особенно дружелюбно, но Савищев вынул рубль из кармана.

— Это дом господина Сулимы! — сказал дворник.

— Сулима... Сулима... — стал припоминать Савищев. Ему казалось, что он уже слышал где-то эту странную фамилию.

— А как его зовут? — опять спросил он.

Дворник почесал за ухом.

— Кого?..

— А господина Сулиму?

— Андрей Львович...

— Он женат?

— Ни, не женат.

— А дочь у него есть?

Дворник покачал головой и ответил:

— Нет.

— Может быть, у него есть племянница или какая-нибудь родственница, которая живет тут в доме? — продолжал расспрашивать граф.

— Ни племянниц, ни родственниц нет! Они один весь дом занимают.

Савищев сунул дворнику рубль и, закутавшись в плащ, зашагал по тротуару.

По поводу заказа Маня не могла приехать сюда. Это ясно вытекало из показаний дворника, который свидетельствовал, что его барин живет один.

«Что за чепуха? — остановил себя Савищев. — Я, кажется, начинаю изображать из себя влюбленного юнкера?.. Ну какое мне, в сущности, дело, к кому и зачем она ездит в каретах с перекрестка?»

Но, несмотря на это убедительное вроде бы рассуждение, что ему, действительно, нет до этого никакого дела, он все-таки, перейдя улицу, остановился на набережной Фонтанки и, будто глядя вниз на воду, стал следить за домом Андрея Львовича, ожидая, когда оттуда снова появится Маня.

Он простоял очень долго, но не дождался ничего... Ворота оставались запертыми и дом был погружен в полное безмолвие...

Глава XXIV

У Савищева вдруг явилась блестящая мысль. Он придумал отправиться сейчас в дом Беспалова и вступить в разговор непосредственно с самим титулярным советником, как будто бы желая дать ему работу по срочной переписке.

Он рассчитывал, что Беспалов, как отставной чиновник, будет очень рад такой работе. С ним можно будет завести длинный разговор, а там посмотреть, что из этого выйдет.

Возможной встречи с Сашей Николаичем граф не боялся, уверенный, что всегда и при любых условиях сумеет держать себя достойным образом.

Очень довольный своей выдумкой, он взял извозчика и поехал.

Дом Беспалова ему удалось найти не сразу, и когда он нашел его, то невольно искренне удивился, неужели можно жить в такой лачуге?

Деревянное крыльцо покосилось, на входной парадной двери в сени не было ручки, а на ее месте зияла дыра, в которую была про-

дета просто веревка.

Савищев отворил эту дверь за веревочку и сразу же очутился в сенях, которые когда-то были стеклянными и в которых теперь большинство стекол были выбиты и заклеены бумагой.

Пахло довольно неприятно. Из сеней дверь в комнаты была обита драной крашеной парусиной, из-под которой торчало мочало.

Савищев отворил дверь и очутился в «мурье», как рассказывал Лека Дабич.

Граф остановился и, не видя никого в темноте передней, кашлянул, чтобы привлечь чье-нибудь внимание.

— Кто там? — раздался хриплый и недовольный голос.

— Есть тут кто-нибудь? — ответил вопросом на вопрос Савищев.

Из столовой показался длинный человек с рыжеватыми усами.

«Должно быть, лакей!» — решил Савищев.

Человек тускло посмотрел на него, словно бы лениво рассматривая какую-то вещь в кунсткамере и проговорил:

— Вы, верно, к господину Николаеву?.. Так

его нет дома!

— Нет, я желал бы видеть титулярного советника Беспалова.

— Тоже отсутствуют!.. А позвольте узнать, с кем имею честь?

— Я — граф Савищев!

— А-а! Очень приятно!.. Я — сын титулярного советника Беспалова, нареченный Орестом... Может быть, я могу вам быть полезным?

Савищеву было, в сущности, все равно, и, хотя этот нареченный в крещении Орест сильно ему не понравился, он вошел, не снимая, однако, плаща, оставаясь в перчатках и держа в руках шляпу.

«Неужели она тут живет?» — мелькнуло у Савищева, когда он огляделся в столовой.

Он никогда не бывал в подобном помещении и чувствовал себя несколько смущенным тем, что попал сюда.

«Раз вино откупорено — надо его выпить!» — успокоил он себя французской поговоркой и опустился на первый же попавшийся стул.

— Садитесь! — сказал он Оресту.

Тот поднял брови, заложил руки за спину и, слегка наклонившись вперед, прищурил один глаз и глянул на Савищева так, как будто целился кием по шару.

— Чего-с? — спросил он.

— Я вам говорю — садитесь!

Орест причмокнул губами и произнес:

— Нет уж, позвольте...

— Да нет, ничего... садитесь... — милостиво повторил Савищев, думая, что Орест стесняется его достоинством и поэтому не решается сесть.

— Нет уж, позвольте, — закончил Орест, — мне лечь!.. Потому что я у себя в доме привык всегда лежать на диване.

Он произнес «на диване» на французский манер в нос, проследовал на свое обычное место, лег в грациозную позу отдыхающей нимфы и воззрился на графа с невинным видом, говорившим, однако: «Ага!.. что? взял?»

Савищев, никак не ожидавший такого оборота, разинул рот от удивления, но тут же деланно рассмеялся, положил ногу на ногу и решил относиться к этому человеку просто как к шуту.

— Послушайте, мой друг! — начал было он, но Орест замотал головой.

— Мой добрый друг! — поправил он графа. — Мне Маня говорила, что так во французских романах говорят аристократы, посещающие бедняков...

— Ну, мой добрый друг! — опять рассмеялся Савищев. — Я хотел бы поговорить с вашим отцом...

«Однако, он называет ее Маней!» — вместе с тем подумал он.

— Добрым отцом... — опять поправил его Орест и добавил: — Это уж ведь и по прописям известно!

— Да будет тебе! — не выдержал Савищев. — Я пришел поговорить по делу!..

Орест спустил ноги с дивана и сел.

— Вот когда мы с тобой, милашка, на брундершафт пили, этого я не помню что-то! — проговорил он совершенно просто и естественно.

«Да он пьян! — догадался Савищев. — Он просто пьян!» И он до такой степени даже обрадовался, что этот человек был пьян, что дом был лачугой, в сенях дурно пахло и вся

обстановка была отвратительной.

Чем хуже все это было, тем лучше было для него, потому что тем легче, казалось ему, возможно прельстить Маню перспективами роскошной жизни, если она пожелает.

Впрочем, для него лично Орест был только смешон.

Оскорбляться его выходками граф считал недостойным себя. Он со свойственным «ловласам», как тогда называли, чутьем, понял, что из этого пьяницы он может извлечь немалую пользу для себя.

Он вынул сигару, закурил и, пустив струю дыма, неторопливо протянул:

— А скажите, пожалуйста, что вы делаете?

— Je suis assis sur le divan!^[5] — вдруг неожиданно по-французски произнес Орест.

— Ну да!.. Хорошо, но я спрашиваю вообще, что вы делаете? Можете писать?

— Да как вам сказать... смотря что... ежели «мыслете», так сколько угодно...

— Нет, переписывать бумаги?

Орест вздохнул и ответил:

— Пожалуй, мог бы, но не желаю!

— Отчего же?

— Я — враг бумажного делопроизводства.

И Орест снова закинул ноги на диван и развалился.

— Но разве вы не хотели бы заработать деньги?

— Зачем?

— Ну как зачем? Чтобы иметь их!

— Если я захочу, то и так буду их иметь.

— Вот как? Откуда же?

— Да хотя бы от вас, *s'il vous plaît!*[6]

— Вы хотите, чтобы я дал вам денег? — спросил граф.

— Отчего же нет?.. Ежели я буду, например, вам полезен?.. Вы не смотрите на меня выпуклыми глазами! Я говорю серьезно, в рассуждении принчипессы.

— Как вы сказали?

— Принчипессы... это я так называю известную вам волоокую Марию, в просторечии Маню.

Савищев не без некоторого удовольствия затянулся дымом сигары, Орест же, не выдержав, воскликнул:

— Позвольте и мне сигару, мой очень дорогой граф, как говорила покойная Мария Анту-

анетта! — и он жалобным взглядом голодной собаки посмотрел на Савищева, как тому показалось.

— Хорошо, я дам вам сигару! — согласился Савищев. — Но только я хочу, чтобы вы были со мной любезны.

Он вынул портсигар, достал оттуда сигару и протянул ее Оресту; тот вскочил, сделал глассаду и раскланялся.

— Я ваш человек! Вы очаровательны, граф!.. Я буду с вами любезен... Прежде всего вам, вероятно, желательно узнать, каковы фонды на здешней бирже недавно поселившегося здесь джентльмена?

«А он вовсе не глуп!» — подумал Савищев и сказал вслух:

— Почему вы так думаете?

— У меня в этих делах — мертвая хватка!.. Карамболь без промаха!.. Хоть с завязанными глазами... Конечно, за свою сметливость я одной сигарой удовлетвориться не могу! Знаете, граф, если беленькую, я — ваш человек!

«Беленькими» тогда назывались двадцатипятирублевые бумажки.

Савищев вынул, подумав, бумажник, раз-

вернул его и вытащил двадцать пять рублей. Он посмотрел на Ореста: тот ленивым, как будто вовсе равнодушным взглядом следил за ним.

— Ну вот вам деньги!

Орест мотнул головой и воскликнул:

— Не возьму!

— Да ведь вы сами только что хотели!

— А теперь не возьму!

— Как же так?

— Не возьму двадцати пяти... Теперь пожалуйста еще пять за промедленье и раздумываенье; всего, значит, тридцать!

«Нет, он положительно меня занимает!» — мысленно усмехнулся Савищев и дал Оресту тридцать рублей.

Он всегда был убежден, что с деньгами все можно сделать!..

Глава XXV

Получив тридцать рублей, Орест рассказал Савищеву, что их жилец Николаев, несомненно, влюблен в Маню-Марию, с которой проводит все вечера.

— Ну а какое отношение имеет она, — с любопытством спросил граф, — к некоему Андрею Львовичу Сулиме?

Орест задумался, сиясь обстоятельно вспомнить, но ничего припомнить не мог.

— К какому Сулиме? — спросил он.

— Не знаю. Но только она сегодня, вот сейчас, была у него. Я своими глазами видел, как она села в ожидавшую ее карету и поехала в ней в дом на Фонтанке, недалеко от Невского, принадлежащий, как я узнал, Андрею Львовичу Сулиме, который живет в нем один-одинешенек.

— Богатый человек! — произнес Орест.

— Очевидно!

— Романея! — сказал Орест.

— Что такое? — не понял Савищев.

— Я это слово, — пояснил Орест, — не для определения напитка говорю, а в смысле ин-

тересного происшествия, то есть вроде как бы романа! Романическое приключение!

— Ну вот я желал бы его выяснить! — продолжал граф Савищев. — За деньгами дело не станет! Эти тридцать рублей считайте задатком. Если вы мне принесете сведения, что такое господин Сулима и, вообще, как вы говорите, будете мне полезным, я заплачу вам еще.

— Значит, вы желаете преобразить меня в своего соглядатая, вроде как бы наперсника... Ну что ж, идет!.. По рукам!

И Орест протянул графу руку.

Чистоты она у него была сомнительной. Савищев поморщился, но все же пожал ее, рискнув это сделать, потому что сам был в перчатках.

Он расстался с Орестом, если не вполне успокоенный, то, во всяком случае, довольный посещением дома Беспалова. Он был уверен, что для этого тунеядца, который назывался Орестом, деньги были очень привлекательны и ради них он пойдет на все и будет готов сделать что угодно. А он был достаточно умен, чтобы иметь возможность сделать

многое.

Орест, оставшись один, сосал окурок сигары и раздумывал, каким же образом ему теперь поступить? Он принял на себя в некоторой степени обязательство узнать об этом Сулиме, но как приняться за дело, не знал.

От последовательного мышления его мозг давно отвык, и напряжение мысли составляло для него значительный труд.

«А ну их всех к шаху персидскому!» — решил он вдруг, засунув руку в карман и ощупывая там тридцать рублей, которые были для него солидной суммой.

Пока что там будет впереди — неизвестно, а теперь у него есть деньги и надо их поместить соответствующим образом.

«Самое лучшее было бы, — подумал Орест про графа, — сыграть с ним на бильярде да обставить его как следует!.. а прочее все... да ну его к шаху!» — повторил он себе и, нахлобучив картуз, отправился в трактир, «наплевав», как мысленно формулировал он, на всякие обязательства и обстоятельства, на все прошлое и все будущее, желая жить настоящей минутой на имеющиеся у него в кармане

тридцать рублей.

В трактире Орест не прошел, как обычно, в бильярдную, а сел в общем зале барином за столик и авторитетно приказал:

— Человек, романеи!.. И что-нибудь из кушанья деликатного!

— Яичницу на сковородке или селянку? — предложил лакей.

— Дурак! Стану я есть твою яичницу сегодня!.. Ты мне сделай...

— На наличные-с?

— Ну, разумеется! — Орест вынул из кармана деньги, положил их на стол и похлопал по ним рукой. — Хватит, надеюсь, а?

Лакей ослабился и заявил:

— Все, что прикажете, то и можно сделать!

— Закажи мне паровую осетрину!

Оресту давно хотелось паровой осетрины, но до сих пор она ему была не по средствам.

Он пересчитал свои деньги и спрятал их в карман.

Рядом, за другим столиком, с другим лакеем никак не мог столкнуться посетитель, которого Орест в первый раз видел в трактире.

Посетитель был французом, очень мало го-

ворившим по-русски, и он никак не мог объяснить лакею, чего ему хотелось.

Орест с самого детства говорил по-французски, потому что его мать была француженкой. Потом, когда она умерла, он от французского отстал, но все-таки хорошо понимал и мог ввернуть, когда нужно, несколько фраз.

Он пришел на помощь французу и послужил ему переводчиком, объяснив лакею, что требовалось.

Француз очень обрадовался, что нашел человека, который мог разговаривать с ним, и предложил Оресту пересесть за свой стол.

Это был человек почтенных лет, довольно скромно одетый, очень добродушный и болтливый. Оказалось, что он приехал в Петербург только вчера, знакомых у него тут нет никого и вот он пошел по улицам, чтобы узнать город.

— Но у вас тут жизни совсем нет! — удивился он. — Совсем нет никакой жизни!.. В Париже у нас все на бульварах и открытые кафе; вы приходите туда и можете все узнать!.. А здесь я не увидел ни одного открытого кафе...

Француз, попав в трактир, искренне вообразил, что это — не что иное, как закрытое петербургское кафе, и требовал себе там напитка, которого в трактире, разумеется, не было, отчего и происходило у него полное недоразумение с лакеем.

— А вы сюда приехали по делам или просто так себе? — спросил Орест у француза, когда им подали потребованное и они принялись за еду и питье.

По-французски Орест говорил без всяких вывертов, руководствуясь больше не тем, что хотел сказать, а теми словами, которые помнил.

— Да, я сюда приехал по делу! — стал сейчас же объяснять словоохотливый француз. — Мне тут надо найти одного молодого человека. О, я вам это расскажу!.. Это интересная и трогательная история!

— Этот молодой человек — русский?

— Да, он — русский. Он родился в Амстердаме в 1786 году и был крещен по русскому обряду священником с русского корабля. Ему теперь должен быть двадцать один год.

— Зачем он вам понадобился?

— О! Я ему должен сообщить, что он получит большое наследство! Это — история даже таинственная. Молодой человек, которого я разыскиваю, никогда не знал ни своего отца, ни своей матери тоже. Он был воспитан в Париже доверенным человеком, а затем, когда тот умер, был отправлен сюда, в Петербург. Его отец не мог его видеть, но посылал ему каждый месяц деньги...

— Почему же получилась такая комбинация? — поинтересовался Орест.

— Это составляет тайну, которую я не могу вам сообщить. Отец этого молодого человека умер и оставил ему большое состояние, и я должен был бы раньше приехать в Петербург, но военные действия принудили меня сделать крюк через Австрию, а между тем мир заключен, и вот мы, французы, — опять друзья с русскими.

— А вы знаете, как зовут вашего молодого человека?

— О, да!.. Его зовут Александр Николаевич Николаев.

— Александр Николаевич Николаев?! — воскликнул Орест. — Я такого человека знаю!

Француз трагическим жестом отстранился от стола, значительно взглянул на своего собеседника и поднял руку кверху, указуя на потолок, где кружились и жужжали мухи.

— Вот она, судьба! Я всегда говорил, что всегда и везде судьба!.. Надо же так случиться, чтобы я, ничего тут не зная, приехал в Петербург и первый же, кого я встречаю, может мне дать нужные сведения!.. О, это великолепно, положительно, это великолепно!

— Да, может, мой Николаев вовсе и не тот!.. Николаевых в России очень много!

— А это мы посмотрим и, если это будет не тот, будем искать другого! Но, ради Бога, скажите мне, где я могу найти вашего знакомого Николаева?

Француз поспешно вытащил из кармана записную книжку, вынул из нее карандаш и приготовился записывать.

Орест увидел, что ему везет. До сих пор он брал в жизни, по преимуществу, искусством игры на бильярде, но сегодня ему улыбнулось счастье. Разговор с Савищевым дал ему тридцать рублей и, конечно, было бы глупостью благодетельствовать француза даром.

— Видите ли, — сказал он, — я не знаю, тут ли мой знакомый, может быть, он на даче в Петергофе. Надо будет поехать туда, а это сопряжено с расходами...

— О, он, наверное, вернет их вам потом!..

— А если он окажется не настоящим?

— Да! Вы правы! — согласился француз. — Ваши расходы я должен принять на себя и, когда вы сделаете что нужно, я вам их верну.

«Нет, его, шельму, не надуешь!» — подумал Орест и условился с французом, где его можно будет найти.

Глава XXVI

Француз остался в трактире недолго, он желал видеть Неву и приглашал с собой Ореста. Но тот не выказал склонности к мирному наслаждению красотами природы, к тому же ему давно известными, и предался удовольствиям, которые были ему более свойственны — их могли ему доставить деньги.

Вернулся он домой поздно ночью мертвецки пьяный и на другой день долго приводил себя в порядок. От вчерашних тридцати рублей осталась только мелочь, да и из той пришлось выдать рябой девке Марфе, чтобы она сходила за водкой для опохмеленья.

Орест чистился и приглаживался, обливал голову водой и с удовольствием вспомнил весело проведенное время. Ему хотелось опять и сегодня провести день так, но для этого ему нужны были средства. Эти средства опять мог дать граф Савищев, которого он вчера мысленно посылал к шаху и на которого сегодня возлагал все надежды. Но для осуществления этих надежд нужно было бы привести графу хоть какие-нибудь сведения. Однако для по-

лучения последних требовалось объясниться с Маней. И вот для этого-то объяснения Орест и приводил себя в порядок.

Он улучил минуту, когда Маня была у себя в комнате одна, и отправился к ней, ступая на цыпочках, так как чувствовал себя деликатным.

Маня была поражена его появлением у себя в комнате. Это было строго-настрого запрещено ему и все объяснения между ними происходили в столовой.

— Принчипесса! — заговорил Орест. — Прошу тысячу извинений, но верьте, что важные мотивы заставляют меня нарушить ваше уединение.

— Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не смел входить ко мне! — сердито сказала Маня.

— И я свято хранил завет ваш. . но, я говорю, обстоятельства исключительные, и если вы меня прогоните, то будете сожалеть!

— Если тебе нужен гривенник, я тебе дам; уйди только...

Орест замотал головой.

— Не о едином гривеннике будет жив че-

ловек, но о многих. . и дело не в том: у меня вчера был граф Савищев.

Маня, отошедшая было к окну, обернулась и взглянула на Ореста, спросив:

— У тебя?

— Принимаю этот вопрос за начало дипломатических сношений и потому позволю себе сесть! — проговорил тот, опустившись на стул и положив ногу на ногу. — Да, вчера у меня был граф Савищев; его лучезарное появление произошло в вашем отсутствии и нашего дражайшего родителя тоже. Я был один...

— И ты его принял?

— О, принчипесса!.. На своем веку я принимал даже касторовое масло!

— Да перестань ломаться!.. говори как следует: зачем он приходил?

— Понюхать!.. То есть понюхать не то, как у нас в сенях пахнет, а освидетельствовать, так сказать, атмосферу. Он в вас влюблен, принчипесса, и вы это знаете.

— Что же, он говорил с тобой?

— Это наша тайна! Но я пришел вам сказать: оставьте графа Савищева и займитесь

нашим жильцом! Здесь дело будет сходнее... Наш жилец получит огромное наследство...

— А ты откуда знаешь?.. Он тебе рассказывал об этом? — насмешливо спросила Маня.

Ее насмешка относилась к Саше Николаичу.

— Нет, принчипесса, он со мной в интимность не входит... но по Петербургу его разыскивает француз, только вчера приехавший и желающий сообщить ему о наследстве... Так вот, принчипесса...

— Ах, какое мне дело до чужих наследств?

— Послушайте, принчипесса, хоть раз в жизни вы можете поговорить со мною серьезно?.. Известно ли вам, например, кто вы такая?

Маня села у стола, сжала губы и не сразу ответила.

— А тебе известно?

Орест молча кивнул головой.

Наступила минута тишины; ясно было слышно тиканье часов в столовой.

— Говори то, что ты знаешь, — сказала, наконец, Маня.

— Я знаю все, принчипесса, но скажу вам

под одним условием: чтобы и вы мне рассказали, зачем вы ездили в рессорном экипаже, ожидавшем вас прямо на перекрестке, на Фонтанку, к господину Сулиме, по имени и отчеству Андрей Львович.

Маня быстро встала со своего места и заходила по комнате.

— Ты лжешь! Никуда я не ездила! — воскликнула она.

— Ездили! — остановил ее Орест.

Маня вдруг густо покраснела и заговорила с нескрываемой досадой:

— Что же, ты следил за мной?.. Этого только недоставало!.. Кажется, до сих пор ты от меня, кроме хорошего, ничего не видел...

— И благодарен, принчипесса, за те гривенники, что вы отпускали мне от ваших щедрот! Но вы всегда были умны и поэтому сообразите, с какой это стати мне было следовать за вами?.. Вас выследил сам граф Савищев, найдя это занятие более подходящим для себя. Даю слово Ореста Беспалова, что это — истина!

Маня взялась за голову и несколько раз провела рукою по лбу.

— Постой... я ничего не понимаю! — сказала она. — Граф Савищев меня выслеживал... и пришел тебе рассказать об этом?

— Не волнуйтесь, ибо в деяниях мудрых сказано: спокойствие — свет, а волнение — тьма!.. Сиятельный граф не конфиденции мне свои выкладывал, а изволил нанять меня, чтобы я следил за вами.

— И ты согласился?

— Давление капитала, принчипесса!

— Но ведь это же мерзость!

— Совершенно справедливо изволили заметить! С одной стороны это — мерзость, но, с другой — я искуплю ее своим благородством. Благородство же мое в том, что я прямо весь перед вами, как невинный щенок, четырьмя лапами кверху. Берите меня всего и повелевайте. Граф Савищев поручил мне допытаться, как и почему вы вчера путешествовали к какому-то Сулиме; скажите мне, что для вас нужно, чтобы я ему сказал по этому поводу?

— Скажи ему просто, что я ездила за работой.

— Поняли, принчипесса, мою игру?.. Я всегда знал, что ваш ум не лишен остроты и рав-

няется вашей красоте... Но граф Савищев не так прост: он навел справки и узнал, что до-
стопочтенный Сулима живет один в своем до-
ме и никаких швейных работ от портних
принимать не может.

Маня заложила руки за спину, опустила
голову и опять заходила по комнате.

Глава XXVII

— Ты знаешь ли, — сказала она наконец
Оресту, — что все это может быть гораздо се-
рьезнее, чем ты думаешь? Дай мне немного
подумать и сообразить, как поступить. Ты не
знаешь, почему граф Савищев следил за
мною?

— Романея! — вздохнул Орест.

— Брось! Говори яснее! — раздраженно
проговорила Маня.

— Чувство любви! — пояснил Орест. — Я
вам докладывал, что он влюблен в вас.

— Чувство любви!.. — протянула Маня и
покачала головой. — Нет, дай мне подумать.

— А долго вы, извините, размышлять буде-
те?.. Когда я могу надеяться на ответ?

— Завтра утром я тебе скажу.

Орест протяжно свистнул и произнес:

— Ждать до завтрашнего утра, принчипесса, — танталовы муки, на которые я не способен!

— Почему танталовы муки?

— Потому что если я сегодня сообщу графу добытые сведения, получу от него соответствующую мзду...

— И много?

— Вчера он мне дал тридцать рублей пожертвования.

— А если я дам тебе деньги, ты подождешь?

— Посмотрим!

Маня подошла к комоду, выдвинула тяжелый ящик, порылась в нем и достала империлал.

— Вы уже столь богаты, — воскликнул Орест, — что можете покупать меня золотом?.. Не ожидал, принчипесса!.. До завтра!

— Погоди! — остановила она его. — Ты мне еще не сказал, что тебе известно про меня?

— Я тороплюсь, принчипесса!

— Но мне нужно знать...

Орест приблизился к ней, нагнулся к ее

уху, и, отдавая ее перегаром, тихо шевельнул губами:

— Что вы не дочь титулярного советника Беспалова, а графиня Савищева!

— Так это правда? — вырвалось у Мани.

— А вы были осведомлены об этом?

— Да... то есть, нет... Говори, что тебе известно?

Орест нагнул голову и прислушался в сторону столовой: там Беспалов шлепал своими туфлями.

— Нельзя! — сказал Орест. — Изложение требует времени, а родитель может помешать.

— Тогда вот что. Мне все равно надо идти сейчас. Я выйду черным ходом, а ты пройди на улицу через парадную. Ты проводишь меня, и мы поговорим по дороге.

— У меня жажда, и ваш империял просто горит у меня в кармане! — продекламировал нараспев Орест и добавил: — Разве отложить объяснение подробностей нельзя?

— Нельзя. Мне нужно сейчас, иначе я не смогу разобраться! — настаивала Маня очень серьезно и требовательно.

Орест повиновался и, проходя через столовую, видел, как отец, отперев дверцу буфета, запахнув халат и прижав к себе локтем трубку, налил из заветного графинчика рюмку и опрокинул ее в рот.

Проглотив водку, он мельком взглянул на Ореста и демонстративно запер буфет: «А тебе, мол, не дам!»

Орест ответил ему взглядом сожаления.

«Если бы ты знал, — подумал он, — что я вчера протравил тридцать целковых, а сегодня у меня в кармане империял!»

В передней он без смущения надел плащ Саши Николаича, который был у себя в комнате и читал «Санкт-Петербургские Ведомости», и вышел на улицу.

Маня сразу и не узнала его в этом нарядном плаще их жильца: до того в нем изменилась фигура Ореста.

— Что это ты? — удивленно спросила она.

— Чтобы быть достойным вас и не скомпрометировать вашего изящества своим костюмом, слизнул без спроса чужие ризы! — пояснил Орест, довольный своей находчивостью.

Маня опустила вуаль на шляпе и пошла вместе с Орестом.

— Ну, говори скорее! — шепнула она.

— Да ведь рассказ довольно длинен! — начал Орест. — У отца графа Савищева...

— Был брат! — перебила его Маня. — Он был женат на француженке и скрылся по обстоятельствам...

— По обстоятельствам, которые ему грозили виселицей! — бесцеремонно добавил Орест. — Ну так вот-с! У француженки, графини Савищевой, была камеристка, то есть, попросту, горничная девка; но так как и она была француженкою, то ее звали камеристкой. В один прекрасный день эта камеристка оказалась беременной. Вы меня извините, принципесса, что я называю вещи своими именами, но в деловом разговоре иначе нельзя!

— Да, да, скорее!

— Так камеристка оказалась беременной; от кого и как — пусть будет покрыто мраком неизвестности, но этот мрак неизвестности оказался все-таки настолько благороден и постоятелен, что соблазненную девицу-француженку выдал замуж за титулярного советни-

ка Беспалова, чтобы дать имя ребенку. А невинный младенец сей, получивший имя Беспалова, ваш покорнейший слуга! Но это только так, кстати! Дело совсем не в этом. А суть во всем интереса для вас заключается в чувствительности этой самой камеристки, а впоследствии госпожи Беспаловой. Когда она узнала, что ее бывшая госпожа скончалась, родив дочь, которую отдали в воспитательный дом, потому что ее отец бежал, а родственники не хотели ее признавать, она, с согласия мужа, Беспалова, взяла девочку и воспитала ее как родную дочь. Это были вы, лучезарная принципесса, которая, насколько я мог судить, еще недавно ничего не подозревала...

Маня, сильно взволнованная, шла так быстро, что Орест едва поспевал за ней.

— Я солгала, я ничего не знала до вашего рассказа! — с трудом выговорила она.

— Тем приятнее для меня, что я вас смог обогатить такими ценными сведениями! — поклонившись, промолвил Орест.

— Но достоверны ли они?

— Вполне! Когда все это происходило, мне

было семь лет и все переговоры шли при мне. Думали, что я ничего не понимаю, но я и в детстве отличался своими выдающимися способностями, и все это помню, как вчера!

— Так что, Беспалов недаром называет меня своей воспитанницей? — спросила Маня.

— Как видите, моя краса! Из всех нас, составляющих население его палаццо, один только Виталий его подлинное детище.

Они уже завернули с Невского на Фонтанку и Маня остановилась у ворот дома, который, как легко догадался Орест, принадлежал Андрею Львовичу Сулиме.

— Благодарю, — сказала она, — мне надо зайти в этот дом.

Орест снял картуз и галантно произнес:

— Не смею вам мешать, принчипесса, поступайте, как вам заблагорассудится... Вы предупреждены обо всем!

Проговорив это, он грациозно раскланялся и, картинно задрапировавшись в плащ, удалился, довольно правдоподобно изображая собою действующее лицо французского таинственного романа.

Глава XXVIII

Маня проворно юркнула в ворота и прошла в подъезд во дворе.

— Доложите обо мне сейчас же Андрею Львовичу! — приказала она встретившему ее в подъезде лакею.

Лакей с сомнением оглядел ее.

— Доложите!.. Разве вы не помните, я вчера приезжала сюда, в здешней карете, — торопливо объяснила Маня. — Доложите... он уже знает... Скажите, что по очень важному делу.

Лакей пошел докладывать, быстро вернулся и сказал:

— Пожалуйте, просят!

С сильно бьющимся сердцем Маня вошла в кабинет Андрея Львовича. Это был богатый кабинет, с ковром во всю комнату, с дорогими книжными шкафами, с зелеными штофными портьерами, темными старинными картинами и бронзовыми статуэтками. Сулима сидел за столом и писал.

— Вы знаете, что я узнала сейчас? — сразу же приступила Маня. — Вы сказали мне не

все... Вы мне сказали, что сделаете меня наследницей состояния графини Савищевой, если я вам уступлю половину всего, а ведь я — наследница на самом деле, потому что я...

— Погодите, погодите, моя милая барышня, — спокойно остановил ее Андрей Львович. — Что такое?.. и откуда вы узнали?

— Вы мне рассказывали, что дочь разжалованного графа Савищева была отдана в воспитательный дом и след ее потерялся навсегда... вы мне рассказывали это?

— Да, рассказывал.

— И говорили, что можете поставить меня на место этой дочери, потому что я подхожу по годам и по имени.

— И это я говорил, — согласился Сулима.

— Ну, а теперь я узнала, что я — на самом деле эта якобы потерянная в воспитательном доме дочь...

— От кого же вы узнали это?

— Если я вам это скажу, то раскрою свои карты!

— А вы хотите их скрыть?

— Зачем рассказывать лишнее? Отчего вы мне не сказали, что я — настоящая дочь графа

Савищева?

— Для того, чтобы тоже не говорить лишнего! — улыбнулся Андрей Львович. — Впоследствии я бы вам это сообщил!.. Но раз уж вы узнали, делать нечего!

— И напрасно скрывали! — возразила Маня, — Теперь я буду действовать с более легким сердцем, потому что чувствую за собой право, а то я было уже испугалась!

— Испугались?!.. Чего? — воскликнул Сулима.

— Вы мне сказали, что нам необходимо иметь метрическое свидетельство Анны Петровны и что оно лежит в ее туалете в незапертом ящике. Вам во что бы то ни стало необходимо было, чтобы я доставила его вам. Я это сделала и вчера приезжала сюда и привезла его вам в вашей карете.

— Ну, что же? Если это и было страшно, то уже прошло... чего же тут пугаться?

— Но свидетельство я взяла из ящика после того, как его туда положил молодой Савищев; и вдруг сегодня оказалось, что он вчера следил за мной, видел, как я села в карету и как подъехала к вашему дому.

Андрей Львович внимательно выслушал Маню и затем спросил ее:

— Он сам вам это рассказал?

— Не мне, а Оресту Беспалову, которого он подкупил, чтобы тот разузнал, зачем я к вам ездила, и сообщил ему.

— Ну, а Орест Беспалов?

— Нашел более выгодным вступить в сделку со мной. Он признался мне во всем и спрашивает, что я должна сказать ему для сообщения графу Савищеву в виде результата своих якобы розысков?.. И я, прежде чем ему ответить, пришла посоветоваться с вами.

— Вы поступили очень разумно! — одобрил Сулима. — Я все более и более убеждаюсь, что вы — верный человек и с вами можно иметь дело! Когда вы обещали дать ответ?

— Завтра утром.

— Так завтра утром напишите маленькую записочку графу и назначьте ему свидание хоть в Летнем саду, что ли, а эту записку пусть ему передаст Орест Беспалов.

— Но Савищев обещал ему за сведения деньги.

— Дайте вы их ему. У вас хватит? Или дать

вам еще?

Маня потупилась.

Андрей Львович вынул из стола пачку асигнаций и передал ей, сказав:

— Все равно, когда вы станете богатой, тогда сосчитаемся!.. А графу при свидании скажете, что были у меня по поводу наследства Оберланда, но что это — огромная тайна, которую вы открываете только ему, по особенному расположению. Можете вставить что-нибудь относительно того, что я принадлежу к ордену иезуитов и интересуюсь вами потому, что ваша мать, то есть жена титулярного советника Беспалова, была католичкой... Ну, а что же ваш жилец?

— О нем у меня тоже есть новости! — ответила Маня.

— Какие же?

— В Петербурге сейчас есть какой-то француз, приехавший из-за границы, который разыскивает его, чтобы сообщить ему о наследстве.

Андрей Львович выпрямился, поджал губы и нахмурил брови.

— И давно приехал этот француз?

— Только вчера.

— И уже успел повидаться с Николаевым?

— Кажется, нет... даже наверное нет, потому что тот непременно сообщил бы мне об этом. Этого француза видел Орест...

— Где же встретился Орест с этим приезжим?

— Должно быть, в трактире, потому что, кроме трактира, он нигде не бывает.

— Хорошо, милое дитя, благодарю вас! Идите же и сделайте все, как между нами условлено! — сказал Сулима.

Спровадив Маню с некоторой поспешностью, Андрей Львович нервно дернул за сонетку и приказал появившемуся лакею:

— Как можно скорее карету!..

Глава XXIX

Когда карета была подана, Сулима быстро вскочил в нее и коротко крикнул кучеру:

— К Желтому!..

У Крыжицкого ему сказали, что Агапита Абрамовича нет дома.

— Он должен быть! — настойчиво произнес Андрей Львович. — Именем Белого я говорю, чтобы он сейчас же был тут!

Через некоторое время в кабинет, куда никого не спрашиваясь проник Сулима, вышел из шкафа Крыжицкий.

— Простите! — сказал он, — Но я был занят в моей лаборатории.

— Знаю я твою лабораторию! — усмехнулся Андрей Львович, которому была известна, очевидно, и находившаяся за лабораторией турецкая комната. — Скажи мне лучше, внимательно ли ты следишь за порученным тебе Николаевым?

Крыжицкий пожал плечами и ответил:

— Ну конечно, внимательно. Он по-прежнему живет у Беспалова, недавно был в гостях у Леки Дабича, который хочет втянуть его в

прежнюю среду, и при всем этом он еще более, чем когда-нибудь, влюблен в красивую воспитанницу Беспалова.

— Ну, а знаешь ли ты, что вчера в Петербург приехал некий француз, который ищет Николаева, чтобы сообщить ему о завещании отца?..

— Нет.

— Вот то-то же!

— Но кто этот француз?

— Вернее всего, старый камердинер завещателя, и если он найдет Николаева в Петербурге и расскажет ему, что его отец умер и оставил ему по завещанию все наследство, все состояние, то Николаев запросто может отправиться во Францию и получить наследство помимо нас. А там взыскивай с него по расписке!.. Необходимо, во-первых, чтобы он думал, что получение его наследства вовсе не так просто, а, во-вторых, чтобы он, убежденный в сложности дела, получил состояние через нас. Только тогда мы будем обеспечены и уверены в том, что на нашу долю придется половина.

— Я все это понимаю! — сказал Крыжиц-

кий. — И понимаю, что нужно во что бы то ни стало помешать французу — кто бы он ни был, камердинер или кто другой — увидеться с Николаевым. Но для этого нужно знать, откуда получено известие о приезде француза?

— От Ореста Беспалова.

— Этого довольно! Все будет сделано! — решительно произнес Агапит Абрамович.

Сулима, улыбаясь, покачал головой, затем спросил:

— Что ты намерен делать?

— Прежде всего узнать от Беспалова, где этот француз? — ответил Крыжицкий.

— А если он не скажет?

— Дам ему денег.

— Сколько?

— Ну я не знаю... сколько понадобится.

— А если их понадобятся сотни?

— Дать их ему.

Андрей Львович опять покачал головой и сказал:

— Где твоя прежняя сообразительность? Восточные курения слишком затуманили ее!.. Пропадешь ты благодаря своей турчанке!

— Я не понимаю, в чем тут может быть

ошибка! — начал было высказывать свои соображения Агапит Абрамович.

— В том, — перебил Сулима, — что Орест Беспалов, получив сотни, станет кутить и швыряться деньгами и в первый же раз, когда он, пьяный, попадет в полицию, у него потребуют отчета в том, откуда у него столько денег, а это нам крайне невыгодно.

Крыжицкий стукнул рукой по столу и воскликнул:

— А ведь это правда! В самом деле, у меня ясность мыслей затуманилась... Значит, надо действовать иначе!.. Сегодня же увезу Николаева из Петербурга!

— Это средство сработало бы лучше, но он никуда не поедет из Петербурга.

— Может, его уговорить, что это необходимо для его дела.

— Едва ли! — сказал Сулима, — Он не захочет оставлять Петербург и расставаться с любимой девушкой. На влюбленных трудно подействовать рассудительными убеждениями!

— Тогда что же делать?.. Время терять нельзя!

— Нужно поступить самым простым и вер-

ным поэтому способом. Француз остановился в гостинице, а их не так уж и много в Петербурге, и если все цвета пойдут по ним, то легко смогут найти всех французов, приехавших вчера в Петербург, если бы их приехало даже несколько. А найдя, нетрудно распознать, который из них нам нужен, и затем легко поступить по обстоятельствам!.. Берись сейчас же за дело, а я дам знать остальным.

— Фиолетовый, кажется, болен! — сказал Крыжицкий.

— На всякий случай, я к нему проеду сам. А, впрочем, и шестерых вас будет достаточно!

На этом они расстались.

Глава XXX

Саша Николаич, прочтя «Санкт-Петербургские Ведомости», взялся за сборник стихов, который купил себе недавно, и долго перелистывал его.

Стихи говорили, по преимуществу, о любви, были наивны и плохи, но они Саше нравились.

Он сам почувствовал прилив вдохновения, взял лист бумаги и долго тщательно чинил перо, предвкушая сладкие минуты творчества.

Наконец, перо было починено, Саша Николаич обмакнул его в чернильницу и одним взмахом написал:

«На жизнь с надеждою взирая...» Он думал, что, чем выспреннее подберет слова и выражения, тем стихи будут лучше.

В первую минуту ему доставила огромное удовольствие написанная строчка. Он даже удивился, как это он мог так сочинить хорошо!

Но что дальше?

Дальше Саша Николаич думал, думал и за-

черкнул свою строчку, решив, что она не годится.

«Вотще, о! Слабый человек!» — написал он снова, но тотчас же вычеркнул «слабый» и написал «гордый».

Затем он и это вымарал, оставил только слово «вотще» и сверху написал: «Что есть истина?» — и подчеркнул, желая обозначить, что это — заглавие.

Но и это было не то.

Саша Николаич встал, прошелся по комнате, подошел к столу и, не садясь, изобразил на бумаге:

«О, девушка прелестна, Пойми ты, дорогая...»

Дальше стихи опять не шли, и у Саши Николаича появилась совершенно новая мысль: «Вертится жизни колесо...» — но, кроме «Жан-Жак Руссо», другой рифмы на колесо не находилось, а в чувствительные стихи вставить Жан-Жака Руссо было делом явно неподходящим.

Так Саша Николаич провел время до обеда и, хотя никакого стихотворения у него не получилось, но все-таки он находился в припод-

нятом настроении.

Это настроение стало совсем радостным, когда Маня предложила ему после обеда вместе делать пасьянс.

Они весь вечер провели вместе. Маня была особенно любезна с Николаевым, и он целый день никуда не выходил из дома.

Наутро Саша Николаич нашел на вешалке свой плащ истерзанным и в грязи. Разумеется, он рассердился и призвал рябую девку Марфу, чтобы дознаться, каким образом его одежда оказалась в таком виде. Но Марфа разводила руками, качала головой и уверяла, что ей ничего не известно.

Саша Николаич был так возмущен, что в первый раз повысил голос, так что даже титулярный советник Беспалов счел своим долгом выглянуть из столовой.

— Да-с! Это совсем непорядок!.. — сочувственно согласился он. — Очевидно, это штука моего сына Ореста и он за это ответит!.. О, он за это ответит!

Беспалов энергично потряс трубкой, но в это время показался сам Орест и титулярный советник тут же сбавил пыл и довольно мир-

но произнес:

— Обратите внимание, сударь, в каком состоянии плащ нашего жильца!

Орест нацелился взглядом на плащ, рассудительно покачал головой и сказал:

— Однако!..

— Так это сделали вы? — подступил к нему Саша Николаич.

Орест отмахнулся от него, как от мухи.

— Со всяким может случиться!.. Дело вовсе не в этом!

— Да нет, позвольте! — вмешался Саша Николаич.

— Ну что там позволять, гидальго! Плащ — это пустяки, тлен и преходящее. Я вам скажу лучше... Пожалуйте-ка сюда!

И Орест взял под руку Сашу Николаича и повлек его в комнату.

— Но, как хотите, я этого допустить не могу! — продолжал горячиться Саша Николаич.

— Гидальго, сеньор, успокойтесь!.. — с несколько преувеличенной страстью стал восклицать Орест. — Я вам принес известие, которое стоит десяти плащей. Плюньте!.. Вы понимаете, вы получаете наследство, капита-

лы, на которые можете приобрести все плащи города Санкт-Петербурга и даже Парижа, прекраснейшей столицы Франции!..

Орест подробно рассказал о вчерашней встрече с французом и передал их разговор.

Он, собственно, не рассчитывал сегодня так быстро выложить все Саше Николаичу, но испорченный плащ заставил его сделать это.

Действительно, выслушав его, Саша Николаич забыл о причиненной ему неприятности. Все, что передал ему Орест, было очень правдоподобно и, во всяком случае, совсем естественно объясняло случившийся в жизни Саши Николаича неожиданный поворот.

Оказалось, у него за границей был отец, который, по каким-то таинственным причинам, должен был скрываться от него и потому не виделся с ним, но высылал ему ежемесячно тысячу рублей. Когда отец умер, присылка прекратилась, и банкир заявил, что выдачи больше не будет.

Но для Саши Николаича это вовсе не означало разорения, и напрасно он так погорячился, что круто изменил свой образ жизни.

Напротив, теперь все состояние должно было перейти к нему.

Все это было вполне логично; странным казалось только отчуждение отца, но и это должно было объясниться для Саши Николаича, как только он увидится и переговорит с французом.

— Так что же?.. Надо скорее ехать к нему! — заторопил Саша Николаич.

— Едемте, едемте, джентльмены! И да будет вам жизнь легка и счастлива! — подхватил Орест и показал на окно. — Взгляните, сама природа благоприятствует вам!..

На дворе стоял сырой, холодный, пасмурный день петербургского августа.

— Погода преотвратительнейшая, — пояснил Орест, — и вы можете надеть вместо летнего своего плаща вашу осеннюю шинель!.. А уж в несколько, к сожалению, подпорченном плаще, так и быть, уж я поеду с вами, ибо мой подлец-портной не несет мне верхнего платья!

Саша Николаич был вынужден согласиться, что природа, действительно, «благоприятствовала» ему, но зато, как оказалось, даль-

нейшие обстоятельства явились несколько иными и сложились совсем не в его пользу.

В гостинице, в которой остановился француз, они его не нашли и там им сказали, что куда-то переехал, а куда — неизвестно. Его увез из гостиницы какой-то господин...

Глава XXXI

— Я сделал, что мог, пусть делают лучше меня более способные!.. — разведя руками, воскликнул Орест и, оставив огорченного Сашу Николаича у подъезда гостиницы, удивительно талантливо исчез, видимо, издавна приобретаю эту сноровку.

Терять время ему было некогда: надо было отнести к графу Савищеву записку Мани, которую она успела передать ему; вместе с тем, она удостоила его новым империалом.

Савищев его ждал.

— Я вчера был целый день дома! — встретил он Ореста. — И думал, что вы явитесь вчера же!

— Никак было невозможно, граф! — вздохнув, воскликнул Орест. — *Pas possible!*[7] как выражалась, вероятно, Мария Антуанетта. Придя вчера к вам, я мог бы только утешить вас своим обществом, а никаких сведений не принести. Но я, как человек умный, понимаю, что мое общество вам противно!

Говоря это, Орест, не ожидая приглашения, удобно уселся в кресло и показал Савищеву

на другое, сказав:

— Садитесь, пожалуйста!..

Графу это так понравилось, что он рассмеялся и сел.

Запах винного перегара, которым несло от Ореста, сейчас же обеспокоил графа и он поспешил вынуть сигару.

— И мне! — благосклонно протянув руку, сказал Орест.

Савищев дал и ему и, чтобы закурить, ударил по какой-то хитрой лампочке, которая тотчас же вспыхнула.

— Ну, что вы узнали? — спросил Савищев, выпуская дым.

— Собственно, я ничего не узнал! — деловито произнес Орест. — Но я сделал лучше!

— Лучше?

— Я вам устроил личное свидание с володой принчипессой, о чем она вам сообщает в милостивом рескрипте.

Орест засунул пальцы в жилетный карман, пошарил там и вынул сложенную и запечатанную розовой облаткой записку Мани.

Савищев двинулся, чтобы взять ее.

— Нет-с, позвольте!.. — остановил его

Орест. — Участь этой записки только еще решается и неизвестно, отдам ли я ее вам или зажгу вот об эту лампочку, чтобы закурить мою сигару!

— Что это значит? — спросил граф.

— Это значит, что пожалуйста вот об это место!.. — и Орест нежно постучал по углу стола. — Пятнадцать рублей, не больше, — пояснил он.

— Пятнадцать рублей? Опять? Вам мало вчерашних?

Орест невозмутимо протянул руку с запиской к лампочке.

Граф поспешно достал пятнадцать рублей и бросил их на стол.

— Voilà![8] — сказал Орест и подал записку.

В то время, как молодой человек разговаривал внизу у себя в кабинете с Орестом, наверху графиня с неизменным своим вязаньем в руках весело болтала с приехавшей к ней в гости Наденькой Заозерской, девицей, которая не имела родителей и жила у своей старой тетки, фрейлины Пильц фон Пфиль, лишь раз в год выползавшей из дома, да и то только для переезда на дачу. Поэтому Надень-

ка делала визиты одна, в карете тетки и с ее лакеем, носившим придворную ливрею.

Наденьке было за двадцать с лишком лет, что по тогдашнему времени считалось для девушки более чем зрелым возрастом. Ни особенной красоты, ни состояния у Заозерской не было и потому она успехом не пользовалась. Но графиня Савищева очень любила ее, патронировала и ездила с ней на балы.

— Ну, миленькая, знаете что? — радостно говорила Анна Петровна, как будто придумала Бог весть какую необыкновенную, из ряда вон выходящую штуку. — Будемте чай пить!

Слово «чай» она произносила как-то особенно сочно и вкусно.

Каждый раз она радовала своим «чаем» Наденьку и та каждый раз с восторгом принимала ее предложение.

Им принесли на фарфоровом подносе чашки, чайник, вазочку с вареньем и сухарики в серебряной корзиночке.

Они не виделись давно, потому что Наденька только что приехала с дачи с теткой из Царского села, где та на все лето находила домик в так называемой Китайской деревне.

— А я никуда так и не выезжала летом! — стала рассказывать Савищева. — Мы с Костей все собираемся за границу, но теперь нас задержали дела! Вы знаете — только это большой секрет — мы получаем оберландовское наследство!

— Ну, а что ваш сын, графиня? — спросила Наденька и опустила взор.

— Ничего, хлопочет! — произнесла графиня. — Представьте, он оказался очень дельным! Я ему дала полную доверенность и он все один!..

— А приятель его?

Наденька Заозерская выговорила эти слова не без некоторого труда и, как ни старалась сдержать себя, непослушный и досадный румянец покрыл ее щеки.

— Знаменитый Саша Николаич? — подхватила графиня, как будто не замечая румянца Наденьки. — Представьте себе, голубчик, Костя должен был с ним разойтись!

— Разойтись?! — изумленно спросила Заозерская.

— Да, он просто оказался авантюристом!

— Не может быть, графиня! Как же это от-

крылось?

— Мне Костя рассказывал подробности, только я боюсь, что все перепутаю. Нет... в карты он не проигрался... а с ним что-то случилось... Вообще он пропал и у нас больше не показывается.

Несмотря на выдержку, которою обладала Наденька Заозерская, она сильно изменилась в лице, опустила голову и заморгала глазами, чтобы скрыть навернувшиеся слезы. Ей хотелось еще раз сказать: «Не может этого быть!» — но она боялась проронить хотя бы слово, чтобы не расплакаться.

Графиня участливо взглянула на нее и протянула ей руку, сказав:

— Милая, я не знала, что вас это поразит!

Наденька густо покраснела от самой шеи, готовая провалиться сквозь землю оттого, что выдала себя.

— Ну, полно, голубчик! — стала говорить ей Савищева. — Ведь я вам не чужая! Ведь я вас люблю как родную! Ведь я знаю, миленькая, что у вас никого нет!..

Она встала с кушетки, подошла к Наденьке, обняла ее голову и прижала к себе. И На-

денька не выдержала, и слезы полились у нее.

— Да... да... у меня никого нет... — сквозь всхлипывания повторила она несколько раз, прильнув всем телом к доброй, ласковой и любившей ее графине.

Глава XXXII

Вечером, после театра, в отдельном кабинете ресторана у камина стоял Агапит Абрамович Крыжицкий и ждал.

Это был тот самый кабинет, где несколько времени тому назад произошел разрыв между Сашей Николаичем и Савищевым.

Теперь на дворе стояли уже по вечерам заморозки, и в камине горели дрова, отчего в кабинете, освещенном стоявшим на столе пятисвечным канделябром, ложились фантастические блики.

Крыжицкий ждал терпеливо.

Наконец, дверь отворилась, и в кабинет вошел человек средних лет, черноволосый, с небольшими усиками и в темных очках. Его движения были настолько живы и быстры, походка пряма, а сложение стройное, что на вид ему можно было дать только лет тридцать, не больше.

Агапит Абрамович посмотрел на вошедшего с таким удивлением, что сразу было видно, что это не тот, кого он ждал, но человек, совсем ему незнакомый.

Между тем этот человек положил шляпу на стул, снял перчатки и спросил:

— Ты, кажется, не узнаешь меня?

— Простите... — начал было Крыжицкий.

Но незнакомый господин рассмеялся, снял очки и проговорил своим обыкновенным голосом:

— Неужели и теперь не узнаешь?

Перед Агапитом Абрамовичем стоял Андрей Львович Сулима, которого он именно ждал в кабинете, чтобы поужинать с ним.

— Ну, я знал, что вы умеете преобразаться, но такого искусства не ожидал! — с некоторым восхищением проговорил Крыжицкий. — Откуда вы?

— Так... надо было!

Андрей Львович опустился на диван, перед которым стоял накрытый стол, облокотился на его спинку, раскинул руки и произнес:

— Ух... устал!

Но утомление, которое чувствовалось во всей его фигуре, в ту же минуту сбежало с него; он бодро выпрямился, придвинул к себе тарелку с семгой, налил рюмку тминной вод-

ки, выпил и принялся закусывать.

— Француза вчера нашел Фиолетовый! — заговорил он, прожевывая семгу. — Это, действительно, оказался камердинер и доверенное лицо отца Николаева! О нем я уже позаботился!

— А у меня, — возразил Крыжицкий, — тоже есть интересная новость.

— Ну?!..

— Иезуиты-то...

— Что же иезуиты?..

— Ведь, действительно, впутались в дело Савищева!

— Да не может быть! Каким образом? — воскликнул Андрей Львович.

— Только не по савищевскому состоянию, по оберландовскому наследству. Вчера молодой Савищев проследил, что воспитанница Беспалова ездила куда-то в присланной за ней карете, а сегодня на свидании с ним в Летнем саду призналась, что вошла в сношения в Петербурге с каким-то иезуитом по делу, касающемуся оберландовского наследства!

Андрей Львович от души расхохотался.

— Ай-ай-ай! Агапит Абрамович! — покачав головой, произнес он. — А известно ли вам имя этого иезуита?

— Нет!

— А вы бы спросили!

— В самом деле, я упустил это из вида.

— Много, слишком много вы упустили из вида! А если бы спросили, то узнали бы, что этот мнимый иезуит, которого вы, по-видимому, опасаетесь, не кто иной, как Андрей Львович Сулима!

— Вы?!

— Ну да, я. И это пустяки, гораздо важнее, что вы потеряли прежнюю ясность ума. К сожалению, я теперь на каждом шагу убеждаюсь в этом! Надо будет вам освежиться!

— Каким образом? — неуверенно и несколько растерянно спросил Агапит Абрамович.

— Проехались бы куда-нибудь подальше!

— Например? — спросил Крыжицкий.

— Например, в Крым. Кстати, нужно, чтобы туда поехал кто-нибудь, для некоторых личных переговоров. Там недовольны нами, а между тем хотя бы два таких дела, как графич-

ни Савищевой и Николаева, достаточно доказывают, что мы не дремлем. Ведь это миллионами пахнет! Положим, дело Николаева несложно, но все-таки его надо было выследить и похлопотать о нем. Так вот, главным образом, вы им все это и объясните!

Крыжицкий слегка нахмурился и спросил:

— А как же здесь?.. Ведь мне придется оставить графа Савищева?

— Тем лучше, что вы скроетесь от него... Все, что нужно, вами уже сделано, дальше гром ударит помимо вас и, когда он, этот гром, ударит, лучше будет, чтобы вас здесь не было, потому что, конечно, гнев Савищева обрушится на вас первого!

— А Николаев? — спросил Крыжицкий.

— О нем нечего беспокоиться! Француз под нашей охраной, и, остается только ждать нашего доверенного лица из Франции, которого я жду со дня на день, для завершения формальностей по наследству Николаева. Вы можете сказать в Крыму прямо, что оно уже в наших руках. А теперь позвольте пожелать вам счастливого пути!

Андрей Львович взял бокал шампанского

и чокнулся с Крыжицким.

— Еще один вопрос, — проговорил Агапит Абрамович. — Доверяете ли вы Фиолетовому?

— Я никому не доверяю, — ответил Андрей Львович, — даже самому себе, но я знаю, что за мной следят, как и я сам слежу за всеми семьей. А Фиолетовый один из вас!

— Но все-таки мне он кажется подозрительным, и если у вас есть узда на него, то тогда, конечно, бояться нечего!

Сулима прищурился и долгим, внимательным взглядом посмотрел на Крыжицкого, сказав:

— У меня на каждого из вас есть серьезная узда!

— И даже на меня? — улыбнулся Агапит Абрамович.

— И даже на тебя, Симеон! — наклонившись к нему, шепнул Андрей Львович.

Крыжицкий дрогнул и уронил вилку, которую держал в руке. Он вдруг побледнел и с испугом посмотрел на Сулиму:

— Вот как?!

А тот не сводил с него своего взора и медленно, с расстановкой ответил:

— Попробуй теперь не исполнить моего приказания и не поехать в Крым!

— Когда же мне ехать? — спросил Крыжицкий.

— Через три дня.

— Я уеду через три дня! — тихо сказал Крыжицкий.

Глава XXXIII

Не знала бедная Анна Петровна Савищева, какое несчастье навлекает она на себя, вступая в дело с Крыжицким. Не знал также и ее сын, что метрическое свидетельство, взятое им потихоньку и переданное Агапиту Абрамовичу, послужит орудием страшной махинации, которая приведет к совершенно неожиданной катастрофе.

Мать Анны Петровны тоже не подозревала, выдавая ее замуж за графа Савищева, что подчистка на метрическом свидетельстве, сделанная ею из ложного стыда, чтобы скрыть года дочери, что было, в сущности, всем не нужно, готовит ей в будущем тяжелый, почти смертельный удар.

Занявшиеся судьбой графини, то есть, главным образом, ее состоянием, люди с разноцветными кокардами, действовавшие под председательством своего Белого руководителя, обладали силой, которая заключалась, во-первых, в деньгах (они умели их не жалеть, когда нужно), во-вторых, в хитром и ловком расчете и, в-третьих, в далеко не совершен-

ном устройстве разных официальных учреждений того времени, в которых можно было обделывать темные дела с помощью мелких служащих.

Эти мелкие служащие в суде, в сенате, в консистории, разные писцы и подьячие получали нищенское содержание и восполняли его путем взяточничества и подачек. По своему служебному положению они были людьми незначительными, но могли сделать все, потому что имели доступ к документам и могли поэтому преобразовать любое дело так, что высшие чины, с полным беспристрастием и вполне согласно закону, принимали решение, какое было нужно этим мелким, но все-таки сильным людям.

Андрей Львович Сулима опытной рукой управлял армией писцов и подьячих, щедро платя им за услуги.

И вдруг вышло так, что графиня Савищева оказалась повенчанной по якобы подложному метрическому свидетельству, так как в обозначенном году никакой Анны Петровны Дюплон крещено не было. Граф Савищев был женат на Дюплон, но была ли та, которая те-

перь носила его фамилию, действительно Дюплон, являлось неизвестным, и к этому основному факту был пристегнут еще ряд самых запутанных обстоятельств, на основании которых брак графини Анны Савищевой был расторгнут консисторией, а сама она подлежала суду за подделку метрического свидетельства.

Все это совершалось под покровом строжайшей канцелярской тайны, в душной и затхлой атмосфере канцелярских комнат, среди пыльных и грязных дел, грязных и по существу своему, и по внешнему виду.

Только когда все уже было кончено, грянул над Анной Петровной гром, непредвиденный и совершенно неожиданный.

Выдался в августе хороший, теплый день, и графиня вышла в свой сад с заехавшей к ней, по обыкновению, Наденькой Заозерской. В саду пахло палым, осенним листом, сыростью древесной коры и испарениями оттаявших ночных заморозков. Графиня, в капоре и в теплой домашней душегрее, сидела с Наденькой в беседке, на фронтоне которой красовалась надпись: «Храм любви и размышле-

ния».

— Нет, графиня, — говорила Наденька, — я не верю, чтобы он оказался недостойным человеком!.. Вспомните его правдивые, откровенные глаза и как он смело и открыто говорил и судил обо всем!

— Да я ведь не знаю, миленькая, — утешала ее графиня, — конечно, может быть, что все это — одни рассказы; странно немножко, почему он это вдруг исчез?

— Да он вовсе и не исчез!.. На днях я видела у Нарышкиной молодого Дабича, и он говорил, что встретил его недавно и что он такой же, как и был!.. Этот Дабич очень милый, по-моему!

— Ну, вот видите как хорошо! — искренне обрадовалась Анна Петровна. — А Костя почему-то не любит этого Дабича!

Наденька Заозерская замолчала и устремилась взглядом перед собой, как бы пристально вглядываясь в даль, хотя эта даль и была заслонена деревьями и видневшимся за ними домом.

— Бывает, — начала она опять немножко не своим глухим голосом, словно пророче-

ствуя, наподобие Пифии, сидящей на треножнике, — бывает, что человека вдруг окружают темные силы и стараются, чтобы он пал. Но это не значит, что сам человек дурен. Напротив, он борется с темными силами!.. Я думаю, это земное искупление!..

Наденька на положении вполне оперившейся девицы, которая выезжает одна в карете с ливрейным лакеем, считалась умною и потому философствовала.

Графиня любила ее рассуждения, хотя довольно смутно понимала их, но именно потому, что они были ей неясны, она относилась к ним с особенным уважением. Но теперь для графини в отношении Наденьки не было уже ничего скрытого. Она была поверенной ее тайны и знала, что Наденька Заозерская была «заинтересована», как тогда говорили, этим милым Сашей Николаичем, которого вдруг почему-то невзлюбил ее Костя. Однако она надеялась, что все это уладится, потому что, по ее мнению, там, где была любовь, все должно было быть хорошо.

Наденька, случайно выдав себя графине, была рада тому, что могла говорить с ней о

своей сердечной тайне. Кроме как с графиней, ни с кем другим она бы не могла этого сделать.

И вот, когда они сидели так в «Храме любви и размышлений», на дорожке сада показался молодой граф Савищев. Он был без шляпы, шел быстро и держал в руке какую-то бумагу. Его лицо было взволнованно и растерянно настолько, что это превышало меру, возможную для хорошо воспитанного порядочного человека.

Заметив это, графиня издали его спросила:

— Что с тобой, миленький?.. Что там случилось?

— Я не знаю, маман... Это что-то невероятное... — заговорил Костя подходя. Увидев Наденьку, он было остановился, но сейчас же продолжал опять: — Впрочем, может быть, именно Надежда Сергеевна поможет нам через свою тетушку! Единственное средство — довести до сведения государя и просить его...

— Да что такое, миленький?..

— Вот, прочтите, — Савищев подал матери бумагу.

Та долго разглядывала ее и вернула сыну.

— Я ничего не понимаю, мой друг! Во-первых, что значит «расторжен»?

— Уничтожен, маман!..

— Ну-с, тогда это недоразумение!.. Каким образом уничтожен, когда я — графиня Савищева, и все это знают! Это какие-нибудь шутки этих... как говорил Крушицкий... иезуитов! Ты вызови Крушицкого, он все объяснит и уладит!

Графиня все еще не могла привыкнуть называть Крыжицкого как следует и путала его фамилию.

Услышав предложение матери, Савищев произнес:

— Во-первых, Крыжицкий уехал по делам надолго в провинцию, а во-вторых, тут Крыжицкий ничему не поможет, а только один государь!..

— Ах, погоди, друг мой, ты говоришь со-всем не то!.. Я просто поеду к князю Алексею, и он все выяснит! Зачем непременно думать дурное?

— Да не думать, маман!..

— Ах, миленький! Ведь мы ничего никому дурного не сделали! — воскликнула графиня.

ня. — Нет, скажи! Разве мы сделали кому-нибудь дурное?

— Нет, — ответил Костя.

— Ну, так и с нами ничего дурного не случится! — уверенно произнесла графиня, воображая, что высказывает неопровержимый убедительный довод, и повторила еще раз: — Я поеду на днях к князю Алексею, и он там скажет, чтобы нас оставили в покое!

Князь Алексей занимал довольно видное место в Петербурге, а графиня воображала, что он всемогущ, и хотя и не знала наверное, но дело ей представлялось настолько мало серьезным, что, по ее мнению, достаточно было слова князя Алексея, сказанного вообще...

— А теперь вот что! — предложила она. — Пойдемте в дом и будем чай пить!..

Глава XXXIV

Андрей Львович Сулима ходил по своему кабинету рассерженный до того, что ему нужно было сделать усилие, чтобы окончательно не потерять над собой контроля, последовательности и ясности мысли.

В таком состоянии он бывает редко и, чтобы он пришел в него, нужно было, чтобы случилось что-то очень серьезное.

И это особенное, действительно, случилось: дело, на которое было потрачено много денег в надежде на крупный барыш, сорвалось — сорвалось в тот момент, когда оно казалось уже совсем законченным и столь долго лелеянные ожидания — осуществленными! Вдруг эти ожидания рушились и на месте созданного воздушного, как выяснилось, замка, получилась всего лишь почти бесплодная пустошь!..

Доверенный по делу Саши Николаича, посланный во Францию, которого Андрей Львович ждал со дня на день, вернулся и привез самое неожиданное известие.

Завещание отца Саши Николаича было

утверждено и все формальности исполнены, но по этому завещанию Николаев получал не миллионное состояние, как ожидали Сулима и остальные члены общества «Восстановления прав обездоленных», а небольшую землю пространством не более обыкновенной мызы [9] в Голландии и больше ничего!

Половина стоимости этой маленькой земли не могла окупить и части сделанных обществом расходов по наследству Саши Николаича. Все расчеты оказались ошибочными.

Андрей Львович ходил по кабинету, разводил руками и произносил вслух:

— Но я не виноват тут ни в чем!

Он не столько жалел, что не оправдались ожидания получения крупной суммы, сколько досадовал, что он, испытанный в таких делах человек, мог так попасть впросак! Дело вел он, но открыто и раздуто это наследство было помимо него, и он получил лишь несомненное указание, которому не смел противоречить, а именно, что у отца Саши Николаича было действительно миллионное состояние.

«Ну пусть там, в Крыму, и пеняют на себя,

а я не виноват!» — утешался он.

Но от этого Андрею Львовичу не стало легче!

Мало-помалу он совладал с собой, подошел к камину, глянул на себя в висевшее над камином зеркало и дернул сонетку.

Когда на звонок вошел лакей, Андрей Львович был внешне уже совершенно спокоен.

— Господин Кювье не приехал еще? — спросил он.

— Нет.

— За ним послали?

— Как только вы приказали! — ответил лакей.

— Как он приедет, проводите его ко мне без доклада!

Отдав это распоряжение, Сулима сел к письменному столу и принялся писать письмо на золотообрезном листе бумаги большого формата.

Он дописывал свое письмо, когда в комнату вошел тот, которого он называл господином Кювье.

Это был один из семи, носивший название

«Фиолетовый».

— Мой дорогой месье Кювье! — начал Андрей Львович по-французски. — Более нет надобности, чтобы вы следили за ним.

— Разве произошли какие-нибудь перемены? — спросил Кювье.

— Да, все закончено, завещание утверждено и нам больше нечего бояться, что этот француз увидится с Николаевым, — сообщил Андрей Львович.

— Но, видите ли, — возразил Кювье, — я для того, чтобы отвлечь, навел его на ложный след и познакомил с одним из своих, которого выдал ему за Николаева.

— Бросьте все это, бросьте!.. Дело оказывается не стоит свеч! — с видимым огорчением воскликнул Сулима.

— Да неужели?!

— Да, все наследство этого Николаева состоит в маленьком участке земли, цена которого всего несколько тысяч франков!

— А между тем нам были даны такие определенные инструкции! — вздохнув, произнес Кювье.

— Это уж не наша вина! — возразил Ан-

дрей Львович, — Пусть там, в Крыму, пеняют на себя!

— Однако это все же неприятно!

— Ну, разумеется!

— Но все-таки у нас есть некоторое удовлетворение!.. — продолжал Кювье. — Как хотите, дело Савищевой гениально задумано и выполнено!.. Я признаюсь, не ожидал, что вам удастся все сделать так быстро.

Андрей Львович махнул рукой и произнес:

— Савищевское дело — пустяки по сравнению с тем, что мы ждали от дела Николаева!.. Но вот что! Вы знаете, что Желтый отправлен мною в Крым с донесениями и для личных переговоров. Надо догнать его по дороге и предупредить о том, как неожиданно изменилось дело. Поезжайте как можно скорее...

— В Крым? — спросил Кювье.

— Да! Вдогонку Желтому...

— Но я хотел бы... — начал Кювье, но вдруг остановился.

Андрей Львович пристально посмотрел на него, выдержал паузу, затем продолжал:

— Вы поедете как можно скорее, даже сегодня, если достанете лошадей...

Кювье больше не возражал, он только спросил:

— А если я не догоню Желтого по дороге?

— Тогда вы в Крыму передадите это письмо и объясните ему на словах то, что знаете!.. — ответил Андрей Львович. — А я уже сегодня покончу с Николаевым, чтобы поскорее отделаться и забыть о нем.

— Могу я, — нерешительно произнес Кювье, — попросить у вас разрешения повидаться перед отъездом с этой девушкой, которую, как вы говорите, вы хотите выдать за дочь графа Савищева-старшего?

— Нет! — коротко и даже резко ответил Сулима. — Вам не нужно видеть ее, а необходимо как можно скорее ехать, что вы и сделаете!..

Кювье удалился, а Андрей Львович велел подать себе карету и отправился в дом титулярного советника Беспалова.

Глава XXXV

Беспалов, в халате и с трубкой, ходил, шаркая туфлями, по столовой и пояснял сидевшему в углу и не слушавшему его Виталию, как делается настоящий омлет о-финь-зерб (яичница с зеленью).

Орест лежал на диване, находясь в полном финансовом оскудении и ожидая вечера, когда можно будет взять хоть полтинник с Саши Николаича.

Маня была у себя в комнате, а Саша Николаич — в своей. Он опять предавался вдохновению, то есть писал и зачеркивал поэтические, по его мнению, строки.

По улице прогремела карета и остановилась.

— Какой-то важный господин к нам! — проговорил титулярный советник Беспалов, выглянув в окно, и присел, расставив руки. — А я, как нарочно, в халате!.. Поди, Орест, встретить!

— Граф Савищев, должно быть, — сказал Орест и поднялся, предвкушая возможную поживу.

— А я лучше укурюсь! — заявил Беспалов и робкими, но быстрыми шажками проследовал на кухню.

— И великолепно! — одобрил Орест и пошел в переднюю, где уже стукнула входная дверь.

Однако в передней вместо Савищева Орест увидел почтенного седого господина. Но внушительный вид гостя ничуть не смутил его, и он галантно расшаркался, поклонившись боком, тем привычным движением, которым он сгибался над бильярдным столом, делая без промаха удар почти не целясь.

— С кем имею честь? — промычал он.

— Господин Николаев здесь? — спросил приехавший господин.

— Здесь! — ответил Орест.

— Я — Андрей Львович Сулима и хотел бы его видеть!

— Ага! — сказал Орест и воззрился на Сулиму, желая разглядеть того иезуита, к которому, как он знал, ездила Маня.

— Я желаю видеть господина Николаева! — повторил Андрей Львович.

— Направо в угол! — заявил Орест и сделал

движение рукой, словно посылал бильярдный шар, в сторону дверей жильца. — Благоволите проследовать! — добавил он, а затем, пропустив Сулиму в дверь, затворил ее и приник к ней ухом.

Он заинтересовался: зачем приехал этот важный господин.

Он слушал, как иезуит, за которого считал Андрея Львовича, познакомился с Сашей Николаичем и объявил ему, что он может получить наследство.

«Опять это наследство!» — подумал Орест, махнув рукой, отошел от двери и вернулся на диван, находя, что лежание более соответствует его природным склонностям.

Через некоторое время Саша Николаич заглянул в столовую и снова побеспокоил Ореста.

— Скажи, пожалуйста, Марии Власьевне, что ее желает видеть господин Сулима! — проговорил он.

— Да что я вам дался? — обиделся даже Орест. — В кои-то веки предашься часам отдохновения и вдруг беспокойства... Я в вашу политику вмешиваться не желаю, так как в

данном случае никакого профита от нее получить не могу.

Он повернулся лицом к спинке дивана и стал водить по ней пальцем, чертя не то какие-то невиданные узоры, не то цифры.

— Да подите же! — наставительно, требовательным тоном произнес Саша Николаич.

Но Орест даже не удосужил его ответом. Он только подрыгал подошвой сапога, ясно выразив мимикой: «Поди прочь!»

Титулярный советник Беспалов по некоторой робости, от которой он и на службе не имел успеха, не решившись показаться приезжему, тем не менее следил в щелку двери и слышал препирательства Саши Николаича и Ореста. Узнав, что этот приезжий желает поговорить с Маней, он, приседая на ходу, отправился к ней в комнату и позвал ее.

Маня вышла и совершенно просто приняла Андрея Львовича, как будто тут была не убогая столовая с лежащим на диване Орестом, а, по крайней мере, штофная гостиная.

— Я с вами хотел бы переговорить наедине! — сказал Сулима.

— Тогда пройдемте в мою комнату! — по-

прежнему спокойно и просто предложила Маня и провела гостя в комнату к себе.

«Одно слово, «принчипесса!» — подумал ей вслед, любуясь ею, Саша Николаич, вспоминая название, данное Мане Орестом.

— А что, этот барин важный? — спросил слепой из своего угла.

— М-да! — ответил Орест.

— Он бритый?

— Бритый!

— Я его камердинером возьму! — воскликнул Виталий. — За пять миллионов в год пойдет!

— Ежели он не играет на бильярде, тогда не бери! — посоветовал Орест.

Андрей Львович долго беседовал с Маней наедине и, когда он возвращался назад через столовую, Орест как раз в это время прикладывался к графинчику в буфете. Усмотрев, что Беспалов забыл его запереть, он воспользовался тем, что титулярный советник укрылся на кухне. Выпив, Орест щелкнул языком и остановил Андрея Львовича.

— Почтеннейший меценат, а со мной вам не угодно будет поговорить? — спросил он.

— Нет! — удивился Сулима. — Мне с вами вовсе не нужно говорить.

— В таком случае, виноват-с... я думал, что вы со всеми нами, по очереди. Без различия пола и возраста. . А вы пожелали иметь беседу только с аристократами этих палестин! Уважаю ваше желание по законам гостеприимства!

И Орест простер свою любезность до того, что не только проводил гостя до передней, но и подал ему там, правда, вместо его шинели истерзанный и уже обтрепанный плащ, когда-то бывший у Саши Николаича.

Когда Сулима разглядел в полутьме, в чем тут дело, Орест уже удалился, предоставив ему самому освободиться от плаща и найти свою шинель.

Маня была настолько озабочена, что даже не сделала ему замечания за эту выходку.

Глава XXXVI

В течение всего дня Саша Николаич искал случая переговорить с Маней и даже прямо сказал ей об этом, но она сделала вид, что не слышит. И только вечером, когда титулярный советник ушел спать, у Саши Николаича появилась возможность остаться с Маней, которая стала раскладывать пасьянс на большом столе в столовой.

В последнее время она совсем не занималась шитьем.

Орест по обыкновению подошел, протянул руку и произнес:

— Такса!

— Да ведь я вчера вам дал пять рублей! — сказал Саша Николаич.

— Ну, так что же? — переспросил Орест.

Дело в том, что вчера у него не нашлось меньше пятирублевой бумажки и он доверил ее Оресту, чтобы разменять, причем тот дал ему честное слово, что разменяет.

— Ну так где же сдача? — в тон ему спросил Саша Николаич.

— Какая?

— Да ведь вы же взяли пять рублей, чтобы разменять и дали в том честное слово?

Орест трагически поднял руку кверху и воскликнул:

— Клянусь честью Беспаловых, что я разменял!

— А потом?

— А потом истратил. И исполнил свое слово: разменял, а затем чтобы не тратить я не давал обещания!

Против такой логики возразить было нечего; Саша Николаич дал ему полтинник и Орест ушел.

Маня продолжала внимательно раскладывать пасьянс, как будто всецело отдавшись этому занятию.

Оставшись с нею наедине, Саша Николаич придвинулся ближе и сейчас же заговорил:

— Вы знаете, теперь моя участь определена!.. Сегодня мне этот господин Сулима сообщил, что я стал собственником небольшого поместья в Голландии, что мне надо только отправиться туда для исполнения последних формальностей по вводу во владение.

Маня осталась совершенно равнодушной.

Она спокойно раскладывала карты, стараясь хитрой комбинацией добыть заложенную королею двойку пик.

— Конечно, это не богатство! — продолжал Саша Николаич. — Но это все-таки достаток, хотя и очень маленький и скромный. Но больше я и не желаю!.. Я так теперь счастлив!

Маня подняла на него свой взор.

— Этим маленьким достатком? — удивленно спросила она.

— Нет, главным образом, не им, а тем, что я встретился с вами!

Саша Николаич решил сегодня объяснить-ся с Маней, но, несмотря на твердость этого решения, испугался только что сказанной фразы. Как всем влюбленным, ему казалось дерзостью говорить так; но раз уж у него вырвались эти слова, непосредственно относящиеся к его чувству, он, словно кинувшийся в воду человек, был подхвачен течением, против которого бороться не было никаких сил.

И его речь полилась торопливо и быстро, и не совсем связно, потому что сердце забилося и голова пошла кругом.

Эти счастливые минуты первого объясне-

ния в любви, мучительно сладкие, он переживал теперь полностью.

— Марья Власьевна! — говорил он. — С тех пор как я вас увидел, я понял, что такое жизнь и счастье. Я с детства не видел возле себя любящих людей, я не знал ни отца ни матери, и родных не было у меня, но судьба дала мне возможность встретиться с вами, и мы, я думаю, достаточно узнали друг друга.

Ему казалось, что он подбирает совсем новые, никем еще не сказанные слова. А между тем эти слова были самыми обыкновенными, которые все влюбленные говорят любимым, выражая свои чувства, уверенные, однако, что никто до них не говорил ничего подобного.

— Но, позвольте, Александр Николаевич! — довольно холодно остановила его Маня. — Насколько я понимаю, вы меня удостаиваете чести, делая мне формальное предложение?!

«Ах, зачем она так говорит: «делаете честь» и «формальное предложение!» — с искренней душевной болью подумал Саша Николаич.

— Я не знаю... и с ума схожу... — начал было он, тут вся моя жизнь...

Но Маня опять перебила его, сказав:

— В таком деле, Александр Николаевич, где решается жизнь, нельзя сходить с ума, а надо, напротив, постараться воспользоваться всеми своими умственными способностями.

— Вы шутите?.. Скажите, что вы шутите!.. — воскликнул Саша Николаич.

— Нисколечко! — спокойно возразила Маня. — Что же вы хотите, чтобы мы с вами поехали в ваше скромное поместье?

— Вот это вы хорошо сказали! — восторженно воскликнул Саша Николаич. — «Чтобы мы поехали вместе!».

— А дальше?

— А дальше, — зашепшил Саша Николаич, — трудовая честная жизнь рука об руку навсегда с любимой женой и с любящим мужем, верным и обожающим вас, для вас... Вы любите труд и привыкли к нему...

— Нет! — воскликнула Маня, откинувшись к спинке стула и смешивая карты. — Я не привыкла к тому, что вы называете «трудом», и ненавижу его!

— Это неправда! Не клеветайте на себя! — вскрикнул Саша Николаич.

А Маня прежним, спокойным тоном продолжала:

— Неужели вы не могли меня распознать до сих пор?.. Я не способна на прозябанье в бедной захолустной заграничной деревеньке; мне надо совсем другое!

— Но ведь это же не прозябание, а жизнь, полная любви... — попытался возразить Саша Николаич.

— Полноте, какая тут любовь! Если чуть ли не самой приходится стирать белье и не знаешь сегодня, будешь ли сыт завтра!.. Нет, довольно мне такой жизни! Понимаете ли, я хочу роскоши, я хочу удовольствий и имею на это право, а вы меня хотите прельстить вашей деревенькой! — горячо произнесла Маня.

— Да не деревенькой! — почти крикнул Саша Николаич. — Я вам говорю о любви... Неужели вечера, проведенные со мною, прошли для вас бесследно и в вас нет ни капли чувства?

— У меня жена лесника не согласилась бы жить в захолустье! — раздался из угла мрач-

ный голос Виталия, о присутствии которого забыл Саша Николаич. Он вздрогнул и испытал ощущение, как будто вдруг с недостигаемой высоты, на которой ему мелькнула возможность блаженства, его грубо кинули на землю. Его обдало суровым холодом. Он вскочил и обернулся к слепому, с трудом переводя дыхание.

— Ваши глупости тут неуместны... тут решается жизнь... — прерывающимся голосом произнес он.

— Она уже решилась! — вздохнув, сказал Виталий. — Маня не такова, чтобы пойти за вас!

— Вы слышите? — проговорила Маня. — Вот и он понимает всю нелепость вашей затеи.

Саша Николаич не верил собственным ушам. Такого положительного, прямого и безжалостного отказа он не ожидал. Как? Он всю душу готов положить за Маню, а она называет это какой-то «затеей»?

— Да ведь это бессердечно... жестоко! — почти со слезами выговорил он. — Так надругаться над лучшими чистыми чувствами че-

ловека... я не ожидал от вас, Марья Власьевна!

И только что волновавшее его чувство страстной любви сменилось бешенством оскорбленного незаслуженным образом самолюбия.

Отношение к нему Мани было для него именно оскорблением.

— Только такая, как вы... — заговорил он, не помня себя.

Маня вдруг встала и выпрямилась, сказав:

— Вы, кажется, начинаете забываться?

— Я, Марья Власьевна...

— Не называйте меня Марьей Власьевной! — гордо произнесла девушка. — Я — графиня Мария Сергеевна Савищева, дочь покойного графа Сергея Константиновича...

«Она с ума сошла!» — мелькнуло у Саши Николаича, и он сам посмотрел на нее безумными глазами.

— Не думайте, что я рехнулась! — с усмешкой произнесла Маня. — Завтра вы увидите подтверждение моим словам.

— Завтра? — изумленно произнес Саша Николаич.

— Да, завтра я переезжаю отсюда к моему попечителю.

— А кто ваш попечитель?

— Андрей Львович Сулима, которого вы видели сегодня! — воскликнула Маня и, повернувшись, ушла в свою комнатку.

Глава XXXVII

Саша Николаич не спал всю ночь. Самые разнообразные, жестокие сомнения терзали его.

Для него не было дружбы, потому что его единственный друг безжалостно изменил ему, и не было любви, потому что любимая девушка еще безжалостнее обошлась с ним.

Еще недавно он, размягченный своей любовью, испытывал ко всем людям радостно-братские чувства, а теперь презирал их коварство и ненавидел все человечество, а это человечество сливалось для него, разумеется, в один образ Мани, которую он презирал и ненавидел больше всех.

Им пренебрегли, его не оценили и не стоило жить среди этих неблагодарных.

На другой день утром Маня уехала. Саша Николаич видел в окно, как она села в присланную за нею щегольскую карету.

Из дома Беспалова она увезла только свои документы, которые потребовала так неожиданно и с такой стремительностью, что титулярный советник был ошеломлен и отдал ей

бумаги беспрекословно. Они у него были все в порядке, но хранил он их в величайшей тайне, по робости своей боясь открыть Мане ее происхождение, чтобы не вышло какой-нибудь истории.

Но Маня сама узнала обо всем. Беспалов трусил и проводил ее до крыльца, куда вышел, несмотря на непогоду, простоволосый, в халате и с трубкой.

— Так вы уж, если что, извините, Мария Сергеевна, — говорил он, приседая и разводя руками. — Теперь вы, конечно, того... но я всегда обходился с вами...

Он хотел сказать, «как с родной дочерью», но нашел это неуместным и замялся.

— Не поминайте лихом! — закончил он свою речь. — Дай вам Бог всего хорошего, и позвольте на прощание благословить вас старику!

Но Маня благословить себя не позволила, а прошла мимо него, села в карету, захлопнула дверцу и крикнула кучеру:

— Пошел!

Саша Николаич стоял у окна со сжатыми кулаками и нервная дрожь била его. Одному

ему больше оставаться было не в состоянии и он пошел к Беспаловым, чтобы все равно хоть им высказать все, что накипело у него на душе.

Титулярный советник, распустив полы халата, безмолвно стоял посреди столовой, понурив голову. Орест лежал на диване, а Виталий сидел в углу, вытянувшись и положив худые, как плети, руки на колени, наподобие египетских статуй.

— Как же это так?.. уехала и даже не простилась... бросила меня тут... одного... а я ли не служил ей? Ведь, бывало, часами простаивал на улице, когда она оставляла меня... и не жаловался... не выдавал... что она не со мной была, а уходила куда-то одна... — говорил он ровным, тихим, без всяких ударений и от того особенно жутким голосом, а из его открытых слепых глаз одна за другой катились слезы.

Саше Николаичу, возненавидевшему в течение бессонной ночи весь мир, стало сейчас же жаль его. Ему захотелось что-нибудь сделать или сказать Виталию, но он словно поглупел и не находил слов.

Орест мрачно поднялся с дивана, подошел,

щуря глаза, по прямой, самой короткой линии к Саше Николаичу и хлопнул его по плечу:

— Знаете что, гидальго?! одно только средство: пойдём, сыграем на бильярде!

Саша Николаич отстранился от него. Орест поджал губы, вывернул ладонь и потряхнул ею:

— Тогда, — выдохнул он, — в память прошлого, позвольте двугривенный!

— Оставьте меня!.. Оставьте меня! — произнес, сам чуть не плача, Саша Николаич и направился к Виталию.

— Я полагал, — ядовито заметил ему вслед Орест, — что вы не из-за одного интереса делились со мной до сих пор, а вы, оказывается, интересант!

Он нахлобучил свой картуз и, как бы всем назло, ушел: «Пропадайте вы, дескать, тут без меня!»

Первым его влечением было идти в трактир, но, по слишком раннему времени, там нельзя было найти подходящего партнера, которого можно было бы обыгрывать наверняка, а прохлаждаться на собственный кошт у Ореста не хватало средств.

Он остановился на улице и задумался. Дело выходило для него совсем дрянь.

Он не только уже успел привыкнуть ежедневно получать ренту в размере полтинника, но размах у него развернулся и шире благодаря деньгам, полученным от графа Савищева и Мани.

Теперь нельзя было не только рассчитывать на эти деньги, но даже полтинники Саша Николаича, с отъездом Мани, «улыбнулись» ему навсегда...

«Как же так?.. — недоумевал он. — Ведь существовал же я как-то прежде?»

Он до того втянулся в свою широкую жизнь последнего времени, что ему казалось, что так было всегда, и он забыл о том, как существовал прежде.

Он тщательно пошарил во всех карманах, не застряла ли там случайно какая-нибудь монетка, но больше сделал это для очистки совести, потому что подобный осмотр карманов был им сегодня произведен уже несколько раз и не было найдено ничего.

«Остается только один француз! — решил Орест. — Авось, из него что-нибудь выйдет!»

И он зашагал по направлению к гостинице, с целью добиться там у слуг во что бы то ни стало сведений о том, куда переехал этот француз.

Но добиваться Оресту ничего не пришлось. Оказалось, что француз вчера вечером снова вернулся в гостиницу и теперь был тут.

— Что же это?.. Разве так поступают? — с места подступил он к французу, заранее припомнив все французские словечки, какие ему были нужны. — О, разве так поступают, дорогой господин?.. Я произвожу в вашу пользу известные расходы, вы обязуетесь возместить их мне, а сами, извольте видеть, скрылись, и моя поездка в Петергоф остается неоплаченной!

— Ах, извините! — совсем сконфузился, вспомнив его, француз. — Ведь мы с вами, действительно, условились и я вам обещал заплатить, если даже ваш Александр Николаев окажется ненастоящим...

— Ну, вот видите! — произнес Орест.

— Так сколько я вам должен? — спросил француз.

«А шут его знает! — подумал Орест. —

Сколько стоит проехать в Петергоф, а он ведь туда никогда не ездил».

— Три рубля! — сказал он наобум. — Нынче лошади дороги!

— Неужели? — удивился француз, — А с меня так взяли пятнадцать рублей за коляску и говорили, что это еще дешево!

«Дурак!» — мысленно обругал себя Орест и счел все-таки своим долгом пояснить:

— Это с вас взяли как с иностранца!

— Я вам плачу, — сказал француз, развернув и передавая ему три рубля. — Но должен заявить вам, что ваш Александр Николаев ненастоящий, настоящего я нашел.

— Как, мой Александр Николаев ненастоящий? — обиделся Орест, раздосадованный, что дал маху в цене на лошадей. — Как мой Александр Николаев не настоящий? Я что — шулер, что ли, и буду вам подсовывать ненастоящего, поддельного Александра Николаева?.. Нет, слово Ореста Беспалова: мой Александр Николаев — самый настоящий.

— Не спорьте, мой дорогой друг! — остановил его француз. — Я нашел настоящего Александра Николаева почти чудесным образом.

Представьте себе, что на другой день после того, как мы тогда с вами встретились в кафе, является ко мне сюда вечером в гостиницу некий господин Кювье и вдруг начинает рассказывать мне подробно: зачем я сюда приехал, как и почему; все отношения, все ему было известно, так что я сразу же увидел, что он вполне точно осведомлен в деле. Я развожу руками и удивляюсь, а он мне говорит, что принадлежит к тайному мистическому обществу, и тогда я все понял, о, вы знаете, эти тайные общества могут все и обладают такими знаниями, как сверхчеловеки! Оказалось, что господин Кювье принадлежит к секретному союзу, покровительствующему обездоленным. И вот он с помощью чисто волшебных чар узнал, что я в Петербурге, узнал, зачем я приехал сюда. Ему об этом сообщил дух, и он пришел ко мне, чтобы указать, где я могу найти Александра Николаева. И вы знаете, он оказался очень любезным, этот господин Кювье: он сейчас же предложил мне отправиться к нему и там мы вместе получили указания духа, где нам найти Александра Николаева! Это было что-то сверхъестественное: стол

вертелся и выстукивал буквы. Мы с первого же раза так подружились с господином Кювье (я сейчас же увидел, какой это человек и оценил его), что я переехал к нему и, действительно, мы нашли Александра Николаева. Но только вот вчера господин Кювье должен был уехать, и я снова перебрался сюда. А господин Кювье так торопился, что не сказал мне, куда пропал и Александр Николаев, которого мы нашли и который исчез столь же неожиданно! Я думаю, что это влияние темных сил, с которыми надо бороться, но не знаю, как быть.

— Все это вздор! — заявил Орест, успевший соскучиться за длинным рассказом француза. — И мистика эта, и духи — все это вздор! Пусть они попробуют бильярд перевернуть, вот тогда я поверю, а столы... все это пустяки! И ваш дух вам наврал, потому что мой Александр Николаев — самый настоящий и доказательством тому служит, что он получил наследство, как раз от неизвестного ему отца, о чем приезжал ему сказать важный господин в карете!

— Позвольте, какое наследство? — спросил

француз.

— В Голландии где-то, небольшая мыза.

— Небольшая мыза... в Голландии... — повторил француз, — да, это именно так! Во всяком случае, я желал бы видеть вашего Александра Николаева!

— Но для этого мне опять придется съездить в Петергоф, — проговорил Орест, хватаясь за случай вознаградить себя за сделанный промах.

— Отлично, так поедемте вместе! — предложил француз.

«Опять глупо!» — подумал Орест и попробовал сказать:

— Нет, зачем же вам беспокоиться?

— Нет, напротив, отчего же? Мне ведь хочется поскорее увидеть...

— Тогда уж поедемте завтра! — согласился Орест, рассчитывая, что на сегодня ему трех рублей хватит, а до завтра еще далеко, и если ничего нельзя будет выдумать, то просто пустить завтра этого француза побоку.

— Отчего же не сегодня? — осведомился француз.

— Сегодня у меня дела!.. я тоже, — вдруг

бухнул Орест, — принадлежу к тайному обществу. Вы не смотрите поэтому, что я так одет... вы меня можете встретить где-нибудь в салоне в совершенно ином костюме!

И, чтобы не завратиться окончательно, Орест поспешил распротиться со словоохотливым и добродушно-назойливым французом.

Глава XXXVIII

Так и не нашел что сказать Саша Николаич в утешение Виталию. Сердце у него самого разрывалось на части и сам он находился в таком состоянии, что не мог даже говорить ничего, а мог только, как думал он, действовать.

Он решительно надел шляпу и шинель и вышел из дома, чтобы более туда не возвращаться, так как жизнь ему опостылела.

Он вышел на крыльцо. В это же самое время подъехал экипаж с придворным лакеем. В нем сидела Наденька Заозерская, которую Саша Николаич тотчас узнал.

Она тоже узнала его, и вдруг лицо ее прояснилось, и она из дурнушки сделалась прехорошенькой.

— Александр Николаевич, вы?! — окликнула она Сашу Николаича, и ему не оставалось ничего иного, как, приподняв шляпу, подойти к ней, потому что не обратить внимания на нее было невежливо.

Привитая с детства воспитанность взяла в эту минуту верх над всеми чувствами Алек-

сандра Николаича, и он быстро сошел со ступеней и приблизился к экипажу.

— Как рада вас видеть! — сказала Наденька. — Какими судьбами вы тут?

И она так ласково и, действительно, радостно поглядела на него, что самый черствый человек умилился бы ее взглядом.

— Я здесь живу, в этом доме! — нарочито подчеркнул Саша Николаич. — А вы какими судьбами приехали сюда?

— Вы тут живете? Бедный! — с откровенным сожалением протянула Наденька, взглянув на убогий дом. — Я слышала, с вами приключилось горе, я имела о вас известие от Дабича. Но неужели вы совсем бросили выезжать?

— Бросил, Надежда Сергеевна... я все бросил!

— Ах, не говорите так!.. ради Бога, не говорите так!.. Никогда не нужно отчаиваться! Поверьте, что есть на свете и добрые и хорошие люди!

— Их нет, Надежда Сергеевна!

— Есть, и вы, испытав горе, напрасно пренебрегли людьми! Это — гордость!

— Не я, а они пренебрегли мной, — возразил Саша Николаич. — Меня никто не хотел и не хочет знать...

— Напрасно, тут вы ошибаетесь. Ах, как бы я хотела поговорить с вами и разубедить вас! Приезжайте к графине Савицовой!

— Я не бываю там и не желаю быть!

— Да! Вы поссорились с ее сыном, я забыла, тогда приезжайте...

Наденька остановилась. Она не знала, что сказать. К себе, то есть к тетке, она пригласить не могла, потому что ее тетка совсем не принимала молодых людей и у нее бывал только небольшой кружок ее старых друзей, преимущественно придворных.

— Вот что, — сообразила Заозерская, — завтра устраивается пикник в Петергофе. Я там буду. Завтра последний день бьют фонтаны. Приезжайте! Встретимся в Монплезире. Мы все будем там и поговорим...

Саша Николаич горько улыбнулся. Он произнес:

— Благодарю вас, Надежда Сергеевна! Но кто знает, что завтра случится!

Наденька внимательно взглянула на него.

— Послушайте! — воскликнула она. — Вы чем-то растревожены сегодня сильно! Вы сами не похожи на себя. Вы бледны, ваше горе тяжело вам. Дайте мне слово, честное слово, что завтра приедете в Петергоф!

— Хорошо, я приеду! — сказал Саша Николаич, чтобы только закончить разговор.

— Приезжайте и вы увидите, что вам станет легче!

— Разве вы слово такое знаете? — спросил Николаев.

— Не одно — много слов, — ответила Наденька. — Поговорим. Надо верить. В этом доме должна жить портниха, воспитанница чиновника Беспалова. Мне нужно ее видеть.

У Саши Николаича невольно вырвалось:

— Зачем?

— Ах, мой Бог! Зачем бывает нужна портниха? Чтобы заказать ей туалет. Мне ее рекомендовала графиня Савищева.

У Наденьки не было средств шить себе наряды у дорогих портних и она поэтому должна была заказывать у дешевых и очень обрадовалась, когда Анна Петровна указала ей на воспитанницу чиновника Беспалова, которая

умела шить великолепно.

Позвать к себе дешевую портниху Наденька не могла, потому что тетка одобряла и позволяла надевать на себя только платья, вышедшие из мастерской с фирмой. Наденька пускалась на хитрость и выдавала совсем дешевые платья за дорогие. Тогда тетка не входила в дальнейшие подробности и успокаивалась. Но Наденьке приходилось потихоньку от нее ездить по дешевым портнихам, и вот именно поэтому же приехала она и к дому Беспалова.

— Портнихи здесь больше нет, — сказал Саша Николаич. — Она уехала.

— И вы не знаете куда? — спросила Наденька.

— Не знаю.

— Жаль! Простите, что я вас заняла такими пустяками... Так до завтра! — кивнула она Саше Николаичу, прощаясь с ним.

Экипаж удалился, и Саша Николаич почувствовал, что его настроение как-то сразу же изменилось.

«Ведь вот, однако же, говорили обо мне, вспоминали! — раздумывал он, шагая по ули-

це в распахнутой шинели. — Но все-таки она ошибается! И людей добрых нет на свете, и ничего она не может мне сказать утешительного... И никто не может!»

Он долго шел. Ходьба его утомила и не то успокоила, не то развлекла.

Был час завтрака и Николаев почувствовал голод. Бессонная ночь и физическое утомление давали о себе знать! И вдруг Саша Николаич совершенно случайно набрел на знакомый ресторан.

«Зайти разве в последний раз?» — мелькнуло у него.

По жилам его разлилась теплота, а вместе с нею явились и новые мысли.

Уж будто бы в самом деле все так уж и скверно?

В сущности, что такое эта Маня? Портниха, простая портниха, которой Наденька Заозерская хотела заказать платье, и больше ничего....

Положим, эта портниха пренебрегла им, Сашей Николаичем; но, как знать, может быть, ей придется горько раскаяться в этом! Положим, эта портниха будто бы оказалась

графиней Савищевой, но правда ли это?.. А если и правда, то кто же ее отец? Разжалованный за государственную измену преступник!.. Нечего сказать — почетное звание! А яблоко от яблони недалеко катится! Вот и она такая. Вся в отца!..

Но разве у всех отцы — государственные изменники? Разве в самом деле все похоже на нее? Вот хотя бы та же Наденька Заозерская, та совсем другая...

Что, однако, может сказать эта Наденька нового? А между тем она так настойчиво хотела поговорить с ним, и глаза ее блестели при этом...

А, право, она похорошела!..

Саша Николаич допил вино и, в конце концов, по дороге из ресторана заехал на ямской двор и заказал себе на завтра лошадей в Петергоф.

Глава XXXIX

— О пяти колесница у двери нашего обита-
лица! — возвестил наутро Орест, уви-
дев ямскую тройку у подъезда. — Старожилы
этих мест не помнят раньше у нас такого дви-
жения...

Он вчера на три рубля, полученные от
француза, не мог выпить до полного удовле-
творения, не был пьян вдребезги, а поэтому
встал сегодня рано.

Однако титулярный советник Беспалов
вернулся уже с рынка, куда всегда сам путе-
ствовал с кулечком. И при Мане эта обя-
занность лежала на нем, а теперь без нее он
все хозяйство взял в свои руки.

Орест, умываясь из ковша на кухне, заме-
тил, что из кулечка торчала бутылка с вод-
кой, предназначенная для пополнения храни-
мого под ключом графинчика в буфете. Он по
опыту знал, что взывать к милосердию титу-
лярного советника по поводу заветного на-
питка — напрасное занятие, и решил «сти-
лиснуть» из кулечка бутылку...

Его натура требовала хотя бы глотка для

опохмеления, чтобы получить полную ясность мыслей. А ясность мыслей ему была необходима для разговора с Сашей Николаичем...

Орест улучил минуту, когда, кроме кота, на кухне никого не было, на цыпочках подкрался к кулечку и унес под полою водку. Сделав три размашистых шага по коридору, он очутился за шкафом, где находилось его «логовище», подкрепился и проследовал через столовую, где наткнулся на Беспалова.

— Ведь ты у меня, подлец, водку спер! — упрекнул его титулярный советник, зная, что раз бутылка попала к Оресту, то ее больше не видеть никому.

— Какие выражения, отец! — оскорбился Орест. Беспалов сейчас же струсил.

— Ты к жильцу? — спросил он, меняя разговор.

— К нему.

— Он уезжает?

— Кто вам сказал?

— А зачем эта тройка?

— А вот мы и выясним!

— Ты только смотри, Орест, деликатнее!

— Неужто вы во мне сомневаетесь? К тому же я теперь, как член тайного общества...

— Какого еще общества?

— А шут его знает. Я вчера себя произвел в члены тайного общества. Нынче это в моде...

Титулярный советник взялся за остатки волос на висках, покачал головой, но ничего не ответил.

Орест застал Сашу Николаича за разглядыванием изношенного и вконец испорченного плаща.

— Нет, невозможно! — сказал он, как бы только что убедившись в этом.

— Вздор! — хрипло перебил его Орест. — Все возможно на свете, ежели даже я могу существовать в свое удовольствие.

— Как вы испортили его! — сказал с сожалением Саша Николаич, показывая ему плащ.

— Но позвольте, гидальго! Ведь вопрос о плаще уже был дебатирован и вполне исчерпан! Что же вы обращаетесь к прошлому? Станем теперь жить будущим... Вы, собственно, зачем потревожили прах этого плаща?

— Я хотел его надеть сегодня! Кажется, день будет солнечный, да вот нельзя!

— Но, судя, по дорожному приспособлению, стоящему у вестибюля нашего палаццо, вы собираетесь в дальнюю экскурсию? А в ней ваша шинель будет выглядеть гораздо полезнее. Вы, собственно, куда направляетесь?

— В Петергоф.

— Что вы сказали, гидальго?.. Нет, повторите, что вы сказали, как выражалась Мария Антуанетта?

— В Петергоф! — повторил Саша Николаич. Орест сел, раскинул руки и так оттопырил нижнюю губу, что его растрепанные усы встали ежом.

— Гидальго, я начинаю верить, я поистине член тайного общества и получил мистическое посвящение.

— Что вы городите? Вы уже с утра... — покачав головой, сказал Николаев.

— Хотя я и выпил, правда, — рассудительно возразил Орест, — но вы не думайте, что это я спьяна! Ведь сами факты говорят, что если вы сегодня едете в Петергоф, то я имел вдохновение!

Он поднялся, встал в театральную позу и

трагическим шепотом произнес, как в то время делали на сцене:

— Вы узнаете сегодня, кто был вашим отцом!.. Вы когда вернетесь из Петергофа?

— Вероятно, вечером.

— Определите приблизительно час, когда вы на обратном пути будете проезжать мимо Красного кабачка?.. Слово Ореста Беспалова, это очень важно!

— Да вы это серьезно говорите или, по обыкновению, несете чушь?..

— Вам нужны, джентльмен, доказательства, что я говорю правду, хотя я потерял доверие у людей вашего круга? Я вам докажу сейчас! — воскликнул Орест. — Вы мне вчера двугривенного не дали?

Сашу Николаича и рассердил и рассмешил такой поворот в теме Ореста.

— Если вы все это из-за двугривенного, то возьмите его и оставьте меня! — сказал он.

— Позвольте тогда сорок копеек! — как бы вскользь упомянул Орест: — За вчерашнее и за сегодняшнее!.. Но я совсем не к тому, — продолжал он, взяв деньги. — Я вам говорю, что вы мне не дали двугривенного, а пьян я

вчера был... Что из этого следует, гидальго? Вы молчите, недоумевая?! Из этого следует, что я получил вчера деньги... А откуда? От того человека, который желал увидиться с вами и с которого я взял некую мзду за устройство вашего знакомства... Надеюсь, это убедительно?

— Но почему мы должны свидеться в Красном кабачке, а вы не приведете сюда этого человека завтра? — задал вопрос Саша Николаич.

— Это моя тайна, милорд, как пишется в английских романах. Мне даже жаль, что Красный кабачок не носит названия «Таверна золотого осла» или нечто в этом роде... Итак, когда вас ждать?

— Часов около девяти.

— Превосходно. Значит, в девять часов в «Таверне золотого осла», то бишь в Красном кабачке. А теперь надевайте вашу шинель и айда в Петергоф.

Он проводил Сашу Николаича и остановился в некотором сомнении, заключавшемся в том, выдержит ли он до девяти часов или нет, чтобы не напиться? Соблазн был велик;

ему предстояло еще получить с француза за новую мнимую поездку в Петергоф.

Глава XL

Коляска мягко катила по дороге, приятно ухачивая Сашу Николаича.

Свежий осенний воздух овевал ему лицо, и он, давно не бывавший в поле, чувствовал, как легко тут дышится и как хорошо тут посреди простора.

Ямщик подхлестывал коней, они дружно бежали, и Саша Николаич без остановки доехал до Петергофа.

Он на всякий случай позавтракал, заказав себе яичницу на почтовой станции, и пошел в Монплеzir, где нашел компанию пикника, явившуюся в Петергоф на яхте.

Тут был Лека Дабич, шумно приветствовавший его, и благодаря этому приветствию остальные тоже встретили Сашу очень радушно.

Попав в беззаботную, веселую среду своего прежнего общества, Саша Николаич сейчас же вошел в него, как рука в перчатку, вспомнил старое и у него явилась, как реакция, даже слегка нервная веселость.

Как-то само собой вышло, что он все время

был возле Наденьки Заозерской, но серьезной беседы они никакой между собой не вели, потому что все время шел общий веселый разговор...

Обедали на яхте, и день прошел так отлично, что, расставаясь, Саша Николаич, сам не зная почему, шепнул Наденьке:

— Благодарю вас!

Он возвращался домой в своей коляске, в настроении, совсем не похожем на то, которое испытывал вчера. Правда, с миром и человечеством он примирился, по все же должен был сознаться, что, право, жить можно, в особенности, если существуют на свете такие веселые пикники, как сегодняшней.

Около девяти часов Саша Николаич подъезжал к Красному кабачку и тут только вспомнил, что Орест Беспалов говорил ему сегодня утром что-то относительно этого кабачка.

Красный кабачок на Петергофской дороге был в то время местом довольно изысканным: туда, главным образом, зимой ездили на тройках кутящие компании. Тут были цыгане и можно было недурно поесть и выпить.

«А в самом деле, не заехать ли?» — сказал себе Саша Николаич и велел ямщику завернуть.

Сашу Николаича в Красном кабачке знали и, как только он вошел, ему доложили, что в отдельном кабинете его ждет француз со своим переводчиком.

«Значит, этот Орест не солгал!» — удивился Саша Николаич и пошел в кабинет, где, к большому своему удивлению, в качестве переводчика при довольно почтенном на вид французе увидел самого Ореста.

Беспалов и тут лежал на диване. Француза он уверил, что в России так принято.

Француз, как только увидел перед собой Сашу Николаича, так и всплеснул руками и громко воскликнул:

— О-о! Это он! Это он — настоящий Александр Никола... Дух господина Кювье ошибся, потому что вот он, настоящий! Для меня не может быть никакого сомнения... Вы так похожи на своего покойного отца!

И он протянул обе руки к Саше Николаичу. Тот оторопел в первую минуту, в первый раз в жизни увидев человека, который говорил

ему об отце.

— Вы из Петергофа? — спросил его француз.

— Да, как видите.

— О-о! Значит, тогда господин Орест не обманул меня, а я уж сомневался в нем... Большой оригинал — этот господин Орест...

«Большой оригинал» в это время спустил ноги с дивана и проговорил по-французски:

— Ну, вероятно, вы станете говорить о своих семейных пустяках. Мне это неинтересно. Я лучше пойду вниз, в бильярдную...

— Вы владеете французским языком? — спросил Саша Николаич, услышав произнесенные Орестом слова, не зная уже, чему больше удивляться.

— Отчего же нет, гидальго? — ответил ему по-русски Орест. — Если вы считаете французский язык у нас в России принадлежностью высших классов населения, то запишите себе на память, что я принадлежу к этим классам. Честь имею представить вам француза — месье Тиссонье! Не обижайте его, право же, он премилый француз... А теперь я удаляюсь... Вы меня кликните...

— Так вы знали моего отца? — приступил Саша Николаич к Тиссонье, оставшись с ним наедине.

— О-о! Еще бы! — сейчас же заговорил француз. — Мне ли не знать его?! Я служил пятнадцать лет при нем... пятнадцать долгих лет неотлучно!..

— Значит, вы поступили к нему после моего рождения?

— Да, после. Вы родились в тысяча семьсот восемьдесят шестом году, в Амстердаме — двадцать один год тому назад...

— Но вы можете мне все-таки объяснить загадку, почему он никогда не виделся со мною, хотя и заботился обо мне, посылая деньги, — спросил Саша Николаич.

— И оставил вам все свое состояние! — перебил его француз. — Он любил вас, хотя мог делать это только издалека...

— Но отчего же, отчего?..

— Оттого, что он был католическим духовным лицом. Теперь вы понимаете, что он должен был хранить в величайшей тайне то обстоятельство, что у него есть сын. И эту тайну он открыл только мне, и то лишь перед смер-

тью, а до тех пор я ничего не подозревал... «О, сколько я выстрадал! — сказал он мне умирая. — Сколько нравственной муки я перенес! Сколь часто я желал кинуться в объятия моего дорогого сына!.. Но это было невозможно по моему сану. Признавшись, я должен был бы скомпрометировать не только себя, но и церковь, которой я служил! Я даже не мог держать возле себя сына в качестве воспитанника или наперсника!..»

— Почему же это? — спросил Саша Николаич опять.

— Потому что ваша матушка была русской, православной, вы были крещены по православному обряду священником с русского корабля, и ваша бедная матушка перед смертью взяла с вашего отца клятву, что вы будете воспитаны в правилах православной церкви. Согласитесь, что невозможно было держать при себе православного воспитанника кардиналу католической церкви!

— Мой отец был кардиналом? — изумленно воскликнул Саша Николаич.

— Да, монсеньор кардинал Аджиери!

Саша Николаич замолчал, опустив голову.

Ему нужно было некоторое время, чтобы прийти в себя.

— Ну, а мать, кто она была? — проговорил он наконец.

— Об этом мог бы рассказать вам только ваш воспитатель, которому она поручила вас, — ответил Тиссонье.

— Но он ничего мне не рассказывал...

— И я, к сожалению, не могу, потому что ничего об этом не знаю. Монсеньор Аджиери сказал мне только, что она была русская и взяла с него клятву, что при вас останется только ваш воспитатель, тоже, как она, православный... Монсеньор поручил мне отыскать вас после его смерти в Петербурге и вручить вам его наследство...

— Я уже получил извещение об утверждении духовного завещания, — сказал Саша Николаич.

— На маленькую мызу в Голландии?

— Да, по-видимому, это все, что досталось мне.

— Что вы намерены предпринять?

— Я поеду туда.

— Это вполне совпадает с волей вашего от-

ца. Он умер на этой мызе и наказал мне, чтобы я привез вас туда. Итак, когда же мы едем?

— Когда хотите, меня ничто не держит здесь, — равнодушно ответил Саша Николаич.

— Прекрасно! — воскликнул Тиссонье. — Я приехал в великолепной дорожной карете монсеньора и этот экипаж к вашим услугам, так что вам стоит лишь уложиться и достать заграничный паспорт.

— Укладка у меня небольшая, а заграничный паспорт можно будет достать через неделю.

— И через неделю мы тронемся в путь? — спросил француз.

— Я думаю...

— Все, значит, отлично!.. Теперь мы можем вернуться в Петербург. Где же господин Орест?

Саша Николаич позвал лакея и велел ему кликнуть «переводчика». Лакей исчез и вернулся с улыбающейся физиономией.

— Ну, что же, кликнул? — спросил Саша Николаич.

— Кликал, только они недействитель-

ны! — ответил лакей.

— Как недействительны?

— Лежат плашмя и даже пополам не складываются.

— Упился?

— Окончательно!..

— Так я и думал! — воскликнул Саша Николаич. — Так, когда он завтра протрезвеет, отправь его в Петербург с дилижансом. Вот тебе деньги...

Сделав это распоряжение, Саша Николаич уехал с Тиссонье в своей коляске.

Глава XLI

Графиня Савищева ездила к «князю Алексею», была у фрейлины Пильц фон Пфиль, но ни князь Алексей, ни фрейлина не смогли ничего сделать.

Дело находили невероятным, но именно вследствие его невероятности высокопоставленные лица боялись близко вмешиваться в него, чтобы не испортить собственной репутации.

Анна Петровна, рожденная Дюплон, по своему происхождению не принадлежала к числу родовитых людей и имела связи с петербургским обществом только по мужу. Ее родственников совсем не знали, да их и не было у нее, кроме дедушки Модеста Карловича, который умер давным-давно. Сама же она хранила семейные предания и знала свою родословную, но эта родословная нигде записана не была...

Теперь, когда ее брак оказался расторгнутым, большинство «друзей» от нее отвернулись и вдруг нашли, что в «самом деле» ее происхождение несколько темно.

Кто такие Дюплонны? Откуда они взялись? Никто этого не знал.

Были, правда, и такие, что поначалу принимали участие в Анне Петровне, но потом, узнав, что тут была подделка метрического свидетельства и вообще дело выходило «грязное», отстранялись...

Князь Алексей взялся было довольно ретиво и, благодаря его влиянию, началась строгая «переборка дела», начальствующие желали разобрать все лично и потребовали подробные справки от подчиненных; подчиненные же забегали, засуетились, справки были даны самые подробные, но все оказалось произведенным на самом высоком строгом законном основании.

После этого начальствующим осталось только пожать плечами перед князем Алексеем и сказать, что, к сожалению, ничего нельзя сделать.

Только Наденька Заозерская навещала Анну Петровну, утешала ее, говорила о темных силах и вообще старалась чем только могла помочь бывшей графине.

Сама Анна Петровна не сразу сообразила,

что, собственно, с нею случилось, и не сразу поняла весь ужас своего положения. Ей все еще вокруг казалось миленьким, она еще щебетала, поворачивая направо и налево голову, и все повторяла:

— Да не может этого быть! Ведь это недоумение должно же объясниться!.. Ведь я помню, как мы венчались и я была записана женой графа Савищева!.. Все это, правда, очень скучно и я хотела бы, чтобы вся эта история поскорее кончилась и все стало опять, как было с нами до настоящего времени.

Ее сын Костя смотрел на дело иначе. Для него самым важным казалось не потеря состояния, не горе матери, которая рано или поздно должна была убедиться, что для них все потеряно, а больше всего его мучило то, что он, граф Савищев, перестал быть таковым и сделался просто незаконным сыном. Это он не мог переварить, упорно называл себя графом и готов был отдать все свое состояние, лишь бы ему вернули титул.

В обществе он, по возможности, старался скрыть положение их дела, хотя это было напрасно, потому что все уже знали и говорили

об этом. Но Савищев нарочно продолжал ездить в знакомые дома, ревниво приглядываясь к тому, как с ним прощаются, бывал в клубе и чаще прежнего завтракал там и в своем любимом ресторане.

Раз, за завтраком, Савищев увидел за отдельным столиком сидевших вместе и разговаривавших Леку Дабича и Сашу Николаева. Последний имел довольно беззаботный вид, сидел спиной к Савищеву и не видел его.

— Ну, счастливого пути! — говорил Лека Дабич, чокаясь с Сашей Николаичем, — Значит, завтра ты, счастливец, отправляешься в чужие края?.. Эх, брат, хотел бы я быть на твоём месте!

В сущности, Леке совсем не хотелось никуда уезжать, потому что ему и в Петербурге было хорошо, но так уж было принято говорить каждому, кто уезжал за границу, где все считалось образцовым и великолепным.

«Он едет за границу! — подумал Савищев. — Значит, его обстоятельства поправились!»

И ему показалось особенно обидным и горьким, что какой-то авантюрист Николаев

по-прежнему пользуется благами жизни, а он, граф Савищев, должен терпеть и сносить несправедливый удар судьбы. Случившееся с ним он, конечно, считал несправедливым, ему и в голову не приходило, а было ли справедливym, что его отец нажил на казенных подрядах миллион?

Он не кончил завтрака, бросил салфетку и ушел.

А Саша Николаич, не подозревая, что он оказался новой причиной для досады и без того злобствовавшего на судьбу графа, еще долго сидел с Лекой и, проведя премило время, уехал вместе с ним из ресторана.

Лека довез его домой на своей лошади.

Дома Саше Николаичу нужно было только распорядиться, чтобы перевезли его уже уложенные вещи сегодня же в гостиницу, где он решил переночевать последнюю ночь, с тем чтобы отправиться прямо оттуда с Тиссонье в дальнейшее путешествие.

За вещами должен был приехать комиссионер из гостиницы, в ожидании которого Саша Николаич сидел с записной книжкой и рассчитывал, хватит ли у него денег на доро-

гу. Денег, которые у него были, оказалось вполне достаточно.

Дверь в его комнату скрипнула, отворилась и в ней показалась фигура Ореста.

— Извините, гидальго! — произнес он. — Я вам не помешал?.. А, впрочем, если я и помешал, то не взыщите, потому что у меня к вам дело!

Саша Николаич невольно протянул руку к жилетному карману, думая, что дело опять пойдет о деньгах.

— То есть, вернее, у меня к вам не дело, — продолжал Орест, — а, можно сказать, довольно гнусное предложение.

— Что такое?

— Возьмите меня с собой в чужие края! — брякнул Орест. — Вы погодите, и в обморок не падайте, и не уподобляйте глаз своих подобно мельничным жерновам!.. Предложение мое гнусно, правда, и вы, по всем вероятностям, моим обществом будете гнушаться, но, гидальго, согласитесь, что без вас я тут совершенно пропаду!.. Это резон первый! Второй резон — тот, что во мне два угожья: я пьян, это справедливо, но, вместе с тем, у меня... Вы внима-

тельно следите за нитью моего изложения?.. Я вам могу пригодиться. В моей преданности вы можете не сомневаться до тех пор, пока будете радовать меня некоторыми крохами, а затем, если я вам надоем, можете мне вежливо под спину коленкой, как говорила Мария Антуанетта, сиречь, прогнать меня всегда в вашей власти!

Саша Николаич слушал это с улыбкой.

— Но как я вас возьму? — сказал он, думая, что этим сразу же покончит разговор: — А заграничный паспорт? Как же вы его достанете до завтра?

— Он у меня есть!.. — хлопнул себя по груди Орест и, действительно, достал паспорт из кармана. — Я частного пристава обыграл в трактире на бильярде на значительную сумму и он, известными ему путями, выправил сей документ вместо уплаты долга... Вполне порядочный оказался человек, ибо, по своему общественному положению, мог просто не заплатить. Теперь поймите мои терзания: иметь заграничный паспорт, иметь такого, как вы, гидальго, который может взять меня с собой... и не ехать! Но я поеду, ибо вы сию ми-

нуту согласились взять меня с собой и не отступите от своего слова!

— Позвольте, когда это я соглашался?

— Гидальго, будьте рыцарем, которому увиливать не подобает! Вы только что заявили мне, что «как же я поеду, если у меня нет заграничного паспорта?»

— Ну да, я это сказал!

— Так, значит, вы видели препятствие только в паспорте, а остальное подозревали не только возможным, но и как бы решенным?.. Но мой паспорт — вот он, значит, все обстоит благополучно. А помещусь я на козлах и за это помещение обязуюсь всю дорогу славить Бога! Итак, благодарю вас, гидальго!

Саша Николаич не мог разобрать хорошенько, серьезно ли говорил это Орест или нет, но на другой день, когда он с Тиссонье сел в великолепный дормез, вдруг как из-под земли вырос Орест в картузе и плаще и заявил:

— А вот и я!

— А-а! Господин Орест пришел нас проводить! — улыбнувшись, произнес француз. — Как это мило с вашей стороны!

— Я не провожать вас пришел, я еду с вами! — возразил Орест и влез на козлы.

Саша Николаич махнул рукой и взял его с собой.

Глава XLII

В Крыму, на южном берегу, давно поспел виноград, но стояли еще жаркие, солнечные дни — не то что в Петербурге, на севере, где вмазали уже двойные окна и нельзя было показаться на улицу, не закутавшись и не укрывшись от холодного ветра, гнавшего изморось.

Море, нежно-голубое, ласково стлалось, гладкое, как зеркало, отражая высокую небесную высь с плававшими по ней и таявшими редкими кучевыми облачками... Горы, затейливые, словно нарочно вычурно сделанные для игрушечного пейзажа, спускались в воду, то бледно-желтые, то розово-коричневые, то совсем лиловые вдали. Пересохшая, за лето ставшая серой растительность все-таки была красива и радовала глаз, в особенности там, где вырисовывались кипарисы, словно бы стоящие на страже часовые.

К стоявшему на высоком берегу среди хорошо распланированных сада с бассейном, фонтаном и искусственным водопадом домику подъехала почтовая бричка, запряженная

парой лошадей, и из нее вышел одетый налегке, по-летнему, в соломенной шляпе, Агапит Абрамович Крыжицкий.

В домике заметили прибывшего и на крыльце тотчас же показался широкоплечий бритый татарин, внимательно и не совсем дружелюбно осматривавший его.

— Ты меня не узнаёшь, Ахмет? — спросил тот, стараясь улыбаться как можно приветливее.

— Вот теперь узнал! — не торопясь заявил Ахмет. — наших дома нет.

— Где же они?

— В горы поехали...

— И скоро вернутся?

— Скоро. Пройдите в комнату для гостей!

Крыжицкому, по-видимому, было хорошо известно все расположение тут, потому что он без указаний прошел вперед татарина в предназначенную для приема гостей комнату.

Ахмет следовал за ним с довольно увесистым чемоданом, но нес его без видимых усилий. По его комплекции казалось, он мог бы не только чемодан, весь дом своротить.

— Мыться будете? — спросил он гостя.

— Да, голубчик, пожалуйста! — ответил тот.

Агапит Абрамович помылся, переоделся, заменив свой запыленный дорожный костюм свежим, и вышел в сад. Со стороны крыльца видна была вившаяся по горе между виноградниками дорога. Он закурил сигару и сел на скамейку.

Вышел Ахмет и опустился на ступеньку крыльца, примостившись на ней как-то на корточках, что он, вероятно, нашел для себя удобным.

Истома стояла в жарком, пропитанном солнечными лучами, влажном, пахнущем морем воздухе.

— Экая жара! — лениво протянул Крыжицкий. — Как можно ехать куда-нибудь в такую жару?

Ахмет после долгой паузы сообразовал ответить:

— Они лечить поехали. Тут одна татарка больна...

— Верхом поехали, как всегда?

— Как всегда...

— А ведь это они, — через некоторое время показал Агапит Абрамович на появившихся на дороге двух всадников, быстро приближавшихся на маленьких, шедших скорой иноходью лошадаках.

Один из них, видно, заметил в саду у дома гостя и пустил лошада еще скорее, второй отстал немного. Подъехав к дому и увидев Крыжицкого, он крикнул отставшему по-французски:

— Жанна, скорее! Здесь Крыжицкий из Петербурга!

— Честь имею кланяться, княгиня, — приподнимая шляпу, приветствовал Агапит Абрамович подскакавших всадников, поспешив навстречу, чтобы помочь им слезть с лошади.

Но княгиня быстро и ловко соскочила с седла и кинула поводья.

Она была острижена и одета по-мужски. На ней была широкая и довольно длинная синяя блуза, такие же шаровары и мягкие сафьяновые сапожки.

Спутница, которую она назвала Жанной, как и она, сидела верхом на лошади и была одета точно так же, как и княгиня.

Жанна, соскочив на землю, подошла к Крыжицкому и пожала ему руку.

— Вы привезли новости? — спросила она.

— Да, и очень важные.

— Пойдемте на балкон! Там, верно, накрыт уже завтрак. Я голодна как волк, и вы, вероятно, тоже хотите с дороги есть. За завтраком вы расскажете ваши новости... Не правда ли, княгиня?

— Конечно, — ответила та, — можно соединить приятное с полезным.

— «Необходимое» с полезным, — поправил Крыжицкий, желая быть галантным, — еда — вещь необходимая для человека, хотя, конечно, вместе с тем приятная...

Завтрак был, действительно, накрыт на балконе, с которого открывался вид на голубой морской простор.

— Хорошо тут у вас! — сказал Агапит Абрамович.

— Да, у нас хорошо, — согласилась с ним княгиня.

— Вот что, — сказала Жанна, усаживаясь за стол (она говорила только по-французски) и обращаясь к Крыжицкому. — Мне, главное,

нужно знать одно: хорошие у вас новости или нет?

— Превосходные...

— Тогда мы можем сначала поесть спокойно...но...

И она принялась за поджаристые сверху, внутри же сочные чебуреки, которые были поданы Ахметом на большом серебряном блюде.

Крыжицкий тоже принялся за еду, вкусное татарское кушанье, и стал запивать его отличным вином, сделанным несколько лет тому назад из гроздей окрестных виноградников.

После чебуреков подали фрукты и кофе.

Тогда Жанна закурила маленькую трубку на длинном, тонком чубуке и сказала Агапиту Абрамовичу:

— Ну, теперь рассказывайте!

— Во-первых, — начал Крыжицкий, — дело Николаева закончено.

— Наконец-то! Я получила из Франции сведения, что кардинал Аджиери умер, и удивлялась, что вы там медлите в Петербурге!..

— Мы не медлили. Дело, повторяю, закон-

чено совсем и половина наследства Николаева принадлежит нам.

— Только половина!

— Но ведь таково уж наше обыкновение...

— На этот раз лучше было бы изменить его. Состояние кардинала Аджиери должно принадлежать мне... то есть нам, целиком.

Жанна проговорила это как-то особенно, потянула дым из чубука и выпустила большой клуб дыма. После этого она повернулась к морю и стала смотреть вдаль, как бы силясь овладеть собою.

— Затем у нас сладилось, — продолжал Крыжицкий, — другое дело, это было гениально...

И он стал передавать подробности дела графини Савищевой.

Но Жанна слушала его не особенно внимательно.

— Все это — сравнительные пустяки, — перебила она его.

— Как пустяки?! — воскликнул Агапит Абрамович. — Это миллионы!..

— Пустяки, если вы не сумели получить целиком состояние кардинала!. Нет, положи-

тельно, вы там, в Петербурге, не делаете того, что нужно!..

«Она никогда ничем не довольна!» — подумал Крыжицкий.

— А мы думали, напротив, — произнес он вслух. — Да я не уверен, что за все существование общества едва ли устраивалось два дела сразу...

— За все время! — досадливо перебила Жанна. — А аббат Велла!..

Агапит Абрамович как будто слегка изменился в лице.

— Какой аббат?

— Аббат Джузеппе Велла. Вы не слышали о нем?

— Нет.

— Странно. И о его рукописи тоже ничего не слышали?

— Нет.

— А между тем эта составленная им рукопись дала обществу суммы, перед которыми ваши «миллионы», как вы говорите, — детская забава...

— Расскажите нам это, — проговорила княгиня, наливая себе вторую чашку кофе. — Я

тоже никогда не слышала об аббате Велла. Он был членом общества?

— Да! — сказала Жанна.

— Это интересно. Что же он делал и где действовал? — спросил Крыжицкий.

— Он родом с острова Мальты, — начала Жанна, сперва нехотя, но потом увлекаясь рассказом, — и хорошо знал арабское наречие, на котором там говорят до сих пор. Он объехал берега варварийских владений и привез оттуда якобы найденную им в одной мечети рукопись, состоявшую из отрывков утраченных книг Тита Ливия в арабском переводе.

— А на самом деле она была составлена им! — вставила княгиня.

— Да, она была составлена им, в виде пробы, — продолжала Жанна. — Когда проба удалась и арабский перевод Тита Ливия был принят учеными, аббат отыскал в Палермо другую важную рукопись, в которой заключалось много ценных сведений о временах короля Роджера. К рукописи был приложен перстень с печатью и арабскою надписью, свидетельствовавшими, что они принадлежат это-

му королю. Данные этой рукописи были весьма важны не только в историческом, но и в ином отношении, потому что они уничтожали и изменяли права большей части сицилийских дворян, которые вели свой род со времен короля Роджера. Велла представил королю неаполитанскому обе рукописи и они были изданы за казенный счет в арабском подлиннике, с итальянским переводом аббата. Итальянские ученые были введены в заблуждение и известный Тиксен даже попался на удочку. Книга была издана в 1789 году, и тогда общество сняло обильную жатву с неожиданно запутавшихся в наследственных делах сицилийских дворян. Вот как делают дела!.. Это я понимаю!

— Это очень интересно! — повторила опять княгиня. — Так мистификация и не открылась?

— К сожалению, дело открылось, из-за предательства Ассемани, для которого арабский язык был природным. Немцы приписывают честь опорочения рукописи Велла своему соотечественнику Иосифу Гагеру, который, правда, первый издал по этому поводу бро-

шюру, Велла был заключен в тюрьму, но ему удалось бежать оттуда.

— И он жив еще?

— Этого я не знаю, потому что он, разумеется, должен был скрываться и сумел сделать это так хорошо, что жив он или умер и где он теперь, никому неизвестно.

Глава XLIII

Жанна еще рассказывала, когда на балконе появился Ахмет и проговорил с невозмутимым спокойствием:

— Там приехал какой-то! — и он подал карточку, на которой фиолетовыми буквами было написано с одной стороны по-русски, а с другой — по-французски: «маркиз Кювье».

— Это Фиолетовый! — сказал Агапит Абрамович, узнав издали карточку. — Он, очевидно, был послан вслед за мною. Я не понимаю, что это может значить?

Княгиня тоже переглянулась с Жанной в недоумении и сказала Ахмету:

— Попроси прийти сюда!

Кювье появился весь в пыли прямо с дороги и, несколько смущенный видом своего платья, сейчас же стал оправдываться:

— Я торопился, чтобы догнать Желтого еще на дороге, но мне не удалось сделать это, и вот я нахожу его тут.

— Да в чем дело? — спросил Крыжицкий.

— Вы присланы Белым? — спросила, в свою очередь, Жанна.

— Да! Он послал меня сам с письмом и велел передать на словах.

— Дайте письмо! — сказала Жанна.

Кювье вынул из кармана письмо, запечатанное Белым, и передал его.

Жанна быстро распечатала его, скользнула взглядом по строчкам, и вдруг ее щеки побелели, губы дрогнули и нижняя челюсть затряслась, словно бы в судороге.

— Что с тобой?.. Что с вами?! — в один голос воскликнули княгиня, Агапит Абрамович и Кювье.

Жанна вскочила, топнула ногой и бросила письмо:

— Идиоты!.. Глупцы!.. Маленькие дети! — не своим голосом выкрикивала она, видимо, не находя достаточно обидных названий, которые соответствовали бы степени ее гнева. — Он мне пишет, что по завещанию кардинала Аджиери осталась только маленькая мыза в Голландии, из-за которой не стоило хлопотать, и он, старый осел, прекратил это дело как не стоящее внимания!..

— К сожалению, вышло действительно так! — стал уверять Кювье. — Мыза и вся-то

не стоит затраченных на это дело денег!

Жанна с силой ударила чубуком о перила балкона, так что он разлетелся, и отбросила его прочь. Она была страшна и, вместе с тем, противна в своем бешенстве:

— Не слушают!.. хотят рассуждать сами... Да какое он имеет право бросить дело, порученное ему?.. — задыхаясь, бросала она отдельные слова.

— Но если оно не оправдывает вложенных усилий?.. — попытался было возражать Кювье.

— Молчите!.. — закричала Жанна. — Как так вы не сообразили, откуда же кардинал мог брать деньги, хотя бы для того, чтобы посылать их сыну?

— Но это он мог делать из своих кардинальских доходов, — примирительно произнес Агапит Абрамович.

— Хороши у него были доходы! — не унималась Жанна. — Хороши у него были доходы во время революции!.. А между тем он и тогда жил по-прежнему... У него были деньги... много денег... и он прятал их... спрятал, очевидно, на мызе, и его сын найдет их там. А

эти деньги мои... они принадлежат мне... потому что я выстрадала их!

Она упала на стул, казалось, в обмороке.

Княгиня бросилась к ней и хотела расстегнуть ворот ее блузы, но Жанна отстранила ее руку, встала, собрав последние силы, и отчетливо проговорила:

— Я пойду к себе... соображу... дам вам новые письма... и вы оба, с первым же кораблем, отправитесь — один во Францию, другой в Голландию, и я вам ручаюсь, что для Петербурга найдется другой Белый, более разумный и деятельный, а этого уберут и освободят нас от его глупостей.

И она удалилась с балкона, махнув рукой бросившейся к ней княгине, чтобы та оставила ее в покое. Но княгиня не послушалась и пошла за ней.

Оставшись на балконе с Агапитом Абрамовичем, Кювье сначала подошел к нему и едва слышно прошептал:

— Как же быть теперь?

Крыжицкий, облокотившись на перила балкона, смотрел на море, но, занятый своими мыслями, не любовался его красотой, а со-

ображал и потому ответил не сразу.

— То есть что значит, «как быть»? — произнес он.

На что Кювье ответил:

— Да ехать ли нам, как она говорит, или может быть это будет слишком поспешно и неосмотрительно с нашей стороны?

— Почему же неосмотрительно? — спросил Крыжицкий.

— Да потому, что достаточно ли она сильна, в самом деле, чтобы сломить и уничтожить Белого?.. А если он надумает отомстить нам за то, что мы ее послушаемся?

В этих словах Кювье сквозила плохо скрываемая робость перед могуществом Белого.

— Мы поедем, — сказал, видимо, уже все обдумав, Крыжицкий, — для того чтобы выяснить и открыть спрятанное состояние Аджиери, и, чтобы сделать это как можно скорее, отправимся отсюда морским путем, как наиболее коротким. Что же касается Белого и его смены, то это дело не наше. Пусть она, — он кивнул в сторону дома, — поступает, как знает... Мы к этому не будем причастны, так не все ли нам равно?

— Но она хочет, чтобы мы передали ее письма! — возразил Кювье.

— Письма ее будут запечатаны и никто не сможет упрекнуть нас, что мы знали их содержание. А отказать члену общества, да еще высшему, в передаче его письма, написанного в главный совет, мы не имеем права!..

— Да, разве что так! — согласился Кювье и вздохнул свободнее.

Глава XLIV

Крыжицкий с Кювье уехали на следующее утро. Жанна торопила их и, когда вручала им свои письма, над которыми просидела целую ночь, у нее вырвалось:

— Эх, кабы я могла только... полетела бы сама!

Ее посланные добрались до Бахчисарая на легкой, но там Крыжицкий должен был снарядить почти целый обоз, захватив с собой турчанку, ожидавшую его.

Эта турчанка, Фатьма, находилась у него под надзором настоящего восточного евнуха, старого и безбородого Магомета с визгливым тонким голосом.

Фатьма с Магометом путешествовали за Крыжицким в особом фургоне.

Таким образом, из Бахчисарая двинулись экипажи Крыжицкого и Кювье, фургон и бричка, везшая их вещи. Они направились в Севастополь.

Легко было Жанне сказать: «отправляйтесь с первым же кораблем!», но на самом деле долго пришлось бы путешественникам

ждать этого корабля в Севастополе, торговля которого была сравнительно мало развита, вследствие чего большие суда заходили сюда редко. Поэтому Крыжицкому пришлось нанять до Константинополя отдельную греческую шхуну и идти на ней.

Этот переход, не совсем безопасный, был сделан благополучно, несмотря на шторм, потрепавший-таки шхуну изрядно.

В Константинополе посланцы Жанны пересели на большой корабль, шедший в Италию.

Крыжицкий в столице турецкой империи не съезжал на берег, но его свита увеличилась здесь еще одним человеком.

Это был матрос — старый турок, который служил на шхуне и которого Крыжицкий почему-то приблизил к себе и взял в свое услужение. Звали его Али и он, вместе со своим новым господином, перебрался со шхуны на корабль.

Али был молчалив, необщителен, но во время шторма в Черном море доказал свою неустрашимость. Он единственный не потерял присутствия духа, ободрял всех и распоря-

жался, заменив собой на деле лишь сохранившегося для видимости свою власть капитана-грека.

Только с Крыжицким Али перекидывался отрывистыми словами по-турецки.

Вообще в течение пути Кювье был удивлен лингвистическими способностями Агапита Абрамовича, который свободно объяснялся с арабами на арабском языке, с турками — по-турецки, с греками — по-гречески, а в Италии без запинки болтал с итальянцами.

В Ливорно Крыжицкий съехал на берег и остался там ночевать.

Была теплая лунная ночь. Кювье показалось слишком душно в каюте, он взял подушку, выбрался на палубу и, поискав удобное местечко, залез в лодку, утвержденную на стойках, решив, что там его никто не побеспокоит.

Однако ему не спалось. Ночь была так хороша, что жаль было засыпать.

Вдруг Кювье услышал где-то близко, на палубе, ясно донесшийся до него шепот сдержанного разговора.

— Мне надо с тобой поговорить, Магомет...

Магомет своим тонким голосом отвечал что-то по-турецки.

— Говори по-русски, — остановила его Фатьма (это, очевидно, была она), не то нас может услышать Али, а я этого не хочу.

— Али все равно говорит и понимает по-русски, да его и нет на корабле, потому что он отправился на берег с господином.

— Все равно, тут есть другие матросы из турок, мне не нужно, чтобы они меня поняли!..

— Ну хорошо! В чем дело, деточка?..

— Берегись, Магомет, этого Али! Я давно хотела тебе сказать, но не могла, потому что господин все время был тут.

— Я всегда берегусь! — отвечал Магомет.

— Но Али берегись особенно!.. он не простой человек для нашего господина и оттого господин взял его собой со шхуны.

— А откуда ты знаешь это?

— Я случайно услышала их разговор ночью на шхуне, после бури! Я лежала в каюте и боялась, что буря налетит опять, и не спала... А они говорили на палубе и я слышала...

— Что же говорили они?

— Али сказал господину, что узнал его по шраму на руке и на шее, и назвал его Симеоном...

— А, он назвал его Симеоном?..

— Да, «вспомни нашу молодость, Симеон!» сказал он. Я хотела спросить тебя, Магомет, сколько же лет господину, если такой старик, как Али, говорит ему «вспомни нашу молодость»?

— А ты думаешь, твой господин молодой?

— Не молодой, но все же не такой старик, как Али!

— Ему пятьдесят три года!

— Неправда!..

— Только он всю жизнь следил за собой и сохранил себя. А жизнь Али, вероятно, была другая, вот он и состарился... А еще что они говорили?

— Али стал грозить, чтобы Симеон упокоил его старость и взял с собой, что ему уже трудно исполнять работу простого матроса под руководством грека. Симеон вначале не соглашался; Али стал его просить, потом стал угрожать...

— Ты не слыхала, чем он грозил? — спро-

сил Магомет.

— Он говорил: «Если ты не возьмешь меня, я не пощажу себя, погибну сам и ты погибнешь со мной».

— И господин испугался?

— Да. Он, который ничего не боится, испугался и согласился на просьбу Али... Вот отчего Али едет теперь вместе с нами...

— Хорошо, что ты рассказала мне обо всем. Запомни же, что я скажу тебе: если ты когда-нибудь по ошибке, случайно, назовешь господина «Симеоном», или хотя бы дашь понять, что тебе известно это имя, он не потерпит этого, и тогда простись со всем, что ты видишь на земле... ты знаешь, что он шутить не любит! Будь осторожна! Это очень важно для тебя!..

Кювье, лежа в лодке, слышал весь разговор и притаился, не подавая признаков жизни, скрыв свое присутствие.

Глава XLV

Саша Николаич, с французом Тиссонье рядом и с Орестом на козлах, путешествовал в удобном, отлично приспособленном для длительных переездов дормезе кардинала без всяких неприятных приключений.

Орест остался очень недоволен Германией, где пили пиво и совсем не потребляли водки. Он даже не мог себе представить, как это может существовать страна без такого напитка. Однако за неимением лучшего он пил пиво, хотя и говорил, что от пива, должно быть, заводятся лягушки в животе. Он даже уверял что слышит, как они у него там квакают.

Голландия, когда они поселились там на мызе, тоже не была им одобрена. По его мнению, государство должно делиться на города и деревни, а тут повсюду ни то ни се: не то город кругом, не то деревня! Всю страну можно проехать и на каждом шагу встретить каменные домики, вроде их мызы, и повсюду каждый вершок земли был обделан, прорыты каналы, произведены дамбы и посажены деревья.

Но больше всего Ореста тут угнетала чистота.

— Помилуйте, гидальго, — жаловался он, — все-таки в России я был человеком не хуже многих, а тут оказывается такой лоск кругом, что грязнее меня не найдешь вещи; каково это чувствовать самолюбивому человеку?

Прощал он Голландии ее «подлую чистоту», как он выражался, только ради того, что тут он нашел некоторое обилие крепких напитков, вроде рома, коньяка и английского джина. Немецкий кирш ему не нравился.

На мызе он освоился довольно быстро, найдя поблизости, на большой дороге, герберг (трактирчик), где торговали спиртными напитками.

Там он учредил свою лейб-квартиру и через неделю уже знал достаточное количество голландских слов, чтобы поддерживать если не разговор, то, во всяком случае, необходимое объяснение, помогая при этом себе мимикой.

Француз Тиссонье, по мере приближения их к месту назначения, становился все серьез-

нее, и нужно было видеть, с какой торжественностью он ввел Сашу Николаича в его наследство.

На мызе были всего три господские комнаты: столовая — маленькая, уютная, с потемневшим дубовым потолком, панелями и полками со старым фарфором; кабинет, весь заставленный шкафами с книгами в кожаных и пергаментных переплетах; спальня, где под балдахином, за шелковыми зелеными занавесками, возвышалась огромная, широкая кровать, занимавшая, по крайней мере, четверть комнаты.

Здесь, на мызе, старик Тиссонье круто изменил свое обращение с Сашей Николаичем и стал на положение достойного, верного слуги, который не считает себя вправе болтать и держать себя запросто так, как он болтал и держался во время путешествия.

В день приезда Тиссонье накрыл стол для обеда на один прибор и на вопрос Саши Николаича объяснил, что так он привык при монсеньоре и что он сам с господином Орестом пообедает отдельно.

— Что за вздор! — сказал Саша Никола-

ич. — Вы — старый слуга моего отца, но для меня вы себя показали другом и я желаю, чтобы эти отношения между нами не прерывались! Мы будем садиться за стол все вместе!

Француз патетически всплеснул руками и воскликнул:

— Вы хотите, чтобы я обедал в этой столовой?.. Это невозможно.

Но чтобы доказать противное, Саша Николаич сам поставил еще два прибора, что привело француза в окончательное умиление.

Тиссонье смахнул наворачнувшуюся с радости слезу, что-то долго говорил о высокой душе господина Александра Никола, уверял, что он удвоит свою преданность, что он теперь утешен до конца жизни, и кончил тем, что, сев за стол, опять превратился в болтливую свободную голову Тиссонье и стал держать себя как ни в чем не бывало, по-прежнему непринужденно.

Но свою преданность он, действительно, удвоил и с таким усердием помогал Саше Николаичу в совершении формальностей по вводу во владение, служа ему и доверенным лицом и переводчиком (он хорошо говорил

по-голландски), что Орест нацелился на него взглядом и сказал:

— Наш француз в лепешку расшибается!

Когда были закончены формальности по вводу во владение, Тиссонье вошел к Саше Николаичу в кабинет и, заперев дверь на ключ, сказал:

— Теперь я могу открыть вам главную тайну, порученную мне монсеньором.

Затем он вынул связку ключей и подал их Саше Николаичу.

Ключи были очень хитрые, с рубчатymi, фигурными бороздками, потемневшие от времени.

Саша Николаич стал с любопытством рассматривать их. Потом сказал:

— Очень интересная коллекция!

— Но знаете ли вы, что заперто под замками, от которых эти ключи?

— Я не только не знаю, что заперто под замками, о которых эти ключи, — ответил, слегка улыбаясь, Саша Николаич, слыша этот выпененный тон французa, — и даже не знаю, где эти замки!

— Здесь, в этом кабинете! — сообщил Тис-

сонье.

Медленно оглядевшись вокруг, Саша Николаич, кроме письменного стола и шкафов с книгами, отпирившихся самыми обыкновенными ключами, в кабинете больше ничего не увидел.

— Вы удивлены?.. Не правда ли? — продолжал Тиссонье. — Но сейчас ваше удивление превзойдет все пределы!

Он подошел к окну, убедился, крепко ли оно закрыто, и плотно задвинул занавеску.

— Теперь подойдите сюда, нажмите выпуклость глаза этого льва! — показал Тиссонье на одну из выточенных по бокам большого шкафа фигур. — Теперь нажмите еще здесь и толкните шкаф.

Саша Николаич проделал то, что ему говорили, и тяжелый шкаф легко откатился на рельсах, уйдя в стену и обнаруживая за собой железную дверь.

Чтобы отворить ее, требовалась помощь нескольких ключей из связки, которые нужно было повернуть в разных местах сложного, хитрого и не сразу приметного замка.

За дверью находилась спускавшаяся вниз

лестница, она вела через вторую такую же дверь и приводила в подвал.

Тиссонье открыл оказавшийся у него потайной фонарь и осветил каменный свод довольно просторного подвала, где посередине стоял сундук.

Затем он показал, как открыть последний, и, когда откинул крышку, Саша Николаич увидел в сундуке два отделения, наполненных одно — золотом, другое — поменьше — драгоценными камнями, и целую кипу английских процентных бумаг индийской компании.

— Это все — ваше! — сказал Тиссонье.

Глава XLVI

Орест сидел в герберге и потягивал джин.
По внешности он несколько преобразился за границей. На нем был другой костюм, более приличный, хотя он успел сносить уже и этот довольно основательно. Держал он себя тоже не так свободно, как в России, опасаясь все-таки европейских порядков.

Одно только осталось у него неизменным, вполне прежним: растрепанные усы, на которые он решительно не хотел обращать внимания. Они по-прежнему лезли в рот и так же его губы тщетно вели борьбу с ними.

Орест скучал без бильярда и придумывал себе развлечения, состоявшие, главным образом, в разговорах со служившей в герберге молодой голландкой в чепце.

Остроумие Ореста тут заключалось в том, что он врал ей по-русски совершеннейшую чепуху, приправляя ее тем немногим запасом голландских слов, который был у него, придавая своему голосу нежное выражение. Голландка думала, что он любезничает с ней, и жеманилась.

— Ну чего, корова толстоголовая, нарядилась в чепец?! — говорил Орест необыкновенно ласковым и заискивающим голосом.

Голландка, думая, что он по-своему выражает ей комплимент, конфузилась и опускала взор.

Орест называл это идиллией. Но сегодня эта идиллия надоела ему и он решил напиться вдребезги, не стесняясь, по-русски, наплевав на Голландию и всякие там заграничные порядки. И будь что будет!

Он даже ничего не имел против голландского участка, чтобы в качестве любознательного туриста узнать, какие в Голландии есть участки.

Вообще на него нашла линия, но эту линию ему пришлось бросить по совершенно непредвиденному обстоятельству.

Сначала на дворе послышался говор, несколько изумительный для голландской невозмутимости, и затем служанка герберга в сопровождении нескольких человек любопытных ввела старого восточного человека с седой бородой и направила его к Оресту.

— Вот тут старый турок! — сказала она

ему. — Вы русский!. Поговорите с ним!

Орест понял эти ее слова и, к крайнему своему сожалению, не мог выразить ей по-голландски все подробности чувства негодования, охватившего его. Поэтому он обратился к ней по-русски:

— Корова ты двудонная!.. Ты воображаешь, что русские все равно, что турки?.. Какая же ты после этого образованная европейка?.. Ведь ты, прелестное создание, хуже простой нашей бабы!.. пойми ты, сокровище, что я не говорю по-турецки! — и, почувствовав возможность произнести последние слова по-голландски, Орест сказал на понятном для голландки языке: — Я не говорю по-турецки!..

— А разве ваш язык не такой же, как у турок? — удивилась она.

Но в это время человек с седой бородой заговорил по-русски, правда, с сильным чужеземным акцентом.

— Я понимаю по-русски! — произнес турок. — Я жил в Крыму и, благодаря Аллаху, имел господина из русских, а теперь я ему благодарен за то, что я могу новому господину рассказать свое горе!

— Ах, чтоб тебя! — воскликнул Орест, обрадовавшись появившемуся у него собеседнику. — Так ты можешь объясняться на языке моих предков? Приветствую тебя, дитя Востока!

Как только турок и Орест заговорили между собой, так окружавшие их голландцы выразили свое восхищение. Ну, конечно, турок с русским могли разговаривать свободно, потому что их племя одно и языки, вероятно, сходны! Вот так оно и вышло! И очень довольные, что пристроили турка, голландцы разошлись, степенно рассуждая о происшедшем. В тот день по округе соседи рассказывали друг другу, как у герберга появился турок, пришедший по дороге неизвестно откуда, и как не знали, что с ним делать, но потом догадались свести его с русским, который живет на мызе.

— Ну, дитя Востока, выпьем! — предложил Орест.

«Дитя Востока» покачало головой и возразило:

— Закон не велит, пить не могу!..

— А в России, небось, хлестал водку? Ведь вам только виноградное вино запрещено!..

Ну, тогда кури!..

— Я — бедный человек! — заговорил турок.

— Постой, как тебя зовут-то? — спросил

Орест.

— Али...

— Ну, Али так Али, мне все равно!.. Излагай дальше! Ты — бедный человек, потом?..

— Меня привел в эту страну господин... он нанял меня служить ему, привез и прогнал!. А здесь меня никто не понимает, и я не знаю, как достать себе кушать!

— Зачем же тебе кушать, умная голова, если ты не пьешь? — Орест крикнул кельнера, подошла голландка, он показал ей на турка пальцем и произнес: — Кофе!..

Служанка поняла, закивала головой и подала большую кружку кофе и ломоть белого сдобного хлеба.

— Утоли свой голод... рекомендую! — предложил Орест и, когда турок принялся за кофе, сказал ему наставительно: — А ты бы в гавани кули таскал! Здесь всюду гавани...

— Я — старик! — вздохнул турок. — Тяжело мне! Я уже три ночи провел под открытым небом... я бы отдохнуть хотел!

— Отдохнуть? — воскликнул Орест. — Ах ты турок, турок!.. Впрочем, если хочешь, я отведу тебя к своему хозяину и меценату, и пускай он поступает с тобой по заслугам! Я этот насущный вопрос решить сам не могу.

И Орест отложил свое предприятие напиться вдребезги до следующего раза и закончил только что поданный ему джин, потом привел турка на мызу.

Саша Николаич встретился им в палисаднике.

— Гидальго! — сказал ему Орест. — Демонстрирую вам почтенное дитя далекого Востока, заброшенное волной житейского моря в сию чуждую ему страну, где он не понимает ни тяти, ни мамы! Три ночи не спал и просит отдыха под кровом вашего наследственного замка. То есть какой во мне мажордом пропадает! — сам собой умилился Орест, ударив себя в грудь, и проследовал в дом, где наверху, в мезонине, была его комната с такими мягкими перинами на постели, что он не мог на них спать и на ночь сбрасывал их на пол. Он уже давно просил Сашу Николаича купить ему диван, и тот обещал.

Саша Николаич расспросил турка, сам отвел его на кухню, велел накормить и уложить спать.

А затем случилось как-то само собой, что Али остался на мызе на неопределенное время, очень усердно, впрочем, стараясь быть полезным и отплатить своей службой за оказанное ему гостеприимство.

Глава XLVII

Орест, которому происшествие с турком помешало напиться, как он хотел, в ближайшем будущем вспомнил все же это свое намерение и ублажился так, что сердобольные голландцы замертво принесли его на мызу.

Саше Николаичу это стало противно и, когда Орест проспался, он долго убеждал его бросить пьянство.

Орест слушал, как будто вполне с ним соглашаясь, и в ту минуту, когда Саша Николаич был совсем убежден, что его красноречие подействовало, униженно попросил хоть чуточку опохмелиться.

Однако Саша Николаич не дал ему, сказав, что если он сейчас хочет перестать пить, то лучше всего бросить сразу и только тогда это будет действительно.

Он взял с Ореста слово и затем поставил ему жесткие условия, состоявшие в том, что он вовсе не станет давать Оресту денег и сам станет за ним следить.

Эти крутые меры Саша Николаич принимал с такой добросовестностью, что, даже ко-

гда Орест прощался с ним, чтобы идти спать, поднимался к нему наверх, чтобы убедиться, что тот лег в постель, а не удрал в герберг.

Первый день Орест ходил мрачный, тосковал и грубил, но потом повеселел и, словно и вправду настроившись на добродетель, занялся книгами в кабинете.

Читал он их или не читал, хватало ли у него на это терпения, неизвестно, по книги он выбирал такие, где было много иллюстраций, и подолгу смотрел картинки.

Однако скоро картинки надоели ему и он почувствовал, что эта добродетель ему невмogu. С хитростью сумасшедшего, который хочет провести своего доктора, Орест стал придумывать, как бы ему провести Сашу Николаича, обмануть его бдительный надзор и, главное, достать денежный материал для утоления жажды.

Относительно денег он случайно сделал открытие, повергшее его в некоторое удивление.

У этого турка Али был какой-то мешочек, которого он никому не показывал и тщательно прятал. Очевидно, там у него были монеты

какие-то, но зачем же он тогда прикидывался нищим?

Это было надувательством со стороны Али и потому с ним следовало поступить по обстоятельствам, то есть воспользоваться этим мешочком, если других средств не предвиделось.

К тому же турок был введен в дом им, Орестом, и потому должен был быть благодарен ему, но на самом деле относился к нему пренебрежительно.

Наконец, деньги у него можно было взять не навсегда, а с тем, чтобы потом, при случае, возместить.

Конечно, бесчувственный, дикий турок в долг ему не даст и с ним надо поступить не церемонясь, по закону Линча.

Так рассуждал Орест, хотя при чем тут был закон Линча, он не смог бы объяснить никому, даже самому себе. Но в такую дальнюю философию он не пускался, так как всегда был в жизни практиком.

Как раз, когда Орест ходил по своей комнате и обдумывал план действий, он услышал, как к дому подъехал экипаж, и, выглянув в

окно, увидел, что к ним пожаловал какой-то господин.

Внизу Саша Николаич встретил гостя и, к своему удивлению, узнал в нем Агапита Абрамовича Крыжицкого.

Последний радостно, как старый добрый знакомый, отвечал на несколько суховатое, вполне официальное приветствие Саши Николаича.

— Да, да! — заговорил он. — Мне пришлось отправиться за границу по делам и я нарочно заехал к вам, по поручению Андрея Львовича Сулимы, чтобы закончить расчеты с вами.

— Что ж! — заявил Саша Николаич. — Я от своего слова не отказывался и от расписки тоже... Я готов выдать, когда вам угодно, половину стоимости мызы, согласно тому, как она оценена в завещании.

— У вас разве есть свободные деньги? — спросил Крыжицкий.

— Есть! — спокойно отвечал Саша Николаич.

«Это все, что мне нужно!» — подумал Агапит Абрамович.

Эта наличность у Саши Николаича и лег-

кость, с которой тот согласился выдать их сейчас же, служили первым и существенным доказательством того, что указания, данные в Крыму, были справедливы, что капиталы и на самом деле были спрятаны где-то на мызе, и что Николаев нашел их.

Саша Николаич, хотя вовсе и не обрадовался встрече с Агапитом Абрамовичем, но счел своим долгом угостить его с дороги и повел в столовую.

В столовой Крыжицкий постарался быть любезным собеседником, стал передавать Саше Николаичу петербургские новости и рассказал, что случилось с графом Савищевым.

Поев и напившись кофе, он попросил показать ему мызу.

— Да, собственно, тут и смотреть-то нечего! — сказа Саша Николаич. — А, впрочем, пойдете, если хотите...

Пошли.

На дворе было холодновато, моросил дождь и был грязно. Но Крыжицкий выказал необыкновенную любознательность ко всему.

В саду им попался Али, добросовестно

трамбовавший дорожку.

— А это что за тип? — остановившись, спросил Крыжицкий. — По-видимому, он совсем не здешний.

— Это турок! — пояснил Саша Николаич, — Его завезли сюда, в Голландию, и бросили здесь; я его приютил...

— А, турок!.. Я немножко говорю по-турецки, вы мне позвольте проверить, действительно ли он тот, за кого себя выдает? — спросил Крыжицкий. — Кстати, для меня это будет практика.

— Пожалуйста!

Агапит Абрамович обратился к Али и спросил у него по-турецки:

— Ты добросовестно наблюдал здесь, как я тебе приказывал?

— Да, господин! — ответил Али. — Вы видите, что я здесь.

— Ты выследил что-нибудь?

— Пока ничего, господин. До сих пор нет никаких признаков того, что были где-нибудь спрятаны большие деньги. Я тут оглядел каждую вещь.

— Ищи! Я знаю наверное, что тут целое бо-

гатство!.. Не запирается ли молодой человек ночами в какой-нибудь комнате?

— Нет, господин! — ответил Али.

— И он ничем не выдал себя до сих пор? — спросил Крыжицкий.

— Нет!

— Приложи все свое старание и выведай во что бы то ни стало!

— Пока мои амулеты со мною, я уверен в успехе! — сказал турок.

— Пусть они помогут тебе!.. — сказал Крыжицкий, а затем, обращаясь к Саше Николаичу и снова перейдя на русский язык, произнес:

— Да, это настоящий турок! Но какое жестокосердие было бросить его так в чужой стране! Хорошо, что благодаря вашему доброму сердцу, он нашел приют у вас, а то куда бы ему деваться, в самом-то деле!

— Да, я им доволен! — проговорил Саша Николаич, ни звука не понявший из их разговора. — Он работающий и я нисколько не раскаиваюсь в том, что взял его к себе.

Глава XLVIII

Орест увидел из окна, что турок, когда приехал этот гость, вышел в сад и усердно стал трамбовать дорожку. Он решил воспользоваться этим моментом и начать действовать.

Орест на цыпочках, своими большими и размашистыми шагами, которыми направлялся, бывало, к кулечку титулярного советника Беспалова, проследовал в каморку турка и, быстро обшарив его постель, нашел засунутый под тюфяк красный шелковый мешочек.

Это было делом одной минуты и Орест проворно вернулся в свою комнату.

Он затворил за собой дверь, чего не делал прежде, и даже запер ее изнутри на крючок, затем с некоторым волнением развязал шнурки мешочка, но вместо денег нашел там не то камешки, не то кусочки мастики, с вырезанными на них таинственными знаками, и несколько как бы брелоков из желтого металла.

Эти брелоки могли быть заложены и это несколько утешило Ореста. Куски же мастики он долго разглядывал и ему вдруг пришло в

голову, а нет ли внутри их чего-нибудь ценного?

Он снял сапог и, владея им наподобие молотка, разбил каблуком один из камешков. Камешки дробились, но внутри их ничего не было.

Во всяком случае, можно было обратить в капитал брелоки.

Теперь оставался один вопрос: как удрать?

Положим, Саша Николаич и был занят своим гостем, но это ничего не значило, потому что он мог-таки хватиться. Надо было ждать вечера.

Хитрый Орест, чтобы предотвратить всякие подозрения, спустился вниз и сказал Тиссонье, что чувствует себя совсем нездоровым и ляжет в постель. Благодаря своему воздержанию, он чувствовал себя дурно.

Саша Николаич, узнав о его болезни, поднялся к нему.

Орест стонал, охал, кряхтел и разыгрывал чуть ли не умирающего.

Обедали, таким образом, без Ореста, и за его прибор сел Крыжицкий, который в отношении своего отъезда не выказывал никакой

торопливости. Мало того, что он пообедал с большим аппетитом, он, когда вышел из-за стола, уселся в удобное кресло у камина и закурил сигару с видом, показывающим, что он не скоро еще встанет оттуда.

— Вы останетесь у меня ночевать? — спросил Саша Николаич.

— Нет, благодарю вас, — ответил Крыжицкий, — я поеду назад в город, я там отлично устроился в гостинице: если позволите, я потом как-нибудь приеду погостить у вас, а сегодня я остаться не могу. Но мне бы хотелось только поговорить с вами. Вот я видел вашу мызу и меня удивляет только одно:

— Что именно?

— Как мог вам оставить покойный кардинал Аджиери только эту мызу и куда делось остальное его состояние?

— Почему вас это удивляет? — спросил Саша Николаич.

— Да так, знаете!.. — произнес Агапит Абрамович, — Впрочем, до некоторой степени я могу объяснить себе это тем, что кардинал не считал себя вправе располагать остальным состоянием как своей собственностью и, ве-

роятно, угрызения совести заставили его обратиться это состояние на дела благотворительности.

— Угрызения совести? — переспросил Саша Николаич, начиная интересоваться словами Крыжицкого.

— Да! — произнес последний. — Вы, вероятно, знаете, как началась карьера кардинала Аджиери?

— Старик Тиссонье рассказывал мне: кардинал был секретарем знаменитого Рогана.

— Совершенно верно, — подтвердил Крыжицкий, — аббат Жоржель, секретарь так называемого великолепного кардинала де Рогана, стал впоследствии во Франции кардиналом Аджиери. Вы знаете также об известном процессе — об ожерелье королевы?

— О том, которое было создано интригами госпожи Ламот, причем последняя обвинила Рогана и запутала ни в чем не повинную королеву Марию Антуанетту? — произнес Саша Николаич. — Ужасная история!..

— Да, ужасная история!.. Но только вы напрасно думаете, что Мария Антуанетта была так уж невинна. Судьи, желая подслужиться

к королеве, свалили все на госпожу де Ламот, которая, кстати, была поистине несчастна!..

— Позвольте! — перебил Саша Николаич. — Но ведь дело было выяснено во всех подробностях. Ювелиры Бемер и Боссанж сделали ожерелье, употребив на него все свое состояние и подобрав такие бриллианты, которые стоили миллион семьсот тысяч ливров. Они рассчитывали, что король Людовик XVI купит это ожерелье для госпожи Дюбарри, но Людовик умер. Тогда ювелиры задумали продать ожерелье новой королеве Марии Антуанетте, страстно любившей бриллианты. Ее муж, Людовик XVI, желая поправить расстроенные финансы, стеснялся в средствах и, по уговору с королевой, купил вместо ожерелья военный корабль. Тут явилась госпожа де Ламот, рожденная Валуа, и обвела, именно обвела, влюбленного в королеву пятидесятилетнего кардинала де Рогана. Она устроила ему свидание с нанятой для этой цели публичной женщиной, имевшей некоторое сходство с Марией Анутанеттой. Роган попался в ловушку и через госпожу де Ламот купил драгоценное ожерелье якобы для королевы, от которой

Ламот передавала ему письма, оказавшиеся поддельными. Мария Антуанетта ничего не подозревала и узнала обо всем лишь тогда, когда исчезло ожерелье, а скандал разыгрался!

— В том-то и дело, — сказал Крыжицкий, — что Мария Антуанетта не вполне могла отговариваться полным незнанием, как это делала впоследствии. Ночное свидание кардинала де Рогана произошло не только с ведома, но и было подстроено ради ее потехи. В то время, как кардинал стоял на коленях, думая, что это королева, сама королева смотрела на эту сцену из-за трельяжа и веселилась комизмом положения. Впоследствии госпожа де Ламот, воспользовавшись этой «шуткой», кое-что сделала против королевы. Конечно, она виновата, но и понесла за это наказание, может быть, даже слишком строгое.

— Да, я знаю, — сказал Саша Николаич, — ее всенародно, среди позорной площади, на эшафоте стегали кнутом и заклеямили...

— И заключили на вечные времена в Сальпетриер, откуда она, впрочем, бежала в Лон-

дон, — продолжал Крыжицкий. — Там она жила некоторое время, но французские агенты преследовали ее и, не имея возможности делать это открыто в Англии, тайно подослали к ней убийц, от которых она выпрыгнула в окно с третьего этажа, разбилась и умерла... Вся ее жизнь — сплошное страдание... Подумайте! Ее отец — потомок королевской фамилии Валуа, был женат на дочери консьержа, умер в больнице и был похоронен Христа ради. Его дочь буквально нищенствовала, скитаясь в лохмотьях по улицам Парижа. Ее приютила некая сердобольная госпожа Буланвилье, и тут она полюбила и вышла замуж за дворянина де Ламота. Но оказалось, что он служил сыщиком и был тайным агентом жандармерии. Согласитесь, что такая профессия не могла быть приятной для его жены, и госпоже де Ламот пришлось разочароваться в своей любви. Тут подвернулся кардинал де Роган, окружил госпожу де Ламот роскошью и этим соблазнил ее... Просвета не было! Почему знать, может быть, этой историей с ожерельем, стоившей ей так дорого, госпожа де Ламот просто хотела завоевать себе независи-

мость. Но и тут оказалось, что она работала не на себя, а на других. Ожерелье кардинал де Роган привез госпоже де Ламот первого февраля тысяча семьсот восемьдесят пятого года в Версаль, для передачи королеве, и госпожа де Ламот при нем передала футляр с драгоценностями человеку, якобы посланному от королевы. Этот человек, де Виллет, был ее сообщник, впоследствии фигурировавший на процессе. Он скрыл это ожерелье и оно не было передано королеве; это правда. В августе того же года де Роганом был назначен первый платеж бриллианщикам. Он пропустил срок, ювелиры отправились к самой Марии Антуанетте и предъявили ей расписку, которая оказалась подложной! Тут началось дело, кардинал был арестован в самом Версале, в то время, когда он совершал богослужение, а вместе с ним были захвачены и остальные. Заметьте: госпожа де Ламот могла бежать, но не сделала этого; значит, она считала себя невиновной!

— Может быть, — заметил Саша Николаич, — она просто рассчитывала, что королева, из боязни скандала, велит прекратить дело и

что тогда можно будет спокойнее и свободнее воспользоваться украденным ожерельем.

— Может быть и так!.. Но воспользоваться ей ничем не пришлось... Приговор состоялся в мае 1786 года. Кардинал де Роган был оправдан, господин де Виллет был выслан из Франции, остальные замешанные были отпущены или понесли легкие наказания, и только одна госпожа де Ламот подверглась истязаниям на эшафоте...

Глава XLIX

— Я не понимаю, какое отношение это имеет к аббату Жоржелю? Он потом стал кардиналом Аджиери, так какие же угрызения совести могли быть у него? — спросил Саша Николаич.

— Терпение! — ответил Крыжицкий. — Сейчас дойдем и до Жоржеля. В те времена духовные лица даже сутану носили не всегда, а ходили в камзолах, с кружевными жабо, в чулках и башмаках. Камзолы, правда, они носили черные бархатные, но все-таки это были камзолы. Вольность нравов, господствовавшая тогда, была не та, что теперь, и аббат Жоржель, увлеченный чувством, отправился в Голландию за любимой женщиной.

— Вы знаете, кто была она? — спросил Николаев.

— Я знаю, что она была русской, и больше пока ничего, — ответил Крыжицкий, — но могу узнать для вас подробности!

— Узнайте же, ради Бога!

— Очень буду рад вам услужить. Итак, возвращаюсь к аббату Жоржелю. Я должен вам

сказать, что он столкнулся с господином де Виллетом, покинувшим Францию, ввиду приговора, вынесенного судом. Господин де Виллет привез сюда, разумеется, тайно драгоценное ожерелье, и тут распродал его в виде отдельных бриллиантов в разные руки, выручив за это миллион франков. Но этими деньгами воспользовался не он, а аббат Жоржель, впоследствии кардинал Аджиери...

— Погодите! — воскликнул Саша Николаич. — Не забывайте все-таки, что вы говорите про моего отца и что такие вещи нельзя говорить бездоказательно. Прежде всего, я немедленно требую доказательств; слышите, я требую их!..

— К сожалению, — пожав плечами, произнес Агапит Абрамович, — я вам сию минуту не могу представить их. Но если вам будет угодно через неделю приехать ко мне в город, то я надеюсь подтвердить достоверность моих слов.

— Хорошо! — согласился Саша Николаич. — Каким же образом воспользовался аббат Жоржель деньгами от продажи краденых бриллиантов?

— Это я вам скажу через неделю.

— Говорите сейчас!

— Нет! — твердо возразил Крыжицкий. — Уж если вы остановили меня за якобы голословный рассказ, то я желаю с вами говорить только с доказательствами в руках.

— Впрочем, тем лучше! — сердито произнес Саша Николаич. — Лучше я подожду неделю, но, по крайней мере, буду иметь достоверные сведения.

— Да, вы будете иметь их. Ну а пока до свидания. Мне надо ехать, на дворе уже темно.

Саше Николаичу совершенно не хотелось оставлять Крыжицкого у себя, но, вместе с тем, ему было как-то неловко отправить из своего дома человека в темноту ночи.

Как нарочно, за окном стояла непроглядная темень, густые тучи заволокли небо и не было видно ни зги.

— Вы не тревожьтесь! — успокоил его Агапит Абрамович, как бы понимая его сомнения. — Кучер здешний, отлично знает дорогу, и у экипажа фонари. Я доеду легко, тем более, что до города отсюда недалеко.

Саша Николаич больше его не удерживал.

Он отпускал его с тем, чтобы через неделю увидеть его и заставить подтвердить обвинение или ответить за необдуманную ложь.

— Отчего же через неделю, не раньше? — спросил он все же.

— Надо же мне время, чтобы разобраться в документах и отыскать свидетеля! — сказал Крыжицкий и откланялся.

Он сел в карету, и в темноте было видно, как блеснули его фонари на повороте и как этот отблеск растаял, удаляясь по дороге.

Отъехав некоторое расстояние от мызы, карета вдруг остановилась. Агапит Абрамович высунулся из окошка, чтобы узнать, отчего произошла остановка, и в свете фонаря увидел фигуру Али, отчаянно махавшего руками и задержавшего этим экипаж.

Али подбежал к окну, страшно взволнованный.

— Симеон! — заговорил он, задыхаясь.

— Не называй меня так! — возразил Агапит Абрамович. — Я раз и навсегда запретил тебе!..

— А-а! Тут все равно, как называть! — воскликнул турок. — Ты знаешь, мои амулеты

пропали! Их взял у меня этот пьяный негодяй, который живет на мызе, больше никому!.. Жаловаться я не могу, потому что по амулетам узнают, что я такое...

— Да, это будет неосторожно! — согласился Агапит Абрамович. — Но если ты знаешь, кто их у тебя взял, то ты можешь взять их у него обратно!

— Да, я это сделаю, хотя бы для этого мне пришлось убить его!

— Тише! — остановил турка Крыжицкий. — Ты помни, что нужен на мызе для другого, более важного!.. Как только заметишь что-нибудь, отпросись в город и приди ко мне. Ты найдешь меня там же, откуда я отправил тебя сюда... А твои амулеты я заставлю вернуть, можешь на меня положиться!.. Иди и будь спокоен!

И Крыжицкий приказал кучеру ехать дальше.

Едва карета успела оставить позади исчезнувшего в темноте Али, как капли крупного дождя застучали по верху, засвистел ветер, и начался такой ливень, что лошади с трудом могли бороться с ним. Напрасно кучер пого-

нял их, они не были в состоянии идти против ветра и остановились.

Кучер наклонился к переднему окну, чтобы предложить повернуть и доехать до герберга, бывшего тут же, на дороге, и там переждать, пока минует непогода.

Волей-неволей Агапиту Абрамовичу пришлось согласиться на предложение кучера.

В герберге он застал довольно курьезную сцену объяснения Ореста с хозяином, которому показывал «брелоки» и желал, чтобы хозяин купил их, выдав плату натурой, то есть джином.

Хозяин хотя и понимал, в чем дело, но притворялся, что не понимает мимических, по преимуществу, объяснений Ореста, потому что не был уверен в ценности «брелоков». Он качал головой и со свойственной голландцам медлительностью мычал что-то совсем неопределенное.

Крыжицкий подошел, взглянул на «брелоки», сейчас же узнав в них амулеты Али, и сказал:

— Это не золото — сплав!.. Но это довольно интересные вещицы, и я, если хотите, куплю

их у вас за редкость.

Ничего лучшего Орест и не желал. Торг состоялся немедленно, и, когда дождик перестал и Крыжицкий собрался уезжать, Орест прикончил уже вторую бутылку джина. Дорвавшись, после долгого воздержания до спиртного напитка, он пил деловито, мрачно, один, в углу, всецело отдавшись своему наслаждению.

Глава I

Али сидел на постели в своей комнатке и не спал. Он с нетерпением ждал рассвета, потому что в темноте не мог совершить свое дело, а идти со свечой он считал опасным. Да на рассвете люди и спят обычно крепче, и действовать поэтому можно спокойнее.

Украденные у него Орестом амулеты составляли все достояние Али и лишиться их для него означало то же, что лишиться всего, что он считал единственно нужным в жизни.

Он никогда так, зря, не оставлял своего «мешочка», но тут заторопился и сунул его под тюфяк, благодаря внезапному приезду Крыжицкого, которого он увидел из окна, после чего поспешил в сад, чтобы там встретиться с ним.

Али чувствовал себя немножко виноватым, что до сих пор не мог исполнить порученное ему дело и разузнать, где хранится богатство в этом скромном доме.

Уж он ли был не хитер, а вот между тем, несмотря на свою старость и опытность, ничего не смог поделаться.

Он слишком верил в себя и поэтому был убежден, что если он до сих пор не открыл богатства, значит, его тут и вовсе нет, а между тем Симеон, — как он называл Крыжицко-го, — положительно сказал ему, что богатство здесь...

Таким глупцом он себя еще никогда не выказывал, а тут, на старости лет, пришлось промахнуться и быть одураченным, кем же?.. Гяурами, нечестивыми, неверными, из которых главный, то есть хозяин этой мызы, был совсем мальчишкой перед ним...

Али объяснял такую неприятность тем, что лишился своих амулетов. Поэтому нужно было во что бы то ни стало вернуть их, а для этого нужно было дождаться рассвета.

Не спать для Али было привычным делом, и он всю ночь просидел не смыкая глаз, а когда сумерки туманного утра чуть забрезжили в окно, для Али этого скудного света было достаточно. Он поднялся и неслышно как привидение, проскользнул в комнату Ореста...

Дверь была отперта. Орест лежал на кровати, лицом к стене, и так крепко спал, что не было даже слышно его дыхания.

Али сразу же увидел на столе свой красный мешочек из шелка, который лежал пустым, а возле него валялись осколки разбитого амулета. Али схватился за голову и, как безумный, взглянул на драгоценные для него, безжалостно уничтоженные проклятым гяуром священные предметы.

Дикая, неудержимая злоба охватила все его существо, желание немедленно отомстить затмило его рассудок; он выхватил из-за пазухи кинжал, взмахнул им и воткнул в лежащего на постели Ореста...

У Али был верный, испытанный удар. Его кинжал был отравлен; он знал, что его удар сразу же смертелен, и, сделав свое дело, он бросился бежать вон без оглядки, надеясь быстро добраться до города и укрыться там у Симеона, который должен был его спасти. Он должен был сделать это, так как совершенное Али убийство было священным.

В то время как Али распорядился по-своему в мезонине и убежал, внизу, в своей спальне, лежал Саша Николаич с открытыми, устремленными неподвижно в одну точку глазами. Всю ночь он не спал и всю ночь раз-

думывал о том, что рассказал ему Крыжицкий.

Положим, рассказ был бездоказательным, но он обещал, и обещал с уверенностью, привести доказательства.

Однако главное для Саши Николаича заключалось не в этих, может быть, даже сомнительных доказательствах, а в том, что он имел уже некоторые данные, заставившие его сомневаться: огромное состояние, которое он нашел в подвале, по указанию Тиссонье, было налицо и являлось как бы уликой.

Откуда мог аббат Жоржель, занимавший место секретаря и, значит, испытывавший необходимость служить в людях, получить или собрать такое состояние? Это казалось прежде всего подозрительным.

Подозрительно было и то, что ценности скрыты в таинственном подвале и переданы ему, Саше Николаичу, не по завещанию, а через доверенное лицо?

Но если это было так, если, действительно, это огромное состояние явилось ценой украденных бриллиантов, то что же делать теперь?

Саша Николаич был и от природы и благодаря влиянию на него времени, в которое он жил, сентиментален, и страшная судьба Марии Антуанетты, убитой на эшафоте беспощадно, варварски, истинное величие и благородство, с которым она шла на казнь, всегда вызывали в нем чувство некоторого благоговения. Он до некоторой степени чтит память трагически погибшей французской королевы, а это дело с бриллиантовым драгоценным ожерельем и произведенный им скандал были как бы первой ступенью ее на пути к гибели.

И вдруг Саша Николаич является обладателем миллионов, полученных за украденные бриллианты из ожерелья и присвоенных его отцом!

«Его отцом!..»

Эти слова жгли Сашу Николаича, и он вспоминал другую свою, такую же бессонную ночь в Петербурге, когда он, негодуя на Маню, говорил себе, что «яблоко от яблони недалеко катится», и что у такого отца, как ее, предателя и преступника, не могло бы и быть другой дочери.

Но тогда что же теперь он сам?.. Что же он такое, если и его отец предательски завладел деньгами чужих людей и тайно спрятал их в свой подвал?

«Да нет!.. Не может этого быть!.. Этот Крыжицкий врет! — попытался успокоить себя Саша Николаич. — Я уверен, что не найдутся его доказательства... Все это — пустяки!»

Некоторая надежда оживляла его, но только лишь для того, чтобы сейчас же снова померкнуть. Собственные рассуждения не успокаивали Сашу Николаича, а порождали новые сомнения:

«Ведь если доказательства не найдутся у Крыжицкого, то все-таки останутся сомнения, неизвестность и неопределенность, которые будут хуже хотя бы и ужасной, но все-таки раскрытой правды...»

* * *

Для того чтобы успокоиться, нужны были доказательства полной безупречности отца Саши Николаича, но откуда ему их взять?

Единственный человек, который мог бы помочь в этом — француз Тиссонье — сам знал очень мало и все, что знал, рассказал

добросовестно.

Саша Николаич, конечно, спросил его — там же, в подвале, когда француз впервые привел его туда, — откуда у отца взялось такое состояние? Но Тиссонье сам узнал о существовании подвала только из предсмертных слов кардинала, который передал ему ключи и объяснил, что с ними делать. Кардинал при этом заставил его поклясться, что он войдет в подвал только вместе с его наследником... А что было в подвале, этого кардинал не сообщил, и Тиссонье узнал о богатстве лишь когда увидел его вместе с Сашей Николаичем.

Глава LI

Когда стало светать, Саше Николаичу немного полегчало. Дневной свет принес не то что успокоение нравственное, а просто физически подействовал на истомленные бессонной ночью нервы. Он встал, накинул на себя беличий халат, отдернул штору на окне и открыл его.

Утренняя свежесть обдала его холодом и сыростью, но Саша Николаич не заметил ни холода, ни сырости. Напротив, ему было приятно выставить голову и ощутить дрожь, которая пробежала у него по плечам...

На краю неба занималась красными переживаниями заря, ложившаяся розовым отблеском на поднимающийся с земли утренний прозрачный туман, не застилавший предметов, однако окрашивавший их в один розоватый отлив.

В однообразии этого тумана Саша Николаич вдруг различил длинную, сухопарую фигуру, кравшуюся по саду по направлению к дому.

«Кто бы это мог быть?» — удивившись, по-

думал он, и, взглядевшись повнимательнее, увидел рыжие, встрепанные усы.

— Так и есть, удрал-таки, шельма! — произнес он вслух и окликнул: — Орест, это вы?

— К сожалению, я, гидальго, — ответил Орест, приближаясь к окну.

Он был без картуза и в таком виде, что, как бы ни был расстроен Саша Николаич, он не мог удержаться от улыбки при взгляде на него.

Весь правый бок Ореста был покрыт толстым слоем грязи, облепившей его так плотно, что он казался не живым человеком, а глиняным изваянием; и лицо и руки у него также были выпачканы в грязи.

— Откуда же это вы, и где отделали себя так? — спросил Саша Николаич.

— Благодаря вашей непреклонности должен был ночевать вне вашего наследственного замка, мой принц! — пояснил Орест, стараясь повернуться все-таки левым боком, более чистым, скрыв правый.

— Где же вы ночевали?

— Должно быть, в канаве, — простодушно ответил Орест.

— Неправда!

— Однако мои ризы свидетельствуют об этом, хотя, конечно, ложась в канаву, я лично принял ее за пудовую постель магометова рая.

— Но ведь вы вчера были больным, — заметил Саша Николаич.

— Военная хитрость с моей стороны.

— Позвольте, вчера вечером я поднимался к вам наверх, подходил к вашей двери и видел собственными глазами, как вы спали...

— Оборотясь лицом к стене? — не смущаясь, спросил Орест.

— Ну да!

— Еще более тонкая военная хитрость с моей стороны. Я знал, что вы, гидальго, настолько предусмотрительны, что являетесь проверить меня — сплю я или нет. Значит, если бы вы открыли мое отсутствие — последовали бы розыски с вашей стороны и погоня за мной... Против этого я и принял соответствующие меры, устроив на своей постели чучело.

— Неужели на вашей постели лежали не вы, а чучело? — изумленно спросил Саша Ни-

колаич.

— Оно лежит, вероятно, до сих пор.

— Но я ясно видел ваши волосы!

— Их изображет конец половой щетки, искусно высунутый из-под одеяла, — спокойно начал объяснять Орест, — корпус был сооружен из моего старого костюма, набитого всем моим тряпьем, а ступни ног изображали заправленные в надлежащее место под одеялом галоши. Не правда ли, гидальго, гениальная выдумка?

— И вы всю ночь пили?

— Зачем преувеличивать, мой принц?! Вы знаете, что здание заведения запирается довольно рано. Нет, я ублагодворился во благовремени и направил свои стопы благоразумно домой, но, к сожалению, не нашел нужной дороги. В чужих местах, знаете ли, оно понятно... И к тому же, у меня вышло недоразумение: я, очевидно, принял канаву за постель, лег в нее и заснул. Проснулся я с восходом солнца от холода, но зато трезвый явился сюда и наткнулся на ваш лик, высунутый из окна. Вы-то отчего не спите? Это нехорошо с вашей стороны!.. И, главное, вредно для вас, по-

тому что у вас здоровье деликатное!

— И вы опять напились, значит?! — укоризненно произнес Саша Николаич.

— Каюсь, гидальго, но прошлого не вернешь!..

— Послушайте, Орест! Ведь это из рук вон что такое!

— Да уж чего хуже. Только вы не раздражайтесь! — предложил Орест. — У меня к вам некоторый сердечный разговор есть. Я приведу себя в порядок и явлюсь к вам, чтобы заняться некоторыми историческими изысканиями в фолиантах вашей фамильной библиотеки...

— Да откуда вы деньги-то взяли, чтобы напиться?

— Это моя государственная тайна! — заявил Орест и пошел в дом.

Саша Николаич с сердцем захлопнул окно. Этот пьяница начинал его бесить. «Нет, положительно, это нужно кончить раз и навсегда! — гневно раздумывал он, шагая по кабинету. — Это дошло до крайних пределов. Я дам ему денег на дорогу, и пусть он убирается куда хочет! Надо!»

Все, что накопилось у Саши Николаича в течение ночи, вылилось вдруг в обуявшей его злобе на Ореста.

Орест не заставил себя долго ждать. Он явился сверху, сняв с себя только плащ, с которого падала грязь, и заменив сапоги галошами.

— Я вам серьезно хочу сказать, — начал Саша Николаич в грозном повышенном тоне.

Но Орест не стал слушать его. Он подошел к книжному шкафу, достал толстый том, перелистал его, нашел, что ему было нужно, развернул и поднес Саше Николаичу.

— Мне надоели ваши глупые выходки! — продолжал горячиться тот. — Если вы думаете чего-нибудь добиться новым кривляньем, то ошибаетесь... слышите? Ошибаетесь!

— Все слышу, гидальго, — спокойно ответил Орест, — и, если вам угодно, очищу ваше помещение без запинки...

— И очистите, потому что дольше я вас терпеть не могу! — гневался по-прежнему Саша Николаич.

— И я вас тоже, если вы начинаете изъясняться подобным жаргоном. Но, прежде чем

нам расстаться, обратите ваше просвещенное внимание вот на эту страницу...

Орест показал на развернутую книгу. Там была таблица с рисунками.

— Вы видите изображенные здесь камни с якобы таинственными литерами, — заговорил Орест. — Это амулеты... Попрошу вас также запомнить очертания нарисованного здесь кинжала!.. Теперь желаете ли вы видеть нарисованный здесь кинжал в натуре?.. Не угодно ли вам последовать за мной?

Орест повернулся и пошел. Саша Николаич, хотя ничего и не понимал, все-таки последовал за ним, решив, что, чем бы ни оправдывался Орест, он его все равно выгонит...

Орест привел его в свою комнату, где на постели нетронутым все еще лежало чучело, так хорошо сделанное, что Саше Николаичу, знавшему уже теперь, что это такое, все-таки казалось, что лежит человек.

— Приблизьтесь! — пригласил Орест, показывая на кровать.

Саша Николаич приблизился и увидел воткнутый в чучело кинжал, торчавшая рукоятка которого была точь-в-точь такой формы,

какая была изображена на рисунке в книге.

— Что это значит? — спросил он.

— А вот вам и остатки амулетов! — показал Орест на стол, где валялись разбитые кусочки. — Теперь благоволите поискать вашего преданного слугу, мессира Али!.. Держу один против ста, что вы его не найдете!.. Наружная дверь вашего замка была отперта, так как иначе я не мог бы войти в него, и для меня очевидно, что упомянутое дитя Востока удрало через нее, оставив здесь предназначенный для моей груди кинжал воткнутый в другое, более настоящее чучело!..

И Орест раскланялся, как кланялись на сцене придворные перед королем.

Саша Николаич начал соображать в чем дело, но так сразу поверить не мог. Он пошел в каморку Али — турка там не было! В доме уже вставали в это время; оглядели везде, но Али пропал.

Орест не принимал участия в поисках, а сидел в кабинете и рассматривал книгу.

— Ну что, мой принц?.. Убедились?.. — встретил Сашу Николаича он, когда тот вернулся в кабинет.

— Да! — проговорил Саша Николаич. — Это что-то непонятное!.. Али исчез...

— Ничего непонятного нет, гидальго! — возразил ему Орест. — Судя по этой книге, этот бравый турок принадлежал к секте, описанной здесь со столь тщательными подробностями, что тут даже приложены рисунки священного кинжала и амулетов, которыми пользуются почтенные члены этой корпорации. Теперь я начинаю убеждаться, что во всяком зле есть своя доля пользы. Что вы лишили меня вина и елея, это было несомненное зло, но из того, что я, доведенный до отчаяния, предался созерцанию картинок в волюмах вашей фамильной библиотеки, получилась польза, ибо я напал на эту таблицу, и она нам объяснила, что наш верный Али и турок, который был у вас вчера в гостях, принадлежат к сомнительной секте.

— Какой турок мог быть вчера у меня в гостях?! — воскликнул Саша Николаич. — Разве Крыжицкий — турок?!

— По фамилии нет, но фамилию можно изменить, а обликом он похож на человека с Востока.

— Почему вы думаете, что и он, вместе с Али, принадлежит к секте? — спросил Ореста Саша Николаич.

— Потому что я установил между ними несомненную связь.

— Как так?

Орест отвалился на диване и откинул руку ладонью кверху.

— Позвольте гульдены, моравидисы или все равно какие-нибудь денежные знаки, иначе я умерю свою болтливость и буду нем как рыба!.. Знаете, гидальго, я серьезно нахожу, что слишком много разговариваю!

— Да говорите... я дам вам денег... все, что хотите, только говорите скорее! — горячо произнес Саша Николаич.

— Вот этот жаргон мне нравится го-о-раздо больше, чем давешний!.. Итак, к делу, как говорят академики, трезво смотрящие на жизнь!.. Видите ли, гидальго! Вчера вечером я принооровил свое исчезновение из вашего фамильного замка к отъезду вашего гостя! Мотивом же к этому послужила крошечная тьма, стоявшая на дворе. Признаюсь, я в этой темноте боялся сбиться с дороги даже трез-

вый и потому мне пришла гениальная мысль (их у меня сколько угодно!) воспользоваться экипажем вашего гостя; а именно: когда сей экипаж отбывал, сопровождаемый вашими благословениями, я вскочил сзади на ось и крепко ухватился за рессоры... понимаете?.. Когда карета отъехала от вашего замка на довольно приличное количество ярдов, она вдруг остановлена была посреди дороги неким человеком, в котором, когда его осветил каретный фонарь, я легко узнал нашего красавца Али! Он подошел к дверце и довольно горячо и фамильярно стал разговаривать с сидящим внутри кареты вашим гостем! Такое фамильярное обращение солидного господина с проходимцем показалось мне, на первый взгляд, странным, но теперь оно объясняется легко, если принять во внимание, что оба они принадлежат к одной и той же секте. О чем они говорили между собой, разобрать я не смог, потому что они лаяли на непонятном мне языке, должно быть, турецком. Али был отпущен с миром, карета двинулась опять и, когда она поравнялась с гербергом, я соскочил и скрылся в сей благодетельный приют...

Вот и все, что я имею вам сказать, но вы почувствуйте соль моего анекдота!

— Но откуда вы взяли эти лежащие разбитыми у вас на столе амулеты? — спросил Саша Николаич.

— И почему был воткнут в мое чучело кинжал? — подхватил Орест. — Эти вопросы составляют пробел в моем рассказе и я готов восполнить его. Дело в том, что я амулеты слимонил у набожного Али.

— Что-о? — с изумлением воскликнул Саша Николаич.

— Слимонил или спер, как говорят в эlegantном обществе, — хладнокровно объяснил Орест. — И более ценные из этих амулетов я обратил в капитал. Ответственность за это падает — замечу в скобках — всецело на вашу голову, гидальго, ибо вы принудили меня исключительно своей суровостью на этот поступок. Сам я никогда не решился бы! Но это между нами, ибо это моя государственная тайна. В отпущение за мое святотатство Али вонзил кинжал в мое чучело, думая, что убивает меня. Вот и все. А теперь позвольте мне обещанные средства и разрешите с вами рас-

кланяться!

— Вы хотите уйти? — спросил Саша Николаич.

— Кажется, гидальго, вы совершенно определенно заявили мне, что я вас должен оставить?

Настроение Саши Николаича изменилось уже давно. Как только выяснилось, что Агапит Абрамович связан узами таинственной секты со старым турком, которого он, в качестве своего сообщника, послал сюда, на мызу, так он совсем иными глазами стал смотреть на Крыжицкого, и все, что говорил этот господин, потеряло значение. Не было сомнения, что Крыжицкий расставляет какую-то сеть и не гнушается никакими способами.

Оресту удалось открыть это, и теперь Саша Николаич чувствовал к нему одну только благодарность.

— Я погорячился! — сказал он ему. — Я не спал всю ночь и был взволнован!

— Я тоже взволнован, гидальго, и потому ухожу...

— Послушайте, Орест, вы серьезно хотите уйти от меня?

— Совершенно серьезно! — невозмутимо ответил Орест.

— Навсегда?

— Нет, не навсегда!.. — убедительно протянул Орест, — Только до тех пор, пока не пропью только что обещанные вами моравидисы... Ну-с, к расчету стройтесь, гидальго!..

Нечего было делать! Саша Николаич отдал обещанные деньги и, когда Орест ушел, принялся читать книгу, где на французском языке была описана «ужасная секта изуверных мусульман, известная под названием сообщества ассасинов».

Глава LII

Вот что узнал Саша Николаич из старой французской книги.

Название «ассасины» дано секте рыцарями Западной Европы, которые познакомились с ней во время крестовых походов. Это название произошло от арабского слова «хаши-шиин», то есть «употребляющий зелье хашиш», род наркотиков, который добывается из листьев индийской конопли и которым одуряли себя члены этого религиозно-политического сообщества, назначаемые к исполнению изуверств и убийственных повелений своего начальника, так называемого «старца с горы». Слово «ассасин» (ассасен) вошло во французский язык и стало нарицательным для обозначения коварного убийцы или злодея.

Сами ассасины называли себя — «исмаилие», потому что вели свое происхождение от Исмаила, сына шестого имама, наследника пророка Джафара-Садека и считали его Мегдием, или последним имамом.

Основателем секты был Хассан-ибн-Саббаг,

уроженец города Рея. Его отец Али считался у своих земляков еретиком и атеистом за свои выходки против учения Магомета.

Чтобы освободиться от преследования, он послал своего молодого сына Хассана в учение к знаменитому богослову Муваффеку в Нишабуре. Хассан подружился в школе с двумя товарищами, выделявшимися там среди остальных. Они все трое вышли вместе из школы первыми учениками.

Эти товарищи Хассана были Омар Хайям, впоследствии сделавшийся известным как поэт и астроном, и Низами-эль-Мульк, знаменитый визирь при трех сельджукских султанах.

При выходе из школы они дали друг другу взаимную клятву в том, что тот из них, кто достигнет высокого чина или сана, должен разделить свою власть и богатство с двумя своими прежними товарищами.

Низами-эль-Мульк возвысился первым на степень визиря. Он ласково встретил Омара Хайяма, который первым явился к нему и назначил пенсию в двенадцать тысяч червонных.

Хассан десять лет жил в неизвестности и, наконец, тоже явился к влиятельному визирю. Низами-эль-Мульк сделал для него все, что мог, дал ему место, приблизил к султану, но Хассан плохо отблагодарил его.

Он успел втереться в доверие к султану и в милость, а потом оклеветал своего друга. Однако визирь сумел поправить дело, опять вернул себе власть и выгнал Хассана.

Последний удалился в Испагань, где он, злобствуя на визиря и султана, скрывался в доме одного из своих земляков, у Абу-ль-Фазля.

— Будь у меня двое верных друзей, я б доказал дружбу этим туркам! — сказал он однажды.

Абу-ль-Фазль принял его за сумасшедшего, потому что желание Хассана бороться с султаном и его визирем показалось ему сумасшествием. Он стал ухаживать за Хассаном, как за больным, и взялся приставать к нему с лекарствами.

Хассан сбежал от его лечения и потом, когда достиг своего могущества и выполнил свою месть, иногда говаривал Абу-ль-Фазлю,

сделавшемся одним из его ревностных последователей:

— Кто же из нас был сумасшедшим?..

Хассан начал свою проповедь, переходя из города в город, однако был схвачен как еретик и посажен в Дамиетскую крепость.

В это время внезапно и, по-видимому, без всякой причины, обрушилась одна из башен этой крепости. Суеверный страх объял тюремщиков Хассана и они отправили его, закованного, на корабле к западным берегам Африки. Корабль в пути потерпел крушение, но Хассан спасся и был прибит волнами к берегам Сирии.

Он возобновил свою проповедь и успел приобрести столько последователей, что ему оставалось только где-нибудь утвердиться, чтобы открыто провозгласить свое учение. Он облюбовал укрепленный замок Аламут в Северной Персии, в гористом округе Рутбара.

Предварительно он послал туда своих «даи», то есть проповедников, чтобы склонить на свою сторону население замка. Даи действовали успешно и Хассан завладел замком.

Это случилось в 1090 году, к которому, собственно, и относится, так сказать, официальное основание секты ассасинов.

Главным правилом нового учения было истребление всего, что не принадлежало к секте. Для самих же ассасинов главным был тезис: «Истины на земле нет и потому нет ничего запрещенного».

Поставив такой тезис в основание своего учения, Хассан для собственной безопасности должен был соблюдать осторожность и потому открывал свой тезис только приближенным, то есть посвященным в высшую степень общества.

Всего в секте было семь степеней. В первой считался только глава, сам Хассан, он назывался шейхом-эль-джебал, «старейшиной горы», и члены секты титуловали его «сидана», то есть «господин наш».

В средневековых легендах, принесенных крестоносцами с Востока, «старейшина горы» часто фигурирует как знаменитый «le vieux de la montagne».[10] Он носил белое платье и безвыездно жил в Аламуте.

Слепое повиновение ему было священным

для членов секты и составляло источник их силы и значения.

За ним следовали «дан-эль-кебир», «великие призыватели» или главные проповедники. Они были наместниками в других замках и тоже носили белую одежду.

В третьем разряде находились простые даи, вербовщики. Они посылались для распространения секты и привлечения в нее новых членов.

Только эти три степени были посвящаемы в тайны.

Составлявшие четвертую степень, рефик, «товарищи», только готовились к посвящению.

Пятую составляли «федави», «обреченные», они были исполнителями повелений «старейшины горы» и, не щадя себя, готовы были на убийство и на всякую жестокость. Они носили белого цвета одежду, красные колпаки, красные сапоги и кушаки, что служило эмблемой их преданности и готовности пролить кровь.

Шестой разряд составляли «лассек», «приставшие», новички, только что вступившие в

орден.

Наконец, на седьмом считали профанов, не принадлежащих к секте, но преданных ей, то есть простой народ.

Хассан дал письменные наставления членам своего ордена, нечто вроде катехизиса секты.

«Не бросайте семена на бесплодную почву, — учил этот катехизис, — и не толкуйте в доме, где горит светильник».

Это означало, что должно искать и вербовать только способных и что не следовало проповедовать среди людей благочестивых, твердых в своей вере.

На основании таких и подобных речений Хассан умел образовать верных и преданных себе слуг, каких еще не имел тогда никакой повелитель.

Проповедники Хассана начинали с того, что, наметив какого-нибудь (по преимуществу юношу, горячую и отчаянную голову), они искусно возбуждали в нем сомнения насчет правоты учения Магомета и разжигали в нем желание найти счастье в лоне их секты. Убедив его в тленности земного мира, ему да-

вали хашиш и, когда он впадал в сон, относили в шатры, находившиеся в великолепных садах Аламута, где все блистало роскошью и где посвящаемый просыпался на богатом ложе, слышал звуки музыки невидимого оркестра, находил прелестнейших дев и мог предаваться всем чувственным наслаждениям. Затем его опять усыпляли с помощью хашиша и давали очнуться в суровых и малоприветливых стенах замка. Он не знал, что это было с ним — сон или действительность; ему объясняли, что он чарами был перенесен в будущую жизнь и эта будущая жизнь казалась посвящаемому столь соблазнительной, что он готов был на все.

Посвящаемому говорили, что он может ожидать еще больших благ по смерти, если проведет свою жизнь в безусловном повиновении старшим. Ему обещали, что он тогда попадет в рай и найдет в этом раю семьдесят тысяч лугов шафранных, на каждом из которых семьдесят тысяч дворцов, в каждом дворце семьдесят тысяч комнат и в каждой комнате семьдесят тысяч столов с яствами и питиями, и семьдесят тысяч прелестнейших дев.

Юноша восплалялся желанием принести себя в жертву секте, чтобы насладиться этими блаженствами, и только искал случая, чтобы доказать вождям свою преданность.

Один из крестоносцев, Генрих, граф Шампанский, посетил главу ассасинов, был там принят с огромными почестями. «Старейшина горы» водил его по своему замку и, дошедши до одной из высоких башен, где у каждого зубца стояло по одному федави в белом плаще с красным кушаком, он показал на них графу и сказал:

— Ты, верно, не имеешь таких преданных слуг?

Он взмахнул два раза рукой, и два федави немедленно бросились с высоты и разбились о каменистое подножие башни.

— Если хочешь, — сказал он, — и все остальные низвергнутся по моему знаку!

Имея таких людей, чего еще не мог сделать глава ассасинов?

Они были тем страшнее, что их нельзя было отличить от обыкновенных людей. Когда это требовалось, они притворялись суннитами, шиитами, даже христианами, втирались

в дружбу к избранной жертве и при первом же удобном случае исполняли приговор старейшины.

Одной из первых жертв Хассана был визирь Низами-эль-Мульк, а за ним и сам султан сельджуков.

Вскоре ужас, наводимый ассасинами, распространился повсюду; народ страшился показывать к ним малейшую неприязнь.

Мусульманские богословы предали их проклятию, имам Аль-Газали издал даже целое послание против проклятых нечестивцев. Власти взялись за оружие.

Пойманных федави казнили самым ужасным способом, но это не останавливало их. Султан Санджа послал войско под начальством атабека Ширгира для истребления главного гнезда ассасинов замка Аламута. Но атабек был умерщвлен, а султан Санджа, проснувшись однажды, увидел у самого своего изголовья священный кинжал ассасинов, воткнутый в стену с запиской от «Старейшины горы»: «Только по нашему расположению к султану кинжал воткнут не в его сердце». Устрашенный Санджа поспешил отозвать

войска, закрепил за ассасинами их замки и обещал выдавать им ежегодную субсидию...

Хассан оставил после себя целый ряд преемников, которые управляли сектой, продолжавшей открыто существовать до 1256-го года, то есть до нашествия монголов. Последние истребили владения не желавших им покориться ассасинов и разогнали секту.

Однако ассасины продолжали свое дело, превратившись в тайное сообщество, пока, наконец, Абу-Саид не начал бороться с ними духовным оружием, то есть проповедью правоверного исламизма.

Мало-помалу с течением лет секта была низведена до размера тайного сообщества, которое уже негласно существовало у турок до новейшего времени, сохраняя свою иерархию, амулеты и священный кинжал.

Глава LIII

Крыжицкий занимал целый апартамент, состоявший из нескольких небольших комнат в гостинице, где вместе с ним жила и его наложница-турчанка Фатьма со своим евнухом.

Каждый день, когда Агапит Абрамович вставал утром, он подходил к окну и внимательно глядел на противоположную сторону улицы. Так было условлено между ним и Али, которого он направил на мызу к Саше Николаичу. В случае, если бы удалось раскрыть место, где на мызе хранилось богатство, он должен был бы прийти в город, чтобы сообщить об этом Агапиту Абрамовичу.

Но Крыжицкий был слишком осторожным человеком, чтобы не скрыть своих сношений с Али.

Турок и по своей внешности и по языку легко мог быть замечен и это привело бы к совершенно лишним осложнениям. Поэтому Агапит Абрамович и дал турку такую инструкцию. Он должен был ранним утром выйти с мызы, явиться в город и не показываться

в самой гостинице, а только встать против ее окон на противоположной стороне улицы и ждать, пока не увидит знака в окне, который даст ему Крыжицкий, махнув платком. Тогда Али должен был отправиться в условленное место, на пустынный берег моря, где они могли бы встретиться и разговаривать совсем свободно.

Агапит Абрамович подошел к окну, несмотря на то, что только вчера был на мызе, видел Али и говорил с ним. Он подошел к окну так, вроде бы просто по привычке, и, к своему удивлению, увидел турка, стоявшего на улице напротив гостиницы.

«Неужели он смог что-нибудь сделать за ночь и выследить?» — подумал Крыжицкий и махнул платком.

Турок заметил сигнал, повернулся и торопливым шагом пошел по направлению к морю.

Делать было нечего, приходилось идти и Крыжицкому.

.....

Агапит Абрамович уже успел изучить местность и направился к условленному ме-

сту окольными путями, будто просто гулял в качестве любознательного путешественника для собственного удовольствия.

Когда он пришел на берег моря, Али уже ждал его там.

День был серый, пасмурный; разошедшиеся было на заре тучи снова покрыли небо плотного, густою, неприятною для глаз пеленой. Прибой с шумом накатывался на камни; волны набегали, закидывались пенным гребнем и шуршали потоками, лившимися маленькими каскадами и кипевшими между камнями. Вдали, на взморье, виднелись темно-серые паруса рыбачьих лодок, но прибрежная полоса влажного песка, скрытая уклоном искусственно возвышенного берега, была пуста.

Здесь встретился Крыжицкий с турком.

Али стоял серьезный, мрачный и неподвижный. Увидев Крыжицкого, он не пошел навстречу ему, а ждал, пока тот подойдет к нему.

— Ну, наконец ты разузнал то, что нужно? — стал спрашивать Агапит Абрамович подходя.

Турок покачал головой и возразил:

— Я знаю только то, что мои амулеты пропали!

— Ты все об этом! — перебил его Крыжицкий. — Я тебя спрашиваю, сделал ты что-нибудь или нет?

— Сделал! — сказал турок.

— Ну, говори, что?

— Я убил гяура, который осмелился похитить у меня священные амулеты и надругаться над ними.

— Ты убил? — изумленно спросил Крыжицкий.

— Да, — продолжал Али, — священным кинжалом, и теперь ты должен укрыть меня и спрятать, а то, конечно, неверные этой страны захотят мстить мне.

— То есть попросту тебя возьмут и будут судить?

— Так вот, чтобы меня не судили, ты и должен меня укрыть.

— Да ты с ума сошел! — воскликнул разгневанный Агапит Абрамович. — Как же ты на это решился?.. Здесь ведь не Восток, где подобные выходки могут остаться безнаказан-

ными! Наконец, ты своим безумным поступком можешь погубить огромное дело, к которому я по неосторожности допустил тебя!

Крыжицкий начинал все более и более горячиться, по мере того, как все яснее воспринимал то, что случилось, и соображал, что из этого может выйти.

— Я тебя не прошу, чтобы ты судил меня! — возразил турок довольно дерзко. — Я говорю и повторяю, чтобы ты скрыл меня и помог мне уйти из этой страны, которую ты знаешь лучше меня...

— Но я ничего не могу сделать для тебя, иначе я и сам запутаюсь! — возразил Агапит Абрамович.

— Тогда я не прошу, а приказываю тебе! — повысив голос, возразил Али.

— Ты мне приказываешь?!

— Да, я, посвященный в степень даи-элькебир, приказываю тебе, как федави, исполнить мою волю!

— Ты посвящен во вторую степень? — с изумлением спросил Крыжицкий.

— А ты думал, что я остался таким же федави, как ты? — вопросом на вопрос ответил

ему турок. — Но ты уже давно предался гяурам и употреблял силы нашего сообщества на их пользу. За это сам ты был приговорен к смерти, и я отправился в Россию, чтобы исполнить над тобой приговор. Судьба, великая судьба, велением которой все совершается, послала тебя навстречу мне и я встретил тебя в крымском городе. Там простым матросом я поступил на шхуну, на которой ты должен был отплыть, и я это сделал с тем, чтобы выбрать время для исполнения приговора. Удобного случая не представилось, и, когда мы приплыли сюда, ты рассказал мне об огромном богатстве, и я позволил тебе жить, чтобы закончить дело и получить богатство для нашего народа, для нашего общества. Знаю, ты предназначаешь его для другого, но я не дал бы тебе воспользоваться этим богатством. Теперь обстоятельства изменились; я должен был отомстить гяуру за святотатство его и, если ты поможешь мне скрыться, я прощу тебя и возьму на себя твою жизнь.

Крыжицкий задумался: он знал фанатизм этих сектантов, знал, что слова Али не простая угроза, но, вместе с тем, скрыть этого че-

ловека было невозможно. Его положение, если бы он спрятал Али, становилось опасным здесь, один на один с турком, способным на все, на этом безлюдном берегу, где трудно было бы ждать помощи.

Вдруг у Крыжицкого мелькнула мысль, которая давала возможность подействовать на Али.

— Ты мне приказываешь, — сказал он, — как даи-эль-кебир?

— Я приказываю тебе, — отозвался турок, — как федави, находящемуся на низшей степени, чем я.

— Ну а если я в равной степени с тобой?.. И я такой же даи-эль-кебир! Тогда ты не можешь приказывать мне или приводить в исполнение свой приговор.

— Тогда покажи амулеты, доказывающие твое посвящение! — сказал Али.

Крыжицкий достал купленные им вчера у Ореста амулеты и показал их. Тот сперва взглянул на них благоговейно, но потом, вдруг схватив один из амулетов, покрутил его и, задрожав всем телом от злобы, прохрипел сдавленным голосом:

— Это мой амулет!.. Ты, совращенный гяурами, не знал, что каждый даи-эль-кебир имеет на амулетах свой опознавательный знак, и тут стоит мой знак!.. Теперь я понимаю все: никакого богатства на мызе нет, но ты послал меня туда, соблазнив этим богатством, чтобы там твой сообщник, этот пьяный гяур, украл у меня священные амулеты для тебя! Ты захотел выдать себя за посвященного в высшую степень и для этого избрал такой путь! Теперь понятно, почему амулеты пропали именно в тот день, когда ты приехал на мызу! Но твое вероломство против высшего не пройдет тебе даром!..

Сказав это, Али кинулся на Крыжицкого, схватил его за горло и повалил на землю.

Между ними завязалась отчаянная борьба. Крыжицкий, защищаясь, успел выхватить собственный кинжал, но Али схватил его за руку и стал отнимать оружие; они несколько минут, боролись со стиснутыми зубами, понимая, что борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Хотя Али и был старше с виду, но он оказался сильнее, успел отнять кинжал у Кры-

жицкого и полоснул им по шее.

Рана была глубокая... хлынула кровь; но ведь достаточно было сделать этим кинжалом и маленькую царапину, потому что его лезвие было отравлено.

Несколько таких царапин Али увидел и на своих руках и в ужасе вскочил, оставив Крыжицкого, истекавшего кровью, который уже хрипел на песке в предсмертных конвульсиях, вздергивая руками.

Увидев царапины на своих руках, Али понял, что и для него все кончено! Он знал, что противоядия здесь не существует, но все-таки бросился бежать, сам не зная зачем и куда. Однако силы его быстро оставляли, яд подействовал, и он упал...

Глава LIV

Прочитав книгу об ассасинах, Саша Николаич захлопнул ее, вполне удовлетворенный своим чтением. Теперь он мог с большею или меньшею вероятностью предполагать, что слова Крыжицкого, причастного к изуверской секте, были ложью! Оресту посчастливилось открыть связь этого господина с Али и теперь оставалось только окончательно удостовериться, что они между собой связаны.

Удостовериться в этом Саша Николаич мог легко. Стоило только поехать в город и проследить, не укрыл ли у себя Крыжицкий бежавшего Али, уверенного, что им совершенно не мнимое, а действительное преступление.

Саша Николаич так и решил сделать.

Он позавтракал, велел заложить лошадей и, взяв с собой француза Тиссонье, всегда служившего ему переводчиком, поехал в город.

Там они быстро нашли гостиницу, где остановился Крыжицкий, и Саша Николаич очень удивился, когда после вопроса его об Агапите Абрамовиче привратник как-то смутился и убежал, а вместо него появился сам

ХОЗЯИН.

— Вам угодно видеть господина русско-го? — спросил он.

— Да! Его фамилия Крыжицкий! — пояснил Тиссонье.

— А вы знаете, что с ним случилось?

— Нет!

— Вы родственники или знакомые?

— Ни то ни другое. Он приезжал к нам на мызу вчера по делу, и нам надо его видеть.

Хозяин вздохнул и поднял взор к небу.

— К сожалению, вы опоздали!.. Его только что нашли на берегу моря зарезанным; а недалеко от него находился труп неизвестного человека, по-видимому, восточной народности.

— Турка? — спросил Саша Николаич.

Хозяин говорил по-французски и разговор шел на этом же языке.

— Может быть и турка! — произнес хозяин.

— Да ведь это наш! — воскликнул Тиссонье.

— То есть как ваш? — задал вопрос хозяин.

— У нас в услужении был турок, который

бежал сегодня рано утром и пропал без вести, — пояснил Тиссонье.

— Но, позвольте, вы должны заявить властям!

— Мы с удовольствием заявим о том, что знаем.

— В таком случае, — сказал хозяин гостиницы, — я вас попрошу подняться наверх, там как раз идет допрос турчанки, которая приехала сюда с этим русским! Ужасные нравы у них там, на Востоке!.. В нашем городе и вдруг такое происшествие!..

Саша Николаич и Тиссонье оказали большую помощь при допросе, потому что ни турчанка, ни евнух ни по-голландски, ни по-английски, ни по-французски, ни по-немецки не говорили, зато понимали по-русски, а для допроса требовался переводчик.

Саша Николаич и Тиссонье взяли на себя эту роль.

Саша Николаич переводил с русского на французский, а Тиссонье — с французского на голландский.

Таким образом, полицейский агент смог узнать, что турчанка с евнухом решительно

ничего не могут показать по данному делу. Зато рассказ о турке, сделанный Сашей Николаичем, был воспринят полицейским с живым интересом, и он все записал в протокол от слова до слова.

Полицейский опечатал вещи, принадлежащие Крыжицкому (он, собственно, главным образом, и являлся за ними в гостиницу), и ушел, оставив Сашу Николаича и Тиссонье в обществе турчанки и евнуха.

— Да! — сказал евнух. — Наш господин погиб ужасной смертью, но теперь, дело прошлое, можно и говорить!.. Он был достоин такой смерти!

— Вот как? — удивился Саша Николаич. — Почему вы так думаете?

Евнух, как бы спохватившись, что у него от излишнего волнения вырвалось из уст неосторожное слово, сейчас же стал отнекиваться:

— Впрочем, я ничего не знаю!.. Я говорю так, потому что люблю составлять гороскопы, а по гороскопу выходило, что наш господин умрет страшной смертью!

Разговор евнуха о гороскопе показался Са-

ше Николаичу не совсем искренним и правдоподобным, и он, желая узнать о жизни Крыжицкого возможно больше подробностей, решил прикинуться, что знает больше того, чем это было на самом деле.

— Ваш господин, — сказал он, — принадлежал к секте...

Евнух вздрогнул.

— Вам известно об этом? — проговорил он, строго сдвигая брови.

— Да, я могу судить по некоторым данным...

— А вы знаете, какая это секта? — спросил евнух.

— У нас их называют «ассасины», — сказал ему Саша Николаич, — а у вас «исмаилие», кажется?

— Да. Это ужасная секта, над которой висит проклятие каждого правоверного!

— Но, в таком случае, как же вы служили ему, если вы — правоверный мусульманин? — спросил Саша Николаич.

Евнух долго молчал, не зная, что ответить. Прямо поставленный Сашей Николаичем вопрос застал его врасплох.

— Видно, я вам должен сказать правду! — произнес он наконец. — Фатьма, оставь нас! — обернулся он к турчанке.

Та, сверкнув глазами из-под окутывавшего ее лицо платка, все же послушно встала и вышла в соседнюю комнату.

— Знаете что! — обращаясь к Саше Николаичу, сказал Тиссонье, которому скучно было присутствовать при разговоре на непонятном ему русском языке. — Я пойду вниз, в общий зал, а вы, когда закончите разговор, зайдите за мною!

Саша Николаич согласился с этим.

— Ну, теперь мы одни! — продолжал евнух, когда француз тоже ушел. — И я теперь скажу вам правду, чтобы вы не могли упрекнуть меня, что я — не правоверный мусульманин. Я служил не этому, умершему страшной смертью человеку, а другому, который приставил меня к нему и который для меня и Симеона был благодетелем.

— Какого Симеона? — удивился Саша Николаич.

— Таким было истинное имя убитого, — объяснил евнух. — Его звали Симеон Ассема-

ни. Давно-давно он был благодетельствован одним человеком, но отплатил ему предательством. Боясь мести, он скрылся.

— Ну, что же! Он только пошел по стопам Хассана, основателя секты, тот тоже поступил так же.

— Да, да, вы знаете историю вероломного Хассана — Симеон пошел по его стопам, вы правы! — произнес евнух. — Много лет протекло с тех пор, как он предал своего благодетеля. Тому тоже пришлось скрыться из-за такого предательства Симеона. Он уехал в чужую страну и так изменил свой облик, что его невозможно стало узнать. Они снова встретились с Симеоном и тот не признал своего бывшего благодетеля, хотя тот узнал его тотчас же. И вот Симеон стал вредить ему. Он всем вредил, а тут он хотел занять место этого человека. Этот же человек приставил меня к Симеону, чтобы я следил за ним и предотвращал его предательство...

Нельзя было сказать, чтобы рассказ евнуха был особенно связным, но самую суть Саша Николаич понял. Все более и более личность Крыжицкого вырисовывалась в непригляд-

ном свете, и, чем определеннее становилось это, тем спокойнее чувствовал он себя. Разговор с евнухом утешил его...

Глава LV

— Вы знаете, какой сейчас со мной произошел случай? — сказал Тиссонье Саше Николаичу, когда они снова сели в бричку, чтобы ехать домой на мызу. — Представьте себе, что я сошел в общую столовую, оставив вас с этим типом — евнухом, сел за столик и спросил себе газету и кофе, чтобы не сидеть так, без ничего. Вдруг ко мне подходит слуга и говорит: «Господин Тиссонье (меня тут, слава Богу, знают), не можете ли вы оказать нам помощь?» — Я ему отвечаю: «В чем дело, мой друг, и какая вам от меня нужна помощь?» «У нас тут больной постоялец, — говорит слуга, — он иностранец». «Тогда пойдите за доктором, — советую я, — если он болен». Доктор, оказывается, ходит к нему два раза в день, потому что его болезнь очень серьезна и он почти при смерти. Я пожимаю плечами и говорю: «Что же я могу сделать?» Но дело в том, что иностранец может объясняться по-французски и по-русски, а слуга-голландец не может понять его. Больному что-то нужно, он сердится, а понять его не могут. Хозяин, кото-

рый говорит по-французски, отлучился по делу об убийстве... Так вот слуга просит меня пойти и узнать у больного, что ему нужно. Я, конечно, с удовольствием иду. И представьте себе мое удивление, когда в больном иностранце я узнаю, кого бы вы думали?

Тиссонье замолчал, ожидая, что скажет Саша Николаич, но тот был занят своими мыслями и для него говор француза смешался со стуком колес брички.

— Право, не знаю.

— Вы и не можете знать! Этого угадать нельзя. Иностранец оказался моим петербургским знакомым...

— Даже петербургским? — изумленно воскликнул Саша Николаич.

— Представьте себе, да! — ответил Тиссонье. — Это был господин Кювье, который состоит членом мистического общества. Он с помощью духа указал мне, где найти Александра Никола, правда, его Александр Никола оказался не настоящим... Но все-таки такая встреча!.. Я никак этого не ожидал...

— Как же он попал сюда? — спросил Саша Николаич.

— Знаете, эти члены мистических обществ — их не разберешь!.. Они повсюду путешествуют...

— Но как же он путешествует по стране, не зная языка и не взяв себе переводчика?

— Он сюда приехал со своим приятелем, который до сих пор объяснялся за него...

— А теперь что стало с его приятелем?

— Да его убил Али... — ответил Тиссонье.

— Так приятелем нашего больного господина был Крыжицкий?!

— Вот именно!

— Позвольте! — сообразил Саша Николаич. — Это тот самый, вы говорите, Кювье, который указал вам другого наследника вместо меня?

— О, да!.. При помощи духа, но тот ошибся!..

— И он — приятель Крыжицкого и приехал сюда вместе с ним? — произнес Саша Николаич. — Это очень интересно!

— Он приехал сюда и заболел, — продолжал француз. — Он, действительно, кажется, очень плох... Ему долго не прожить...

— Познакомьте меня с ним?

— Разве он поправится только... А теперь это едва ли возможно...

— Нет, мне надо сейчас, и как можно скорее! — настойчиво произнес Саша Николаич. — Поймите, что если они знают друг друга, то тогда очень важно, что он зачем-то указывал вам подставное лицо как наследника, в то время как Крыжицкий вел со мной дело по поводу какого-то или того же наследства...

— В самом деле, это так! — воскликнул Тиссонье, пораженный таким открытием. — Надо это выяснить... Хотя едва ли, — добавил он сейчас же, — можно будет добраться до чего-нибудь: один уже убит, а второй совсем при смерти...

— Нет, — произнес Саша Николаич, — тут словно бы целая шайка, — я ведь еще и третьего знаю...

— Где же он?

— В Петербурге. Зовут его Андрей Львович Сулима.

— Какие странные у русских бывают фамилии! — покачав головой, произнес Тиссонье.

В то время как француз и Саша Николаич

ехали разговаривая, евнух Магомет сидел в гостинице и писал письмо:

*«Всемилоостивейший благодетель!
Воля Неба свершилась и злодей нашел наказание за свою неправедную жизнь. Сегодня его труп нашли на берегу моря. Его убил тот самый турок, который был старым матросом, взятым с греческой шхуны, о чем я, равно как и об их разговоре, случайно подслушанным Фатьмой, доносил вам в свое время. Старый турок также принадлежал к секте «Исмаилие», как я и предполагал. Он убил Симеона их «священным кинжалом», боролся с ним, ранил себя в борьбе и тоже умер, отравленный ядом. Что мне делать с Фатьмой и куда везти ее? В ожидании ваших приказаний остаюсь здесь.
Предаю себя вашей милости, верный слуга ваш Магомет.»*

Докончив письмо, евнух сложил его, запечатал и надписал адрес: «В Санкт-Петербург, господину и кавалеру Андрею Львовичу Сулиме».

Глава LVI

На другой день Саша Николаич с Тиссонье опять отправился в город. Им нужно было там быть по делу об убийстве Крыжицкого для дачи подробных показаний об Али перед следователем, и, кроме того, Саша Николаич рассчитывал увидеть больного Кювье, который, весьма вероятно, интересовал его вследствие своих сношений с Агапитом Абрамовичем.

Тиссонье вошел в комнату больного и появился оттуда с вытянутым, унылым, взволнованным лицом.

— Ну, что? — спросил Саша Николаич, ожидавший его в коридоре.

— Он очень плох. У него только что был доктор. Он совсем умирает...

— Значит, мне нельзя его видеть?

— Напротив, он просит, чтобы вы как можно быстрее навестили его. Он просил, чтобы вы оставил вас с ним одного, так как хочет с вами поговорить...

— Тогда пойдете...

Они вошли в комнату больного. Занавески

на окнах были задернуты. Стоял полумрак, и Саша Николаич, войдя со света, не мог разглядеть сразу, что было кругом.

Тиссонье подвел его к большой кровати, выдвинутой на середину комнаты так, чтобы можно было подойти к ней со всех сторон.

— Вот тот настоящий Александр Никола, который получил в наследство мызу, — сказал Тиссонье и, исполняя желание больного, сейчас же удалился, оставив Сашу Николаича с ним наедине.

На постели лежал, сползши головой с подушек, бледный, исхудалый человек, похожий на скелет, обтянутый кожей, тонкой и почти прозрачной. Он смотрел на Сашу такими тусклыми, но, вместе с тем, такими пронзительными глазами, которые бывают только у умирающих и которые, кажется, видят больше, чем обыкновенные, здоровые люди. Впоследствии Саша Николаич никак не мог забыть этот взгляд.

— Тяжело! — с трудом шевеля губами, произнес Кювье.

— Так вы бы лучше не разговаривали, я по дождю, посижу тут...

Саша Николаич опустил на стул, с искренним соболезнованием взглянув на больного и уже забыв о своих делах. Ему хотелось лишь одного: сделать сейчас что-нибудь такое, чтобы Кювье стало легче.

— Надо говорить, — опять произнес Кювье, — ждать некогда. Времени мало! Я не доживу до завтра!

— Отчего же? Кто может знать это! — попробовал утешить его Саша Николаич.

— Мне доктор прямо сказал, чтобы я сделал свои последние распоряжения, но я, главное, и сам это чувствую. Вы, может быть, удивлены, что я просил вас прийти ко мне...

— Нет, располагайте мною! — ответил Саша Николаич.

— Я просил вас прийти, чтобы расстаться с жизнью хоть немножко примиренным, — заговорил Кювье. — Вы знаете, зачем мы приехали сюда — я и убитый Крыжицкий?

— Наверное не знаю, но, кажется, догадываюсь по некоторым данным... — ответил Саша Николаич.

— Вероятно, ваши догадки справедливы, — продолжал больной. — Мы явились сюда, что-

бы так или иначе воспользоваться состоянием, перешедшим к вам... Ведь, кроме мызы, вы получили большое богатство, спрятанное на ней...

«А вдруг все это — комедия? — пришло в голову Саше Николаичу. — И он притворяется, чтобы узнать у меня наверняка, нашел ли на мызе деньги или нет?»

Но в ту же минуту эти мысли оставили его. Таким, каким теперь лежал больной перед ним, нельзя было притвориться.

— Не думайте, что я желаю хитрить сейчас, — продолжил Кювье, как бы прочитав его мысли. — Уверяю вас, что я вижу свою смерть и хочу откровенно предупредить вас. Мне кажется, что сама судьба благоприятствует вам. Крыжицкий должен был остаться здесь, а я поехать в Париж и орудовать там. Но я заболел и был вынужден слечь, а Крыжицкий погиб страшной смертью... Но, когда меня не станет, не думайте, что вам некого будет бояться. Самый сильный из нас все еще остается в живых...

— Андрей Львович Сулима? — спросил Александр Николаев.

— Вы знаете его! Тем лучше! Берегитесь его! Теперь мне уже нечего больше бояться этого человека, но он много лет держал меня в своей власти и заставлял делать все, что он желал. Он узнал мою тайну и искусно пользовался этим. Он — один из главарей тайного общества...

— Какого? — нетерпеливо спросил Саша Николаич.

Кювье с трудом подвинулся на постели к Саше Николаичу и тихо ответил:

— «Восстановления прав обездоленных». Но об этих правах члены общества заботятся своеобразно, больше в свою пользу. Вы были одной из намеченных жертв. Теперь, когда вы предупреждены, поступайте как знаете...

— Благодарю вас! — воскликнул Николаев.

— Погодите! — перебил его больной. — Я не все еще сказал. Я предупредил вас, хотя и с искренним желанием помешать злу, но все-таки не совсем бескорыстно... Скажите, вы собираетесь назад, в Россию?..

— По всей вероятности, я поеду туда.

— Вы, наверное, поедете. Вы все-таки по воспитанию — русский, да и родились от рус-

ской. Все это скажется, вам не высидеть за границей Я это знаю по себе. Как, бывало, я тосковал и мучился, пока не получил возможности снова вернуться на родину!.. И вы, не сомневаюсь, захотите тоже... Ну, так вот, когда вы поедете в Петербург, исполните мою просьбу... Передайте... Мне трудно двинуться... Я не в силах... Под подушкой лежит небольшой портфель... Достаньте...

Саша Николаич поспешил исполнить желание больного и достал портфель.

— Передайте этот портфель, — продолжал Кювье все более и более слабеющим голосом, — моей дочери. Она не знает меня, как и вы не знали своего отца, но по другой причине... Ведь и ваш отец не мог видиться с вами и назвать вас своим сыном, но он любил вас. Так и я любил свою дочь... Кроме нее никого у меня не было. И я не мог видеть ее... потому что не знал, где она. Передайте же ей этот портфель. Здесь все, что я сумел сохранить для нее за всю свою жизнь. Пусть она хоть раз вспомнит об отце!..

Саша Николаич был повержен в полное недоумение, понятное нам, поэтому с удивле-

нием спросил:

— Как же я передам, если вам самим неизвестно, где найти ее?

— Теперь мне известно это. Я узнал перед самым отъездом из Петербурга, но мне не позволили увидеться с нею, и я был вынужден уехать из города, не повидав ее. Впрочем, открыть ей тогда, что я — ее отец, едва ли я бы решился...

— Отчего же?

Оттого, что едва ли она бы захотела признать такого отца. Ведь я — бывший граф Сергей Савищев, грустная история которого вам, конечно, известна. Вы понимаете теперь, почему я вынужден укрываться под чужой мне фамилией Кювье... Сулима знал мою тайну и, владея ею, владел и мною...

— Так воспитанница Беспалова — ваша дочь?! — воскликнул Саша Николаич.

— Да, и передайте ей портфель от меня. Теперь я все сказал...

Умиравший тяжело, глубоко вздохнул.

— Еще один вопрос, — проговорил Саша Николаич. — Известно ли вам происхождение денег, которые оставил мне мой отец?

— Известно!

— Ради Бога, — начал было Саша Николаич, но не договорил, потому что больной заметался на подушке, захрипел и глаза его потеряли осмысленное выражение... Он впал в беспамятство и не приходил в себя до вечера, когда после тяжелой и мучительной агонии скончался, покончив со своей несправедливой, мучительной земной жизнью...

Глава LVII

Наступили длинные зимние вечера, выпал снег, каналы Голландии замерзли и на их льду показались конькобежцы, старые и малые, живо скользя и заменяя этим способом передвижения обыкновенную ходьбу. Оголенные, обледенелые ветки стучали за окном. В широком камине, похожем на старинный очаг, пылали дрова.

Саше Николаичу нравились эти скучные, однообразные вечера, хотя и были они тоскливыми и навевали невольную грусть. Но это соответствовало его настроению и он не тяготился своим пребыванием на мызе, главным образом потому, что это пребывание вовсе не было принудительным и он мог каждую минуту по собственной воле прекратить его. Он читал, курил, беседовал с Тиссонье и изредка бранился с Орестом, когда тот уж чересчур предавался своей слабости.

Однажды вечером Саша Николаич сидел в креслах и рассеянно следил за причудливыми извивами красно-желтого пламени в камине, дрожавшими, исчезающими и появля-

Ющимися вновь.

Орест лежал на ковре на полу и грелся, находя такое положение тела для себя наиболее удобным, ввиду отсутствия дивана.

— Знаете, что я вам скажу, гидальго, — лениво начал он, не подымая головы: — Мы, должно быть, имеем с вами преглупый вид жертв, обреченных на заклятие. Не знаю, как я, а вы положительно похожи на унылого жертвенного теленка. Позвольте мне вас увенчать как жертву цветами моего красноречия? — Он приподнялся и сел на ковре, поджав под себя ноги по-турецки. — Позвольте мне сказать вам, — ударил он себя кулаком в грудь, — все, что накопилось здесь! Первое, что меня гложет, — тоска!

— По родине? — улыбнулся Саша Николаич.

— Нет, по бильярду!.. Пробовал я ее топить в вине, но не помогает. И, наконец, если всецело предаться вину, можно совсем спиться!

— Да вы уж, кажется, дошли до этого!

— Нет, гидальго, когда Орест сопьется, он чертиков ловить будет, зеленых крокодилов увидит... белых слонов... а пока еще сие при-

ятное общество меня не посещало! Как можно спиться?.. Я ведь тоже с понятием потребляю спиртной напиток, отравляющий алкогелем!.. Так вот, если вы вникли в мое рассуждение, то почувствуйте силу моего предложения! Поедем в такой город, где есть бильярд!

— А в Россию вам не хочется?

— Видите ли, гидальго! — ответил Орест. — Я должен признаться, что в России не только лучшие бильярды, но и самая правильная игра!..

— Неужели? — спросил Саша Николаич.

— Уверяю вас! Там можно и кием вильнуть два раза, и шарик, в случае чего, рукавом задеть! А в заграничных палестинах из-за таких пустяков придираются! Я было попробовал в Германии...

— Ну, и что же?

— Чуть не побили!.. Конечно, антагонизм рас!.. Их было десять немцев, а я — один русский, и потом они в своей стране, а я — пришелец!.. По-моему, это было не гостеприимно!.. То ли дело в России!.. Там даже частного пристава обыграть можно!.. А, подумайте, какое высокое общество!.. Эх! — с некоторым

вдохновением воскликнул Орест. — Теперь там, на далеком севере... В Петербурге щелкают в трактирчике шарики... Как это?.. Шар шаром дуплетом в угол!..

— Вам, значит, в Россию хочется? — спросил его Саша Николаич.

— А вам разве не хочется? Ну, побыли за границей... пожевали, да и за щеку!.. А теперь, по санному пути — расчудесное дело! И потом тоже, вы думаете, мне не тяжело?..

— Тяжело?!

Орест средним суставом пальца ковырнул себе глаз, как будто там были слезы, и воскликнул:

— А родителя не видеть!..

— Да насколько я знаю, вам это все равно! — возразил Саша Николаич.

— Значит, этим я не смогу тронуть ваше чувствительное сердце? — спросил Орест. — Тогда наплевать!.. Мы и без родителя другие предлоги найдем!.. Я так полагаю, что вы, собственно, против поездки в Россию ничего не имеете... Только ваша инертность не позволяет вам решиться! Все со дня на день откладываете! Сколько раз я вам говорил, гидальго,

что ваша инертность вас погубит!.. Бросьте, начните новую жизнь! Уж, хоть напейтесь как следует!.. Все-таки это будет порыв. Возьмите пример с меня... Хотите я напою вас вдребезги?.. Не желаете?.. Тогда одно средство!.. Я увожу вас в Россию! Завтра же вашим именем делаю все нужные распоряжения и прошу меня слушаться!.. Потом сами же меня благодарить будете!

Но Саша Николаич остановил его вопросом:

— Да чего это вы так усердствуете сегодня?

— Ах, гидальго, иначе нельзя!.. Надо честно отрабатывать свой хлеб!

— В каком это смысле?

— А в том, что я получу приличное вознаграждение, если уговорю вас поехать в Россию.

— От кого?

— От поющего тенором турецкого евнуха, состоящего при живой мумии — турчанке. Ему, видите ли, с этой особой нужно возвращаться в Петербург и он в последний раз, когда мы были в городе, посулил ублаготворить меня, если я уговорю вас ехать туда тоже... Он

боится пускаться в такое далекое путешествие, не зная языка и обычаев европейских стран. За ним тут и мальчишки уж по улицам бегают!.. Вот хитрый евнух и соблазнил меня подкупом, а я ему предался и готов, как верный раб, тут же предать своего господина!.. Итак, гидальго, айда в Россию!

— Ну, это же еще не сказано! — улыбнулся Саша Николаич.

— Гидальго! — укоризненно протянул Орест, вставая со своего места и вытягиваясь. — Да ведь мой-то гонорар пропадет тогда! Не могу же я испытывать исключительное давление вашего капитала над собой!.. Итак, завтра же я приступаю к распоряжениям...

Он сделал величественный жест рукой и удалился, а назавтра, действительно, приступил к распоряжениям.

Саша Николаич в том ему не препятствовал.

Глава LVIII

Прошло более полугода с тех пор, как Андрей Львович Сулима отправил Желтого и Фиолетового в Крым и теперь действовал в Петербурге только при помощи пяти человек, носивших остальные цвета. Однако интересных дел здесь у него не было, да он как-то особенно не гонялся за ними.

Маня жила у него в доме как у своего попечителя.

Выдался майский день, настолько теплый, что они вышли на балкон и сидели там после обеда.

— Когда же мы, наконец, поедем за границу? — спросила Маня, увидев издали завернувшую на Фонтанку карету с увязанными на ней вещами, сильно забрызганную грязью дорог. — Вот если бы нам в такую же хотя бы карету сесть и двинуться!

— Хоть в такую карету! — повторил Андрей Львович улыбаясь. — Да лучше такого экипажа и желать нельзя! Это великолепный дормез!

В это время карета подъехала к их дому и

остановилась у ворот.

Из нее вышел господин в дорожном плаще и шляпе. Он поднял лицо по направлению к балкону, увидел Сулиму и решительным шагом вошел в ворота.

Андрей Львович тоже увидел его и, быстро сказав Мане: — Это ко мне! — ушел навстречу гостю.

Встретил он его на лестнице.

— Ромео Паццини! Неужели это вы? — спросил он на итальянском языке, звучно и красиво отчеканивая слова.

Облик приезжего весьма мало соответствовал поэтическому имени Ромео. Годами он был не молод, станом далеко не строен и черты его были резкими. В особенности нос придавал ему, загнувшись словно клюв, сходство с вороном. Волосы у него были так ровно и густо черны, что не могло быть никакого сомнения в том, что он их красит.

Паццини поднялся по лестнице и, не здороваясь, сказал тоже на итальянском языке:

— Я к вам прислан из Парижа и явился прямо с дороги. Мне нужно сейчас же переговорить с вами.

Андрей Львович кивнул на кабинет головой и повел его к себе.

Тут Паццини вынул кокарду, составленную из всех семи цветов, с белым помпоном посередине и надел ее.

Сулима достал свою белую и тоже надел ее.

— Значит, разговор будет официальным? — спросил он.

— Совершенно! — ответил гость.

— Я слушаю! — воскликнул Андрей Львович и откинулся на спинку кресла.

Паццини тотчас же заявил ему:

— Тобою недовольны в Париже, и я прислан сюда, чтобы сменить тебя!

— Вот как? — воскликнул Андрей Львович и спросил: — А за что же?

— Хотя Верховный совет общества не обязан давать отчет в своих действиях членам, но я скажу тебе, что, вероятно, ты и сам признаешь, что действия в Петербурге были слишком небрежными. Но главное недовольство тобой за дело по наследству кардинала Аджиери. Упустить такой случай!

— Так! Значит, интрига против меня из

Крыма имела-таки свой результат!..

Паццини как будто немного удивился, но продолжал:

— Откуда бы ни были получены сведения, но, повторяю, упустить такой случай было ошибкой!

— Так что же не поправили этой ошибки Желтый и Фиолетовый, отправившиеся в Голландию без моего разрешения? — спросил Андрей Львович.

— Один из них был убит, второй умер, — ответил Паццини. — Но едва ли и такие опытные агенты, как они, могли поправить дело!

— Они его испортили, насколько могли! Николаев знает теперь больше, чем это следовало бы ему. Совет сам виноват, зачем не дал мне полных сведений о наследстве Аджиери!

— Теперь уже поздно рассуждать об этом!

— Рассуждать никогда не поздно! — возразил Сулима, — Хотя дело испорчено не по моей вине, но я поправлю его. Николаев под наблюдением преданного мне человека едет в Петербург и скоро будет здесь.

— Ты думаешь, что возможно что-нибудь еще сделать? — спросил Паццини.

— Возможно, если не забывать главного средства: людской психологии. На Николаева можно подействовать с этой стороны и у меня уже собрано все, что нужно для этого.

— Но, к сожалению, тебе не придется уже действовать! Тебе велено вернуться в Париж!..

— Мне велено?! — вдруг повысил голос Андрей Львович. — Да неужели ты думаешь, мой наивный друг Ромео, что можно так легко приказывать мне и повелевать мной?

— Однако если ты захочешь идти против совета... — попробовал возразить Паццини.

— Это совет сам хочет идти против меня, не зная, очевидно, кто я такой. Сознаюсь, я думал, что они там настолько проникательны и настолько все-таки осведомлены, что знают, с кем имеют дело!..

— Послушай! — остановил Сулиму Паццини, никак не ожидавший встретить с его стороны такой отпор. — Ты говоришь со мной как власть имущий!

— Я говорю так, потому что это мое право!

— Но власть над советом имеет только один!..

— Да, один, который, когда восемнадцать лет назад общество «Восстановления прав обездоленных» пришло в полный упадок, спас его своей находчивостью!

— Да, это был аббат Велла, избранный за это в верховные вожди.

— Но он был предан, посажен в тюрьму...

— И бежал оттуда, — закончил фразу Паццини. — А дальше о нем никто не имел никаких сведений. Неизвестно, жив ли он...

— Но неизвестно также и то, умер ли он?

— Поэтому и не было избрано другого верховного вождя. Даже предатель Веллы, Симеон Ассемани не был отыскан.

— Симеон Ассемани получил заслуженную кару от руки убийцы, — сказал Сулима. — И если ты хочешь знать, то вспомни убийство Крыжицкого.

— Крыжицкий был Симеоном Ассемани?! — изумленно спросил Паццини.

— А вы там, в Париже, не знали этого, как не знаете и где аббат Велла? Ну, так я объясню это тебе!

Сулима расстегнул жабо на груди, достал висевшую у него на шее сафьяновую сумочку

и вынул из нее сложенный в несколько раз пергамент.

— Читай! — сказал он, развернув и показав пергамент Паццини, но не выпуская его из рук.

— Ты... аббат Велла?! — тихо произнес Паццини, пораженный и смущенный вместе.

— Теперь ты убедился, что я имею власть приказывать? — произнес Сулима.

— Но отчего же ты до сих пор скрывался?.. Отчего не объявил себя в Париже, приняв управление всеми делами?

— Я управлял незаметно для вас и дела до сих пор шли недурно, — стал объяснять Андрей Львович. — Но поехать туда, к вам... Нет, я слишком стал осторожен для этого!.. Преданный раз, вторично я не дам провести себя!.. Вам нужно было утвердиться здесь, в этой стране, далеко лежащей к северу, и теперь, когда я настолько крепок здесь, что могу не бояться вас, теперь я вам открыл себя, и ты, Ромео Паццини, как ты есть, отправишься сейчас же в своей карете назад и с такою же поспешностью, как ты это хотел сделать со мной, сменишь моим именем председателя

верховного совета и сам займешь его место.

— Позволь мне хоть денек отдохнуть! Дороги, в особенности в России, ужасны!..

— Я не могу тебе дать ни дня, ни часа, ни минуты! — твердо сказал Сулима-аббат Велла. — Ты должен отправиться не медля!

Паццини покорно повиновался. Не уходящая с балкона Маня видела, как приехавший вышел из ворот, сел в свою карету, и она, сдвинувшись, закачалась на своих рессорах.

— Кто это был? — спросила Маня у вышедшего на балкон Андрея Львовича.

— Один дурак, — засмеялся он, глядя вслед удаляющейся карете, — которым я заменил другого, слишком умного.

Маня ничего не поняла, но не стала спрашивать дальше. Она по опыту уже знала, что Андрей Львович все равно не расскажет того, чего не захочет.

Глава LIX

Орест, как только приехал в Петербург вместе с Сашей Николаичем, который остановился в гостинице, первым делом отправился в трактир, свое заветное заведение, даже не заглянув в дом титулярного советника Беспалова.

В трактире он нашел много перемен. Во-первых, над бильярдом висела теперь новая лампа. Старую разбил пьяный купец, справлявший поминки по своему родителю. Из трех половых остался только один. Из бывших посетителей осталось мало, но зато явились новые.

Один такой, с видом завсегдатая, хиленький, худенький сидел в темном углу бильярдной.

— Ставь шар-р-ры Оресту Беспалову! — скомандовал Орест входя, и так испугал своим окриком состоявшего при бильярде мальчишку, что тот опрометью кинулся исполнять приказание.

Орест нашел на стойке свой прежний кий, который был ему замечательно по руке, и,

войдя в прежнюю атмосферу, огляделся, с кем бы сыграть поскорее, но, кроме хиленького, сидевшего в углу, никого не было.

Орест поморщился. Он не любил играть с неважными игроками, но ему очень хотелось попробовать свой удар на знакомом бильярде и он сказал хиленькому:

— Сыграем что ли?.. или на наличные!

Хиленький поднял голову, а Орест разинул рот и чуть было не выронил из рук кия.

— Да никак это ваше сиятельство, граф Савищев?.. — воскликнул он, едва узнав в хиленьком, потертом человечке прежнего молодого графа.

— А вы, кажется, Орест Беспалов? — проговорил Савищев, неловко поворачиваясь, как это делают любители в театре, когда они в первый раз попадают на сцену.

— *A vos services!*..[11] К вашим услугам! — расшаркался Орест. — Ну что, сыграем?

Савищев вытянул шею и медленно потер руки.

— Я пожалуй... только...

— Что только?..

— Нет, ничего, сыграем, если хотите!

И Савищев, стараясь быть развязным, как бы всем своим существом говоря: «Ну да, что ж такое?.. хочу, вот так и делаю!» — направился к стойке и взял первый попавшийся кий.

— Нет, позвольте! — остановил его Орест. — Деньги в лузу!.. Мы играем на франк?.. то есть, четвертак?.. Пожалуйста сюда двадцать пять копеек!

— Все равно, я потом отдам! — небрежно уронил Савищев.

Орест положил кий.

— Нет, так, ваше сиятельство, не ходят! Бильярдная игра — дело серьезное!..

Савищев передернулся и тотчас же спросил:

— Да у вас, у самих-то, есть деньги?

— Сколько угодно! — воскликнул Орест, вынул кошелек из кармана и постучал им о борт бильярда.

Савищев вдруг быстро подошел к нему и, схватив его за рукав, с беспокойною суетой, став вдруг очень похожим на мать свою, заговорил с загоревшимся взором:

— Это она дает вам деньги?.. Скажите, по-

жалуйста, вы видели ее?.. Да?.. Это она вам дает?

Орест прицелился на него взглядом, покачал головой и произнес:

— Нет! Он!..

— Какой он? — перебил его Савищев. — Я вас спрашиваю... про Маню. Про Марию...

Орест протяжно свистнул и провел рукой по воздуху для обозначения дальности расстояния, а затем сказал:

— Принчипесса возвысилась на такую ступень общественной лестницы, что нам не достать ее, хотя, правда, мы и сами теперь не то, что медведь в трубку наплевал, а до некоторой степени взысканы судьбой, благодаря известному вам Саше Николаичу.

Савищев сжал губы.

— А его дела поправились? — спросил он с нескрываемой завистью.

Орест пожал плечами и ответил:

— Я в его дела не вхожу... больше потому, что он, правда, сам мне о них не сообщает.

— Что же вы? — спросил Савищев. — Стоите теперь при нем?

— То есть, позвольте, бутон мой!.. как это я

состою?.. Мы с Сашей Николаичем — друзья, и он делится со мной всем, как бы я делился с ним, если бы у меня было, а у него — нет. Круговая дворянская порука... и только! Желаете, к примеру, выпить?.. Мой кошелек к вашим услугам!.. Хотите вина и фруктов?.. Человек! — крикнул он. — Принеси нам водки и соленых огурцов!

При виде принесенной водки Савищев совсем ослабел. Он с жадностью, дрожащей рукой, поднес полную рюмку ко рту и медленно стал запрокидывать ее, как бы высасывая пьяную влагу, как это делают настоящие пьяницы.

И этот бывший граф, еще полгода назад завтракавший в ресторане, с наслаждением пил теперь водку в плохоньком трактире на счет Ореста Беспалова, предаваясь этому занятию до тех пор, пока оба не дошли до бесчувствия.

Глава LX

Громадно же было удивление титулярного советника Беспалова, когда он утром услышал в коридоре, за шкафом, не то сопение, не то храп, свойственный обыкновенно Оресту.

Беспалов заглянул за шкаф, где стояло нетронутым логовище Ореста, как только он оставил его, и увидел в нем самого Ореста, продиравшего глаза и отдувавшего свои трехпаные усы.

Первое, что пришло в голову титулярному советнику, было то, что это ему померещилось, и он стал креститься.

— Что это вы молитесь на меня?.. или не нашли другого образа?.. — промычал Орест, чмокая губами и поднимаясь.

— Орестик! Голубчик... ты?.. — обрадовался Беспалов, по привычке распуская полы халата и приседая.

— Я-то я... — произнес Орест, — но позвольте, неужели все остальное было сном? гашиш?

— Что ты говоришь? — спросил титулярный советник.

— Секта изуверов... дурман... — отозвался Орест.

Титулярный советник боязливо попятился.

— Позвольте, родитель! — стал рассуждать Орест. — Я уезжал?

— Уезжал.

— Шесть месяцев тому назад за границу?

— Шесть месяцев тому назад за границу.

— Значит, все это не было сном? Но тогда как же я-то очутился здесь сейчас?

Беспалов так широко развел руками, что ударил трубкой по шкафу, и произнес:

— Не знаю!

— А я знаю теперь, сообразил! — воскликнул Орест. — Вчера я был пьян...

— Неужели только вчера, Орестик?

— Нет, и в другие дни тоже, по это не важно, а суть в том, что я был именно вчера пьян и напился в стародавнем трактире. Затем все понятно. В пьяном беспомыслии и бесчувствии я прошел по прежней инерции из трактира сюда по знакомой дороге.

— Ночью? — спросил титулярный советник.

— Разумеется.

— Но как же ты в дом-то вошел?

— В окно, по привычной своей дороге, — ответил Орест. — Я делал это машинально, как говорят поэты. У вас окно в кухне до сих пор, значит, без задвижки, на честное слово запирается...

— Да неужели без задвижки?

— Да-с, и отворить его при сноровке легко... Вот что значит привычка! — с некоторым восхищением продолжал Орест. — Попал по инерции...

— Ну, и, надеюсь, теперь останешься с нами?

— Ни-ни! Как же я могу покинуть Сашу Николаича? Священное чувство дружбы не позволяет мне этого!..

Беспалов растерянно стал переминаясь с ноги на ногу.

— Как же, Орестик? А мы так ждали тебя!.. Знаешь, как мы хорошо жили прежде, и ты, и Маня, а теперь... Я очень тосковал, Орест... И Виталий...

— А, Виталий! — проговорил Орест. — А что с ним?

— Сидит в столовой. Пойдем к нему... Они

вошли в столовую.

— Виталий! — сказал титулярный советник. — Орест вернулся...

— Слышу! — отозвался из своего угла Виталии.

— Почему же ты слышишь?

— Винным перегаром запахло.

— Ты не рад видеть брата? — спросил титулярный советник.

— Я не вижу его...

Беспалов спохватился.

— Ну, я не то сказал... Раздражительный он стал, нынче, — обернулся он к Оресту и показал на Виталия, — Ты бы сказал ему что-нибудь...

— Да что я ему скажу? — спросил Орест, явно нацелившийся взглядом на Виталия. — Я тебе привез из-за границы часы, — сказал он все-таки.

— А на что мне они?

— Часы, брат, особенные! с «репетицией» это называется. В любой момент нажмешь пружинку, они тебе отобьют сейчас же часы и минуты — и смотреть не надо.

— Стенные? — спросил Виталий...

— Нет, карманные, золотые...

— У моего камердинера будут такие часы, — глух произнес Виталий, но сейчас же добавил: — А где же они?

— Дома. Схожу, принесу, — ответил Орест.

— Как же ты говоришь «дома»? — воскликнул титулярный советник. — Твой дом тут, Орест... Ты, может, хочешь рюмку водочки, опохмелиться?

И, не зная, чем еще ублажить Ореста, он отпер буфет, достал заветный графинчик и подал его и рюмку.

Для Ореста не существовало ничего священного. Он, вместо того, чтобы налить водку в рюмку, стал бесцеремонно, к ужасу титулярного советника, пить прямо из горлышка графинчика.

— погоди, ты не все! — не утерпел Беспалов.

— Не бойтесь, оставлю, — успокоил его Орест, ставя графинчик на стол. — Вы знаете судьбу Наполеона Бонапарта? — торжественно спросил он у титулярного советника.

Тот присел только, распустив полы.

— Наполеон у меня камердинером! — ска-

зал Виталий.

— Вот как! — удивился Орест. — Ну, так видите ли, этот Наполеон из простого корсиканца стал императором и еще может возвыситься даже до камердинера великолепного Виталия! Я на такое возвышение, конечно, не рассчитываю, но все-таки не желаю прозябать у вас за шкафом...

— Я тебе комнатку отведу, что мы сдаем, в ней же никто не живет, — предложил Беспалов.

— А харчи?

— Харчи у нас хорошие. Намедни я соорудил рассольню...

— Я говорю, милостивец, насчет вина и еля, — пояснил Орест. — Теперь мне полное раздолье...

— Неужели ты нас променяешь на вино?

— Поменял же Наполеон родительский дом на пушечный дым и гром барабанов. Эти смертоносные орудия, на мой взгляд, гораздо отвратительнее невинного вина. Замечаете вы прелесть каламбура в словах «невинное вино»? Будь я дюк Ришелье или что-нибудь в этом же роде, и, наверное, этот каламбур по-

вторился бы в истории!

— Ты уходишь, Орест? — спросил Беспалов-младший.

— Ухожу, Виталий.

— Опять надолго?

— Нет, я вернусь скоро.

— И принесешь часы?

— Ах, да, часы... принесу!.. Впрочем, вот что, почтенный муж! — обратился Орест к титулярному советнику. — Помните такой договор: когда я буду пьян, то буду являться к вам на ночлег! Потому что понимаю, что в гостинице, где я остановился, в таком виде являться неудобно!

— Вот и отлично! — воскликнул Беспалов. — Значит, ты у нас будешь ночевать каждый день!.. Я дам тебе ключ от парадной двери, чтобы ты мог зайти, когда захочешь...

— Нет! — возразил Орест. — Привычка — мать всех пороков или как это там говорится, но парадной двери я не найду пьяный. Кухонное окно — дело другое! Итак, с величайшим почтением и глубокой преданностью имею честь быть, как пишут в официальных письмах!..

Глава LXI

На другой же день после своего приезда Саша Николаич, чтобы исполнить свое обещание, данное умирающему, поехал на Фонтанку в дом Сулимы, где, как он знал, жила Маня.

Любовь, или, вернее, страсть былая его к ней, уже успела пройти, и он чувствовал себя вполне равнодушным. Он даже хотел увидеться с Маней, чтобы проверить себя, действительно ли прежнее не оставило в нем никаких следов.

Маня его встретила в дорогом, прекрасном наряде, который шел ей гораздо больше, чем ее прежнее скромное платье, которое она всегда носила в доме Беспалова. Она приобрела новую манеру оттягивать книзу углы губ и это значительно портило ее. Ее черты оставались красивыми по-прежнему, но Саша Николаич уже не находил в них прелести и, к своему удовольствию, заговорил с нею вполне спокойно.

Заговорил он сухим, деловым тоном.

— Ах, вы от имени моего отца! — с под-

черкнутым пренебрежением произнесла Маша.

И это было неприятно Саше Николаичу, как, впрочем, и все остальное, что она делала и говорила.

Когда он рассказал ей о портфеле, выражение ее лица изменилось и она приняла этот портфель без пренебрежения.

О прежнем не было сказано ни слова между ними, и Саша Николаич ушел, вполне собой довольный.

В зале, через который ему довелось проходить к передней, его встретил Сулима.

— Я очень рад, — заговорил Андрей Львович, — что вы пожаловали к нам! Вы только вчера приехали?

— Откуда вы это знаете? — удивился Саша Николаич.

— Я многое знаю! И, между прочим, я вам хотел сказать... Впрочем, пройдемте ко мне в кабинет!

— Но ведь дела между нами кончены, надеюсь? — сказал Саша Николаич.

— Может быть, не совсем... Милости просим!.. Пройдемте!..

Сулима провел Сашу Николаича в кабинет и плотно притворил за собой дверь.

— Сядемте!.. поговорим! — произнес он. — Разговор будет недолгий! Знаете ли вы происхождение тех денег, прямо скажу, того богатства, которое вы нашли на доставшейся вам мызе по наследству?

«Я знаю! — хотел ответить Саша Николаич. — Что ты, мой друг, принадлежишь к шайке, которая обдeldывает темные делишки». Но он воздержался от этого и только проговорил:

— Откуда же вам известно, что я на мызе нашел «богатство», как вы говорите?

— Откуда? — переспросил Сулима. — Потому что я знаю происхождение этого богатства и также знаю, как оно туда попало.

Андрей Львович приостановился, ожидая, что Саша Николаич что-нибудь скажет. Но тот молчал.

— Есть такой старичок-архитектор, — продолжал Сулима, — родом он голландец, но завезен в Россию лет пятнадцать тому назад, чуть ли не по приказу самого Потемкина, а может быть Орлова, я не знаю этого наверное.

И вот этот архитектор передал мне свои записки или воспоминания, которыми он занялся недавно, желая их опубликовать. Познакомьтесь с ними: из них вы узнаете о происхождении богатства кардинала Аджиери. — Он взял со стола переплетенную сафьяном тетрадь и передал Саше Николаичу. — Вот, не угодно ли?

— Вы мне позволите взять ее с собой? — спросил Саша Николаич.

— Пользуйтесь! Только будьте добры вернуть ее потом...

Вернувшись в гостиницу с тетрадкой, Саша Николаич хотел сейчас же приняться за чтение, но его ожидал Орест.

— Куда это вы пропадали сегодня на ночь? — спросил Саша Николаич.

Орест повернул лицо в сторону и оттопырил усы, после чего воскликнул:

— Ну разве можно спрашивать молодого человека о таких интимных вещах?.. Мало ли как проводим время мы, золотая молодежь!

— Это вы — золотая молодежь?!

— Ну да, я... и бывший граф Савищев...

— Граф Савищев? — переспросил Саша Ни-

колаич.

— Он самый, гидальго!.. Представьте себе, он, с вашей точки зрения, опустился до трактира, а с моей — стал порядочным человеком, пьет водку и закусывает соленым огурцом.

— Да не может быть!

— Слово Ореста Беспалова!

— Вы его встретили в трактире?

— В самом абсолютном.

— Неужели он упал до этого?

— Вот видите, я был прав, что в ваших глазах он упал. Ах, гидальго! Когда вы уж бросите свои буржуазные взгляды?!

— Но что сделалось с больной старушкой, его матерью? Вы не спросили о ней?

— Я не мог этого сделать по законам этикета! Бедной старушке, его матери, я не был представлен. Конечно, она, верно, в отчаянии от этого, как и я со своей стороны...

— Ну, будет уж вам кривляться!.. Адрес-то вы, по крайней мере, узнали?.. Где их найти?

— Совершенно упустил это из вида, — ответил Орест. — Впрочем, это меня несколько не интересовало.

— Какая досада! — вырвалось у Саши Ни-

колаича. — Если они в таком положении, я навестил бы ее!

— В таком случае, нет ничего легче добыть вам нужное сведение о их местожительстве. Несколько моравидисов с вашей стороны — и дело будет в шляпе, как выражался покойный Вольтер.

— Опять моравидисы?

— Это нерв жизни, гидальго, и без них ничего не поделаешь! С ними я опять пойду в трактир, встречу там снова сеньора Савищева и узнаю все, что вам нужно!.. Это просто и мило, как вздох любимой женщины.

— Да, это просто!

— Тогда, значит, по рукам. Завтра вы будете иметь адрес Савищевой и сможете навестить ее, как вам указывает ваша добродетель, предписывающая навещать несчастных. Кстати, гидальго, если меня случайно заберут в участок, навестите меня тоже, ибо также добродетель предписывает посещать и узника в темнице. Покорно вас благодарю! — заключил Орест, принимая деньги от Саши Николаича. — Еще одно, кстати! Я должен буду взять у вас, гидальго, часы с репетицией,

которые вы купили себе в Берлине!

— Это еще что такое? — удивился Саша Николаич.

— Ничего не поделаешь, я их обещал подарить.

— Что за вздор!.. Кому вы обещали мои часы?

— Слепому Виталию! Я ему сказал, что привез их из-за границы. Чем я виноват, что вспомнил о такой сентиментальности, когда только увидел его... Но вы представьте, в какой восторг они повергнут слепого! А на что они вам, в сущности?

— А и на самом деле, это доставит ему удовольствие...

— Ну вот, гидальго, я знал, что не ошибусь в вас! Значит, часы я отнесу?

— Нет уж, извините, я лучше сам отнесу их!

— Зачем вам беспокоиться, гидальго?

— Да вы ведь их пропъете! И Виталий останется без часов.

— Знаете, гидальго, вы правы!.. Я соглашаюсь с вами, но только с одним условием, чтобы часы ему были отданы от моего имени!..

Иначе это будет свинство! Потому что если бы не я, ведь не видать бы, или, вернее, не слышать бы этих часов Виталию. Ариведерчи, гидальго!

— Хорошо, хорошо, ступайте!

Глава LXII

Выпроводив Ореста, Саша Николаич принялся за переплетенную в сафьян тетрадку, в которой были начертаны записки старого архитектора.

Архитектор довольно сносно владел русским языком, и его слог даже не был лишен вычурности, что считалось по тем временам литературностью, несмотря на существование уже комедий Фонвизина.

Записки начинались изложением родословной их автора. Были указаны дата и место его рождения, словом, было все, как это принято иметь в биографиях великих людей.

Далее архитектор описывал свое детство, годы ученья, подробно излагал сведения о своей первой любви и объяснял, почему он навсегда остался холостым: любимая девушка изменила ему, и он потерял веру в женщин.

Этот знаток женщин писал эту часть записок наподобие немецкого сентиментального романа. Видно было, что старик перепутал собственные воспоминания и когда-то прочитанное им, все это у него слилось, и он вооб-

разил, что рассказывает подлинную историю.

Саша Николаич пропускал неинтересные ему страницы, торопясь найти главное, что было важно для него. Наконец, он дошел до этого главного.

«Однажды, — писал архитектор, — я сидел за своими занятиями, тщась составить проект великолепного дворца, буде кто его закажет мне его возведение. Внезапно в мою дверь постучались и вошел незнакомец, родом француз, по имени Рето до Виллет.

— Можно ли вам поручить таинственное дело и надеяться на вашу скромность? — спросил он.

Я отвечал, что на мою скромность вполне можно положиться, в чем я могу представить порядочные рекомендации от вполне благонадежных и даже высокопоставленных лиц.

— А имеете ли вы честных каменщиков, на которых тоже можно положиться? — снова спросил он.

Я сказал, что имею таких каменщиков.

Убедившись в моей скромности, кавалер де Виллет предложил мне отправиться на

мызу и сделать там тайный подвал с искусственным ходом.

Подумав и взвесив все обстоятельства, я, нуждавшийся тогда в работе, согласился привести в исполнение желание доброго француза».

История становилась все более и более занимательной, и Саша Николаич, совершенно даже забыв, что, по словам Сулимы, она имеет отношение к источнику его богатства, лихорадочно пробегал глазами строки тетради.

Далее архитектор писал:

«Подвал, ход в него, а также железные двери с хитрыми замками, кои делал лучший мастер в Голландии, и шкаф были мной устроены на мызе со всей тщательностью, какую только могут рекомендовать искусство и наука.

Господин и кавалер Рето де Виллет честно расплатился со мною за труды, и я снова вернулся к моим занятиям составления проекта великолепного дворца, буде кто закажет мне его возведение.

Беспокойная мысль, однако, терзала мой ум.

«Зачем, — думал я, — понадобился кавалеру Рето де Виллету такой хитрый и таинственный подвал, очевидно, он предполагает спрятать там какое-нибудь ценное сокровище!»

Раздумывая так, я узнал некоторое время спустя, через городские слухи, что кавалер Рето де Виллет внезапно умер, не оставив после себя наследника, и что его мыза была назначена к продаже с аукционного торга.

Как раз в это время ко мне приехал другой француз, по имени аббат Жоржель, и спросил меня:

— Не можете ли вы указать мне, не продается ли поблизости участка земли, годного для возведения небольшого дома? Вы как архитектор можете это знать, а я имею желание купить землю и возвести дом, что поручил бы вашим заботам.

Я ответил, что о продажной земле не имею извещения, но зачем покупать землю, когда можно приобрести вполне благоустроенную мызу.

Это крайне тронуло чувствительное сердце аббата Жоржеля.

— Благодарствую, — сказал он, — за указание, а чья это продажная мыза?

— Вашего умершего соотечественника, — сказал я, — кавалера Рето де Виллета. Эта мыза замечательна еще и тем, что я устроил там таинственный подвал по заказу господина кавалера.

— Это мыза кавалера де Виллета! — воскликнул аббат Жоржель. — И вы сделали там таинственный подвал для хранения сокровищ? (Я считал себя вправе говорить о подвале, так как кавалер де Виллет был уже мертв). Если мне удастся купить эту мызу и вы укажете мне, как проникнуть в подвал, верьте, я вас вознагражу!

Я в то время не придавал значения его словам, но впоследствии узнал, что аббат Жоржель купил мызу.

Сделав это приобретение, аббат Жоржель снова приехал ко мне и искусно выпросил все о подвале, обещав вторично, что я буду награжден.

И в самом деле, на следующий же день он привез мне двести английских фунтов — сумму очень значительную.

Меня не столько обрадовала, сколько удивила такая щедрость.

«Как бы потом мне не раскаяться!» — подумалось мне тогда. И в самом деле, мне пришлось повергнуться в раскаяние и испытать угрызения совести за взятые мною деньги.

Вышло описание на голландском языке знаменитого процесса во Франции об украденном ожерелье королевы и, прочтя упомянутое описание, я известился, что таинственный кавалер де Виллет — не кто иной, как изгнанный из Франции сообщник преступной госпожи де Ламот. Я понял со всей очевидностью, что сокровища, которые спрятал кавалер де Виллет в устроенном мною подвале, приобретены ценой украденного ожерелья.

Не зная, как быть, я поспешил к аббату Жоржелю и спросил его, известно ли ему происхождение спрятанных в подвале денег? Он мне ответил, что известно, но что я могу владеть своими двумястами фунтами со спокойной совестью.

Однако моя совесть не могла оставаться спокойной и я положил лучше раздать приобретенные столь нечестным путем как воров-

ство деньги беднякам.

Посоветовавшись с пастором, который вполне одобрил мое намерение, я немедленно передал ему все двести фунтов.

В эту эпоху моей жизни я еще предавался воспоминаниям о любимой девушке...»

Дальше шли пространные изъяснения чувств архитектора по поводу воспоминаний о любимой девушке, совершенно неожиданно оканчивавшихся описанием парада войск по случаю освящения знамени. Затем до самого конца больше не было упоминания об аббате Жоржеле.

Саша Николаич захлопнул тетрадь, перелистав ее всю, до последней страницы. Отрывок записок, относившийся к спрятанным на мызе деньгам, ясно свидетельствовал о том, что отец знал о их происхождении и воспользовался воровскими деньгами, благодаря случаю, представившемуся ему. Оставалось только выяснить подлинность самих записок, и если они не подделаны, а старик-архитектор действительно существует, тогда выходило, что аббат Жоржель поступил нечестно. Что же тогда делать ему, Саше Николаичу, с этим

БОГАТСТВОМ?

Глава LXIII

Орест честно выполнил обещание и принес адрес Савищева.

Саша Николаич, живо представляя себе, в каком положении должна была находиться Анна Петровна, если только ее сын окончательно не спился, став посетителем трактира, где пьянствовал Орест Беспалов, отправился к ней.

Оказалось, что бедная Анна Петровна жила в условиях, гораздо более худших, чем жил сам Саша Николаич, когда поселился у титулярного советника.

У Беспалова все-таки была лачуга с окнами на улицу и в ней можно было пользоваться известной долей простора, а Анна Петровна помещалась во дворе каменного трехэтажного дома, на грязной, черной лестнице.

Саша Николаич не застал ее дома, но его встретил Константин Савищев, которого он едва узнал — так тот переменялся.

При виде Саши Николаича он растерялся, не зная, что сделать, предложил ему сесть и сел сам.

— Да, так ты вернулся из-за границы? — заговорил он и умолк, оглядываясь по сторонам.

Видно, бывший граф был совсем подавлен унижением бедности, окружавшим его убожеством и, вместе с тем, хотел не показать этого, а сам был похож на забитую, несчастную собачонку.

Единственным чувством, которое Николаев испытывал к нему, была беспредельная жалость, и он, чтобы ободрить Савищева и, по возможности, не оскорбить, заговорил с ним, как будто бы ничего не замечая.

— Да, я вернулся из-за границы и заехал, чтобы навестить твою матушку, — сказал Саша Николаич.

— Она, должно быть, скоро вернется! Ей нужно было пойти...

Но Савищев не сказал куда (а Анна Петровна направилась, чтобы раздобыть хоть немного денег) и вдруг, положив ногу на ногу, произнес, изменив тон:

— Ну, что там... за границей?

— Да ничего такого...

— Какие теперь шарфы носят?

Саша Николаич стал рассказывать.

— А какие фраки? — продолжал расспрашивать Савищев. — Все еще с длинными фалдами?

— Да, кажется...

— Так твои дела, значит, поправились?

— Не особенно, но все-таки живу! — ответил Саша Николаич.

— Вот и я тоже живу!

И Савищев расхохотался неприятным, деланным, злобным смехом.

— А Анна Петровна как? — спросил Саша Николаич.

— Да все по-прежнему... — ответил Савищев и махнул рукой, как бы желая объяснить, в чем состояло это все «по-прежнему», но на самом деле этот жест ничего не объяснил Саше Николаичу.

Савищев взялся за голову, зажмурил глаза и вдруг, широко раскрыв их, неожиданно произнес:

— А вчера я пьян был!

Он произнес это так, как говаривал прежде, проснувшись на другой день после попойки в дорогом ресторане, где лилось

шампанское и тратились большие деньги. Но сейчас же смутился и ему стало неловко.

Наступило тягостное, давящее молчание.

Савищев долго как бы приглядывался к остроконечному лакированному носку туфли Саши Николаича, потом поднял взор и с неестественной заискивающе-робкой небрежностью проговорил так, как будто между прочим:

— Знаешь, Саша Николаич, нельзя ли у тебя перехватить на несколько дней... я теперь немножко в затруднении, но через несколько дней отдам... так... рублей двадцать пять...

«О Господи!» — подумал Саша Николаич и вздохнул. Он достал двадцать пять рублей и протянул их Савищеву.

Тот небрежно скомкал кредитку и сунул ее в жилетный карман.

— А ты знаешь, брат, я советую тебе поехать посмотреть новый балет!..

— Да разве теперь есть театры? — спросил Саша Николаич. — Они, кажется, закрылись на лето.

— Ах, да, правда! Закрылись... что же это в самом деле маман не идет? А вот, кажется, и

она!

Входная дверь стукнула в это время и появилась Анна Петровна, все такая же улыбающаяся и суетливая, какой была и раньше, только как будто она стала еще меньше, чем была прежде, и ее глаза были сильно красными и опухшими.

— Ну, я вас оставляю, маман, с гостем, — с готовностью сказал Савищев, — а мне нужно пойти!

— Куда же ты, Костя?.. — засуетилась старушка. — Впрочем, если тебе нужно, иди, мой друг!

Она привычным жестом, поднявшись на цыпочки и обняв его одной рукой, поцеловала в щеку и стала крестить порывистыми, мелкими движениями, словно не крестила, а сыпала на него что-нибудь.

Широко раскрыв дверь, Савищев, оставив мать с Сашей Николаичем, вышел, спустился с лестницы, миновал двор, который ему сегодня показался особенно грязным и отвратительным, и направился по улице сам не зная куда.

Сначала сознание, что у него в кармане

есть двадцать пять рублей, веселило его и придавало ему бодрости. Он шел, насвистывая, постукивая тростью о тротуар, заглядывая под шляпки встречающихся женщин и с вызывающим видом проходя мимо мужчин. На двадцать пять рублей он мог пойти сейчас в ресторан (не в трактир же ему было идти, в самом деле!) или просто купить такой шарф, какие теперь носили за границей.

Он знал, что мать его ходила за тем, чтобы достать хоть немного денег, и, по всей видимости, по тому, как она вернулась, она их не достала. Но ему и в голову не пришло отдать деньги ей. Он слишком привык только получать их от нее сам и до сих пор она тратила на него все свои крохи, извиняясь еще, что не может дать ему больше.

Савищев долго шел куда глаза глядели и в первый раз в его душе стало шевелиться смутное и неопределенное чувство, мало-помалу заменившее его веселость и бодрость.

Только что, сидя один у себя, он раздумывал, будут ли они обедать сегодня. Теперь он мог отлично поесть, а она...

«Ну, там как-нибудь устроится это! — по-

пробовал себя утешить Савищев. — Она может взять у того же Николаева!»

И вдруг он остановился, как будто его ударило громом, остановился, пораженный тем, что осознал и увидел ту бездну, в которую он упал.

Ведь Николаев был тем самым человеком, который оскорбил его, обозвав подлецом, и которого он ненавидел... и он пал до того, что у этого Николаева попросил деньги!..

Тот дал их, и он взял!..

Если бы кто-нибудь посторонний сказал ему, что он дойдет до такого подлого унижения, он задушил бы его...

Что теперь делает этот самый Саша Николаич?.. Конечно, он дал эти двадцать пять рублей со злорадной поспешностью! И он сам бы, Савищев, поступил точно так же. Однако когда Николаев оказался без средств, он не просил денег, а граф Савищев... Вот до чего дошел граф Савищев!

И тут же болезненно-мучительный голос внутри как бы поправил: «Бывший граф Савищев»...

Что он теперь? Незаконный сын, пресмы-

кающийся перед авантюристом и проходимцем Николаевым. Да разве так можно жить?

«А я живу! — думал Савищев. — Сношу оскорбления какого-то проходимца и иду... иду!»

Он огляделся и увидел себя посреди моста через Неву.

Проходивший мимо косолапый мужик задел и толкнул его плечом. Мимо прокатила карета.

Савищев остановился у перил, перегнулся через них и заглянул вниз. Внизу бежала вода и клубилась у деревянных плашкоутов. Она казалась темной, почти черной. Достаточно было одного движения, чтобы соскочить туда, вниз, и разом покончить со всем этим... и с унижением, и с этой жизнью, бессмысленной и ненужной, если нельзя ее было проводить так, как проводят ее порядочные люди.

Голова Савищева кружилась еще от вчерашнего пьянства; ему показалось, что мост определенно качается под ним и что все исчезает, кроме черной, холодной воды и его самого, нагнувшегося над нею.

Неудержимая сила стала тянуть его вниз.

«А ведь только перекинуть ноги», — мелькнуло у него в мозгу.

И он уже ощущал, что стремительно летит вниз, когда, действительно, перепрыгнул через перила и упал в воду...

Кто-то вскрикнул сзади... и все смешалось.

Глава LXIV

Когда Савищев ушел, Анна Петровна обернулась к Саше Николаичу и радостно заговорила:

— Вот никак не ожидала видеть!.. Ну, будемте пить чай!

Слово «чай» она произнесла по-прежнему сочно, но сейчас же спохватилась и растерянно огляделась вокруг.

— Благодарю вас! Я ничего не хочу! — поспешил ответить Саша Николаич. — Мне, главное, вас хотелось видеть!

— Спасибо, миленький!.. Ну, садитесь... Вы слышали, что с нами случилось?

— Да, графиня!

Саша Николаич нарочно назвал ее графиней.

— Я не понимаю, как это могло случиться... и князь Алексей был не в силах... — быстро сыпала она словами. — Говорят, все по закону!.. А какой тут закон?.. Я решительно не могу взять в толк!.. Мне Наденька Заозерская через тетку обещала еще раз просить великую княгиню... Я надеюсь, что это выяснит-

ся...

— Надо надеяться, графиня! А что Надежда Сергеевна?

— Наденька? Ах, это такая прелесть, мой миленький!.. Она навещает меня почти каждый день... Если бы не она, я пропала бы совсем! Ах, какое же это золотое сердце!.. Я за себя не тревожусь, мне ничего не надобно, мне Костю жаль! Представьте себе, миленький, он один день даже не курил!.. а у меня ему на табак денег даже не было!

Она сообщила это с такой гордостью, точно Костя совершил величайший подвиг, который должен был бы привести в восторг Сашу Николаича.

— Да, он прекрасный у меня! — продолжала Анна Петровна. — Но, знаете ли, миленький, все-таки он беспокоит меня!.. я вам это говорю как близкому другу! Если бы вы повлияли на него... Мне кажется, что он начал... пить...

— А что он делает вообще, графиня?

— Страдает, голубчик! Он ужасно страдает! И если правда, что он начал пить, но, может быть, я ошибаюсь... потому что он такой пре-

красный! Но все-таки, если бы вы... как-нибудь допытались у него?.. Я знаю, вы, мужчины, как-то не считаете это пороком...

Она болтала по-прежнему, все с теми же знакомыми Саше Николаичу интонациями, наивно и доверчиво, и быстро перебирала крючком свое вязанье, как будто для своего удовольствия. Но теперь это вязанье служило для нее почти единственным источником существования.

Она замолчала и некоторое время так тихо работала крючком, что по ее сморщенному лбу было видно, что она старается совладать с каким-то усилием мысли.

Денег она не достала и теперь ее занимали соображения, как бы вывернуться ей?

Ликвидация ее дел произошла самым безалаберным способом. Она ничего не сумела собрать, даже то, что принадлежало ей лично. Большинство вещей у нее разнесли, и она сама даже не знала, куда они делись...

Большую часть заложил сам Костя и истратил деньги, желая якобы поддерживать прежнюю жизнь. Анна Петровна так растерялась, что позволила дворовым тащить все, что им

правилось. Потом ей пришлось нести в заклад последнее, что у нее было, и теперь даже заложить было нечего!

— Скажите, миленький, — прервала она, наконец, свое молчание, — говорят, за границей можно продать автографы?.. Правда, что за них дают деньги?

— Смотря какой автограф, графиня! — ответил Саша Николаич.

— У меня есть один, миленький!

— И вы бы хотели продать его?

Анна Петровна опять замолчала и еще ни же нагнулась над своим вязаньем. Видно было, что она не хотела продавать автографа.

— Да, пожалуй!.. я бы продала его! — тихо сказала она.

Саша Николаич, конечно, сразу же понял, в чем дело, и ему захотелось помочь бедной женщине. Так прямо предложить ей деньги он стеснялся, но под видом покупки автографа можно было бы дать ей такую сумму, которая помогла бы ей хоть на время вздохнуть посвободнее.

— А чей автограф? — спросил он.

— Да, может быть, миленький, он вовсе и

не интересен! — начав уже сомневаться, возразила она.

— Все-таки, графиня, чей он?.. Если лицо историческое...

— О, да, я думаю, историческое! Это письмо кардинала де Рогана!

— О, оно может стоить очень дорого! — воскликнул Саша Николаич. — Я, кстати, знаю здесь одного собирателя автографов, и он даст, я думаю, с удовольствием, рублей триста.

Анна Петровна уронила вязанье на колени, потом взглянула на Сашу Николаича. Она не ожидала такой цифры.

— Да неужели триста рублей?! Да ведь это целое состояние! — воскликнула она.

Теперь триста рублей казались ей целым состоянием!..

— Любители платят и еще больше! — продолжал Саша Николаич.

— В таком случае, я продам этот автограф! И если можно скоро получить эти деньги...

— Хоть завтра, графиня...

— Даже так?.. Мне очень нужны деньги! — вздохнула она. — Я вам достану сейчас этот

автограф.

Она встала, порылась в шкафу, и Саша Николаич видел, как в это время, тихонько шепча губами, она смотрела на маленький образ, висевший в углу.

Из груды тряпочек и остатков от мотков шерсти она вынула толстый лист почтовой бумаги большого формата и, прижимая его обеими руками к груди, подошла к Саше Николаичу.

— Только вот что, миленький! Если можно, то продайте так, чтобы потом, когда я получу все назад, я могла бы откупить все назад, снова! Я с удовольствием потом дороже заплачу... только чтобы откупить снова!

— Я думаю и это можно будет сделать! — кивнув головой, произнес Саша Николаич.

Саша Николаич развернул поданный ему Анной Петровной лист. В левом углу его, внизу, стояла печать с гербом Роганов и их девизом: «Королем быть не могу, не соблаговолю быть князем, останусь Роганом». Письмо начиналось обращением: «Дорогой аббат!»

И дальше, в самом письме, говорилось:

«Вы мне пишете, что по воле промысла в

Ваши руки, вместе с купленной вами мызой, перешли деньги, вырученные за ожерелье, украденное у меня, за которое я уплатил полную стоимость ювелиру. Поэтому вы совершенно правы: эти деньги мои и благодарю вас, что вы, как всегда, желаете доказать мне свою преданность, вернув эти деньги по принадлежности. Но, я думаю, Вы поймете, что все, связанное с этим несчастным ожерельем, для меня лично составляет слишком грустное воспоминание. Между тем я сознаю, что недостаточно еще вознаградил вас за вашу долгую службу при мне, и потому прошу Вас принять от меня эти деньги как слабый знак моего всегдашнего к вам расположения и благодарности».

Далее следовала подпись кардинала де Рогана.

Саша Николаич весь просветлел, когда прочел это письмо.

Несомненно, оно было обращено к аббату Жоржелю, его отцу, и служило доказательством, что тот может владеть своими богатствами по полному праву, без угрызений совести и передать это богатство своему сыну

вполне чистым и безупречным.

В самом деле, вырученные от продажи ожерелья деньги принадлежали не вору, укравшим его, а кардиналу де Рогану, расплатившемуся с ювелиром. И он только один имел право распоряжаться этими деньгами и отдать их, кому он хотел. Он захотел одарить ими своего бывшего секретаря; это была почти царская щедрость, но недаром в гербе Роганов стоял девиз, записанный на бумаге письма.

Теперь никакие рассказы ассассина Крыжицкого, никакие наветы и никакие записки старого архитектора не могли поколебать уверенность Саши Николаича в честности и правоте его отца. Доказательство этой правоты было у него в руках, и каждым своим словом приветствовало охватившую все его существо радость.

Тяжелая гора свалилась с его плеч; он повеселел, стал счастлив, точно помолодел, вернувшись к беззаботному, счастливому времени юности.

И, чтобы скрыть свое волнение, он опустил голову и закрыл лицо руками.

Глава LXV

— Что с вами, миленький? — стала спрашивать Анна Петровна, забеспокоившись и не понимая, что случилось. — Голубчик, что же это с вами? — повторила она. — Говорите, ради Бога!

Саша Николаич отнял руки от лица и оно у него было такое радостное и такое счастливое, что Анна Петровна сама заулыбалась, взглянув на него.

— Если бы вы знали, графиня, что со мной делается! — воскликнул он.

— Да я вижу, миленький, но понять ничего не могу! Почему вас так обрадовало это письмо?

— Потому что оно вернуло мне спокойствие и сделало меня богатым!

— Я все-таки ничего не понимаю, миленький! Вы мне толком скажите...

— Ну, хорошо! Я скажу вам. Ведь это письмо написано кардиналом де Роганом аббату Жоржелю, который был его секретарем!

— Да... аббату Жоржелю!

— Этот аббат Жоржель — мой отец!

Анна Петровна вдруг тихо ахнула и суетливо замотала своей сухонькой седой головкой из стороны в сторону. Потом она, легко засеменя, кинулась в сторону и возвратилась к Саше Николаичу опять, взяла его обеими руками за голову и жадным, пристальным взглядом стала напряженно смотреть ему в лицо.

— Как я не заметила этого раньше?! — тихо произнесла она, опуская руки. — Похож на него, вылитый отец!..

У взволнованного и без того Саши Николаича спутались мысли и он, сам не зная почему, пробормотал:

— Да! Все находят, что я похож на отца!

Хотя, кроме старого француза Тиссонье, других из этих «всех» никого не было, Саша Николаич не знал в эту минуту, что говорил.

— А мать? Мать? — повторила Анна Петровна. — Вы слышали о ней что-нибудь?

— Я знаю только, что я родился от русской, в Амстердаме в 1786 году.

Голова Анны Петровны затряслась и конвульсивная дрожь пробежала по всему ее телу. Она хотела снова поднять свои дрожащие

руки, но они бессильно упали.

Сейчас же, словно новый прилив жизни и бодрости охватил ее, она с внезапной силой почти крикнула:

— Так это он!.. Это — ты?! Ты... мой миленький Саша?

Она бросилась к нему, охватила его, притянула к себе и прижалась к нему, и беззвучные, страстные рыдания заколыхали ее всю.

Саша Николаич не разумом и не рассуждением, а чувством понял, что Анна Петровна была его матерью.

— Матушка... мама... — силился выговорить он ребяческое слово, с которым ни к кому еще в своей жизни не обращался.

Его горло сжалось, глаза заморгали и он почувствовал, что слезы щекочут его щеки и льются неудержимо. Но он и не хотел сдерживать эти блаженные, счастливые слезы.

Они плакали оба.

Словами между ними было сказано немного. Только Анна Петровна, немного придя в себя, проговорила, показав на письмо:

— Это он мне отдал как доказательство того, что ты никогда и ни в чем не будешь нуж-

даться в жизни!

И они снова залились слезами.

.....

Прошло немного времени — и Анна Петровна с Сашей Николаичем подъехали в его карете к гостинице, где он жил.

— Лучший номер! Два номера... Все, что у вас есть самого лучшего и дорогого! — приказывал Саша Николаич в вестибюле засуетившемуся управляющему, ведя под руку старушку.

— У нас есть прекрасные комнаты! — услужливо хотел было распространяться француз-управляющий.

— Я все их оставляю за собой! — сказал Саша Николаич. — Куда идти?

— Сюда! Сюда, пожалуйста!..

— Внизу?

— Да-с, внизу, если угодно.

— Я нарочно беру внизу, чтобы тебе не было нужды подыматься по лестнице! — сказал Саша Николаич старушке, произнеся это слово «тебе» дрогнувшим, особенно счастливым голосом.

Старушка только крепче оперлась на его

руку и прижалась к ней.

Анна Петровна была помещена в целый апартамент, который, обыкновенно, занимали только члены посольств, случайно приезжавшие в Петербург. Комнаты были убраны великолепно, но Саше Николаичу этого показалось мало. Он потребовал еще ковров, мягкой мебели, добавил двух горничных, чтобы они служили исключительно Анне Петровне, приказал, чтобы экипаж всегда был к ее услугам, сам побежал распоряжаться, чтобы поскорее подавали «чай» с сэндвичами и печеньем. Ему хотелось всюду попасть и всюду быть в одно и то же время: сидеть с матерью и, вместе с тем, бежать и приказывать, чтобы все сделали для нее как можно лучше.

Орест, без дела слонявшийся по гостинице, понял, что теперь Саше Николаичу не до него, и не попадался ему на глаза. Но после обеда, когда Анна Петровна немного легла отдохнуть, он поймал-таки Сашу Николаича и заявил ему очень серьезно:

— По случаю вашей семейной радости, позвольте моравидисы!

Саша Николаич прыснул от смеха и достал

бумажник. Ему попалась сторублевая бумажка, он хотел отдать ее Оресту, но тот с достоинством отступил на шаг и, величественно отведя руку Саши Николаича, сказал:

— Много!.. Такого давления капитала не выдержу!.. Все равно за окно выкину! Позвольте обыкновенную порцию, с тем, чтобы завтра повторить...

И, получив «обыкновенную порцию», он ушел совершенно довольный.

Глава LXVI

Анна Петровна сначала не очень беспокоилась исчезновением Кости, потому что, как оказалось, ему и раньше случалось пропадать на целые сутки и более. Она только попросила Сашу Николаича съездить на ее прежнюю квартиру и повторить там еще раз, чтобы Косте сказали, как только он вернется, чтобы немедленно приезжал в гостиницу.

Саша Николаич, кстати, еще хотел сделать покупки для Анны Петровны. Когда он уже совсем было собрался ехать, его в дверях остановил Орест.

— Счастливейший гидальго! — проговорил он укоризненно. — Нехорошо, испытав благоденствие судьбы, забывать о малых сих!

— Говорите скорее, что такое?

— А ваше обещание, сеньор?.. Насчет часов?.. Вы их передали слепому Виталию?

— Нет еще.

— Нехорошо!

— Так я сейчас заеду и передам.

— На этот раз я вам верю! — Орест деловито последовал прочь.

Признаться, случай с Анной Петровной сильно подействовал на воображение Ореста.

Как это вдруг у Саша Николаича объявилась мать? Он даже в уме прикидывал, не может ли сам Орест оказаться ему каким-нибудь завалящим дядей или двоюродным братом? Впрочем, это у него было не серьезно, а так, маленькая игра ума. Ему и без того было хорошо.

Саша Николаич явился в дом титулярного советника Беспалова лучезарный и радостный.

— Это вы? — встретил его титулярный советник, бережно запахивая халат. — Я весьма рад счастью видеть вас вновь...

Саша Николаич заглянул в свою бывшую комнату и посмотрел на нее с чувством, с каким, вероятно, выпущенный на волю узник смотрит на свою тюрьму...

— Не угодно ли пройти в столовую? — пригласил Беспалов.

— Хорошо.

Виталий сидел в столовой в своем углу.

— Вот, — сказал ему Саша Николаич, — вам часы с репетицией от Ореста...

— Значит, он на сей раз не соврал! — произнес Виталий.

Он взял часы и ощупал их, быстро перебрал по ним пальцами.

Он сейчас же нашел пружинку, которую нужно было надавить, чтобы часы заиграли. Раздался приятный звон — и обычно малопо-движное лицо слепого расплылось в улыбке.

Саша Николаич впервые увидел, что Виталий может так улыбаться... Ему было так хорошо теперь самому, что он хотел, чтобы все вокруг были счастливы.

— Послушайте, Виталий, — произнес он, приближаясь к слепому, — я скоро поеду за границу и возьму вас с собой.

— Зачем? — не понял и удивился Виталий.

— Мы посоветуемся с заграничными профессорами в Берлине; возможно, они сделают вам операцию и вы прозреете. Такие случаи бывали...

Слепой отрицательно покачал головой.

— Вы сомневаетесь? — спросил Саша Николаич. — Но отчего же не попробовать?

— Не надо.

— Отчего же не надо?

Виталий надавил пружину, часы опять зазвенели и это доставило ему удовольствие.

— Вы мне не дадите всего! — сказал он.

— То есть, как это, всего?

— А моего кораллового замка, например.

— Какого кораллового замка? — изумленно спросил Саша Николаич.

— В котором я живу теперь...

— Опять понес ахинею! — махнув трубкой, воскликнул Беспалов.

— Нет, не ахинею! — рассердился слепой. — Я живу в коралловом замке. Для вас эти стены и мрачны, и невзрачны, как вы говорите, а для меня они — своды кораллового замка. Вы едите на глиняных блюдах, а я — на золотой посуде и, когда я хочу, у меня раздаётся музыка (он снова заставил поиграть часы). А если в Берлине сделают так, что я прозрею, я тоже увижу ваши невзрачные стены и глиняную посуду, и что тогда останется от моего кораллового замка?!

— Вы не слушайте его, Александр Николаич! — вступился титулярный советник. — Он вам и не такую философию разведет. А если вы так уж добры, нельзя ли вас попросить

определить меня куда-нибудь в ваше будущее поместье, хотя бы экономом, что ли? Или что-нибудь в этом роде... По гастрономической части я тоже могу, как вы знаете... Вы благодетельствуете моему сыну Оресту, только он — неблагодарная свинья. Чем бы уделить его старому отцу из своих достатков, он пьянствует...

— Да я вовсе не благодетельствую ему, — возразил Саша Николаич, — а о вас я подумаю и непременно постараюсь сделать что-нибудь...

— Сделайте, Александр Николаич, а то посудите: я один совсем останусь — Орест при вас состоит, Виталия вы хотите везти за границу, Маня получила огромное состояние...

— Кстати, — спросил Саша Николаич, — вы не знаете, каким именно путем перешло к ней это состояние?

— Точных путей не ведаю... Знаю, что ей способствовал господин Сулима...

— Это-то и я знаю.

— Но, как бы она ни получила...

— То есть в сущности она присвоила чужое... — вставил Саша Николаич.

— Нет, извините, в том-то и дело, что свое...

— Свое?

— Да.

— Но ведь состояние принадлежало ее дяде... — сказал Саша Николаич.

— Не совсем! — пояснил Беспалов. — То есть, вернее, оно было ее отца, а дядя только расширил его на казенных подрядах... Но вы думаете, он сразу стал заниматься ими? Нет-с, поздно за ум взялся. Я сам довольно долго служил у него в конторе. Все дело знаю...

— Чем же он занимался? Раньше-то?

— Содержал игорный дом.

— Неужели? — изумленно воскликнул Саша Николаич.

— Да-с, аристократический игорный дом, куда сходились к нему и вельможи... Орлов бывал... Открыв у себя карточный притон, он отправил жену за границу; она там прожила года полтора...

— В каком году это было? В восемьдесят шестом? — спросил Николаев.

— Да-с, именно в восемьдесят шестом, так оно и будет...

— Хорошо, продолжайте...

— В полтора года граф составил себе капиталец и выписал жену, прекратив у себя ночные оргии, — сказал Беспалов. — Пустился он в аферы... Они шли у него с переменным счастьем, но с мало-помалу возрастающими убытками... Наконец, у него случился крах, то есть полный крах что называется. В то время произошла история и с его братом. Тот попался и, скрываясь, передал ему тридцать тысяч, чтобы на проценты от них воспитывался родившийся ребенок, то есть Маня. Все это слышал камердинер, который потом рассказывал мне. Граф же Савищев, когда его брат бежал, деньги присвоил себе, а Маню отдал в воспитательный дом. Мы с женой взяли ее оттуда и воспитали. Поднимать историю я не мог: где мне было тягаться с графом Савищевым! А он с этих тридцати тысяч пошел и пошел на подрядах... Тогда сумасшедшие делали дела, в конце царствования блаженной памяти государыни Екатерины Второй!.. Так вот, собственно, Маня и получила только теперь, что ей следовало раньше получить... Вот какие дела бывают на свете!..

Глава LXVII

Только на другой день вечером, после исчезновения Кости, Анна Петровна серьезно встревожилась о нем...

Костя пропал без вести. Напрасно Саша Николаич старался, напрасно обещал за розыск крупную награду — ничего не вышло...

Анна Петровна находилась как в чаду после случившегося с ней нового неожиданного поворота. Казалось, она всю любовь перенесла на Сашу Николаича. К известию о пропаже Кости она могла привыкнуть исподволь, потому что сначала была надежда, что он объявится, и только мало-помалу выяснилось, что с ним, должно быть, что-нибудь случилось и он исчез навсегда. Анна Петровна горевала и, вместе с тем, быстро утешалась, потому что теперь у нее был Саша, который окружал ее такой лаской и таким вниманием, какие она еще не видела никогда...

Как-то раз Саша сидел с матерью, когда ему доложили, что его желает видеть Андрей Львович Сулима...

— Скажите, что я не принимаю, — распоря-

дился он.

Лакей исчез, но вскоре вернулся снова и доложил:

— Они очень просят...

— Скажи, что я не принимаю, понимаешь? — рассердился Саша Николаич.

— Им очень нужно! — продолжал настаивать, видимо, получивший хороший «чаек» лакей. — Они говорят, что у вас их книга.

«Ах, эти записки!» — вспомнил Саша Николаич и приказал:

— Позовите ко мне Ореста Власовича!

Орест пришел, поставив растрепанные усы ежом, что служило у него признаком недоумения. Он недоумевал, зачем мог понадобиться.

— Я получил известие, — сказал он, — что вы нуждаетесь в моем обществе. Я на вашем месте не связывался бы с такой персоной, как я!..

— Вот что, Орест! Возьмите у меня в комнате на столе сафьяновую тетрадку и передайте ее господину, который меня спрашивает. Да скажите ему, чтобы он впредь оставил меня в покое, что я теперь не сомневаюсь ни

в чем. А если он начнет слишком рассуждать, то вы намекните ему, что я приму меры против общества «Восстановления прав обездоленных», запомнили?

— Общество «Восстановления прав обездоленных», — повторил Орест, — что ж тут трудного... Помилуйте, мой друг, для вас я на все готов. Вы можете выпустить на меня целую роту господ, которые вас спрашивают — и я с ними поговорю. Вы же знаете мое красноречие... Может быть, вы ему предложите какие-нибудь напитки? Я его угощу с удовольствием и сам тоже выпью...

— Нет, он, вероятно, не пьет...

— Тогда это нестоящий человек, гидальго, я пойду к нему...

Андрей Львович Сулима сильно поморщился, когда увидел вышедшего к нему Ореста с сафьяновой тетрадкой.

— Эге! — сказал Орест. — Да мы с вами знакомы, кажется! Встречались, кажется... Позвольте вам, милоссдарь, сервировать честную длань Ореста Беспалова.

И он с размаху наотмашь протянул первым важному, осанистому Андрею Львовичу

руку...

Сулима не без брезгливости ответил Оресту рукопожатием.

Тот расшаркался перед ним, затем с необыкновенным достоинством указал на кресло и сел сам, после чего сказал:

— Мне поручено вернуть вам манускрипт. Он нам не подходит.

— То есть как это не подходит? — переспросил Андрей Львович, принимая тетрадку.

— Не подходит, не годен!.. Я его, собственно, не просматривал, но мой друг, Саша Николаич, читал его и нашел негодным. А я в его литературный вкус верю!

— Но Александр Николаевич взял у меня заметки вовсе не для одобрения их с литературной стороны. Они его интересовали...

— А теперь более не интересуют! — перебил его Орест.

— Странно!..

— Но тем не менее факт! Слово Ореста Беспалова!

— Это совсем не похоже на него! — продолжал Сулима.

— А между тем, господин Сукровица, это

так!

— Извините, какая сукровица?

— Так, кажется, ваша фамилия?

— Моя фамилия — Сулима!

— Виноват! — воскликнул Орест. — Тысяча извинений... и столько же сожалений. Так вот, господин Сыворотка!..

— Послушайте, молодой человек, вы, кажется, просто хотите быть со мной дерзким?

— Ничуть! — с важностью произнес Орест. — Но, видите ли, я совершенно не привык к дипломатическим объяснениям в особенности на сухое горло... Когда у меня в горле сухо, то иногда оттуда вылетают такие слова, что я совершенно не понимаю, откуда и как я запомнил их! Иногда даже думаешь, что это просто ничего не значит! Так, звук пустой, а выходит какая-нибудь дрянь, которая может оскорбить слух почтенного аристократа. А все потому, что сухое горло!

— Так если хотите, то этому горю можно помочь. Стоит только нам спуститься в ресторан гостиницы.

— Но, видите ли, вопрос в том, кто кого будет угощать: я — вас или вы — меня?

— Нет, я вас угощу! — ответил Андрей Львович.

— Я нахожу, что вы красноречивы, как старик Вольтер! — воскликнул Орест. — Вы говорите так убедительно, что я не могу не согласиться на ваши доводы... Итак, вперед, ребята!.. Я за вами... как командуют храбрейшие из офицеров...

Сулима с Орестом спустился в ресторан, но повел его не в общий зал, а спросил отдельный кабинет.

— Вы что хотите пить? — спросил он Ореста.

— Принеси ты нам, — обратился Орест к ожидавшему заказа лакею, — во-первых, водки, во-вторых, еще водки! В третьих, повтори то же самое, а их благородию принеси апельсины, потому что они, верно, любят сладенькое!

— Так что вам передал Александр Николаевич?.. — начал Сулима, дав Оресту выпить несколько рюмок.

— Вы желаете слышать его подлинные слова или хотите, чтобы я изукрасил их фиоритурами вежливости и цветами красноре-

чия? — спросил Орест. — На это мне наплевать, потому что вы платите за водку, и я рад исполнить ваше желание.

— Нет уж, говорите прямо, без фиоритур.

— Слушаю-с! — произнес Орест. — Мой друг гидальго изволил выразиться так: «Скажите этому господину, чтобы он оставил меня в покое, потому что я ни в чем уже не сомневаюсь; а если он будет рассуждать, то пугните его...» Впрочем, виноват, тут он употребил какое-то дипломатическое выражение, но смысл был, несомненно, таков: «Пугните его, что будут приняты меры против общества «Взаимопомощи обездоленных»!

— Что?! — изумленно воскликнул Андрей Львович.

— Виноват: «Восстановления прав обездоленных»! Кажется, так!

— Он вам сказал это?

— Сказал! — твердо ответил Орест. — И я повторяю, как попугай, ибо не люблю вникать в тонкие материи. По-моему, если попал пальцем в небо, то ковырять дальше не следует.

— Ну, знаете, хорошо, что вы не вникаете в

то, что вам и знать не следует! — произнес Андрей Львович. — А то вы могли бы за это поплатиться...

— Нельзя быть специалистом по всем отраслям. Я, собственно, — специалист по игре на бильярде и в нее, могу сказать смело, вник превосходно.

— Послушайте, сколько вы получаете у Александра Николаевича? — спросил Ореста Сулима.

— То есть как это, сколько я получаю?

— Н-да! Ведь он вам дает деньги? — спросил Сулима.

— Позвольте-с! К чему вы, собственно, клоните?

— К тому, что если вы захотите, то сможете получать вдвое больше! Сколько бы вам ни давал Александр Николаевич, я вам дам вдвое больше!

— Или, иными словами, если объяснить этот ребус, то вы нанимаете меня?..

— Ну, зачем же нанимать!.. — возразил Андрей Львович.

— Нет, я потому так говорю, что мог бы вам со своей стороны сделать предложение-

ние, — не смущаясь, продолжал Орест: — У моего брата есть великолепное место! Миллионное содержание... Он своему камердинеру платит миллион миллионов и на это место метит, кажется, сам Наполеон, император французов. Но должность дворецкого у него не занята. Судя по вашей представительности из вас отличный дворецкий мог бы выйти!

— Послушайте, вы, кажется, пьяны совсем! — не теряя своего хладнокровия, проговорил Андрей Львович.

— Пьян! — согласился Орест. — Ваша проницательность изумительна! В особенности, если принять во внимание, что вы видели, как я перед вами уничтожил графин водки! Как хотите, а она все же действует!

— Но ведь вы говорили мне, что только при сухом горле у вас вырываются непотребные слова! Когда же вы его промочите...

— Тогда еще хуже! — подхватил Орест. — Тогда я могу найти такие выражения, что частный пристав раз чуть в обморок не упал. Последний раз я спьяна выговорил такое, что случившаяся тут беременная женщина родила!.. Слово Ореста Беспалова!..

— Нет, я вижу, мне с вами каши не сварить! — решил Андрей Львович и встал. — Я хотел дать вам вполне свободное и обеспеченное существование, устроить вашу жизнь!

— А я оказался скотом! Так и доканчивайте, не стесняйтесь... Такого же мнения обо мне и принчипесса, которую вы похитили из нашего дома и стережете наподобие дракона!

Андрей Львович взял шапку и ушел.

— Позвольте, а за водку кто платить будет? — крикнул вслед ему Орест, но, высунувшись в дверь, увидел, что Андрей Львович расплачивается в коридоре.

— Заплатите, благодетель, и за второй графин авансом! — жалостно и просительно произнес он.

Сулима поспешно сунул деньги в руку лакея и быстрыми шагами направился к выходу, унося с собой сафьяновую тетрадку.

Глава LXVIII

Андрей Львович вернулся домой настолько не в духе, что встретившая его Маня удивилась, потому что никогда еще не видела его таким.

— Что с вами? — спросила она.

— Ничего, мой друг, особенного!.. Но скажи мне, пожалуйста, отчего ты о прежних своих не интересуешься?.. О старике Беспалове?.. У него, кажется, есть сын-пропойца?

— А они вам зачем-нибудь нужны?

— Мне всегда нравится, когда ты своими вопросами попадаешь куда следует! — ответил Сулима. — Да, мне нужен этот Орест!

— С ним стовориться нетрудно. Дайте ему денег и он сделает все, что нужно!

— Я попробовал ему предлагать, поил его водкой — ничего не вышло!.. Я ему даже пробовал обещать вдвое платить против того, что он получает у Николаева!

— И он, конечно, не согласился? — спросила Маня.

— Ну, да!

— Так вольно ж вам было поить его водкой

и в то же время предлагать деньги!.. Раз она есть перед ним, он больше ни о чем не думает! Надо его брать, когда у него не на что будет купить водки...

— Если бы ты взялась для меня устроиться с ним? — предложил Андрей Львович.

— Да что вам от него надо?

— Мне надо знать через него, с кем общается и что делает Николаев.

— Зачем? — живо поинтересовалась Маня.

— Затем, что этот Николаев сейчас оскорбил меня, не приняв и выслав ко мне пьяного Ореста! Но этого еще мало! Ему стали известны вещи, которые не должен знать никто и которые могут погубить меня!

— Значит, вы считаете Николаева своим врагом? — спросила Маня.

— И довольно опасным.

— И вы будете действовать против него?

Андрей Львович подошел к ней, положил руку ей на голову и провел по волосам.

— Ты знаешь, что я замечаю? — с расстановкой произнес он. — Что каждый раз, когда между нами заходит разговор об этом Николаеве, ты становишься более оживленной,

как будто он для тебя не просто посторонний, а...

— А что?

— Точно ты вспоминаешь о нем с удовольствием, чтобы не сказать больше... Или вечера, проведенные с ним, не прошли бесследно?

— Может быть, и не прошли! — загадочно ответила Маня.

— И ты...

Андрей Львович приостановился, Маня взглянула на него.

— И ты могла бы полюбить его? — спросил Сулима.

Маня улыбнулась одними губами, серьезно посмотрела на Андрея Львовича.

— Я не понимаю, — ответила она, — этих возвышенных чувств, которые бывают лишь, кажется, только в книжках, а на самом деле не существуют... Что я — девчонка из института, чтобы увлекаться красивым мальчиком без рода и племени? Я — графиня Савищева!

— Так ты никогда не вышла бы за него замуж? — спросил Сулима.

— Никогда!..

— Даже несмотря на то, что он богат?

— Я и сама теперь не бедна.

— Значит, что же тебе нужно?

— Пока я с вами — ничего! — просто ответила Маня.

— Да нет! Я не говорю сейчас, сию минуту, но вообще, чего бы ты потребовала в первую очередь от мужа? Все-таки молодости и красоты?

Маня покачала головой и ответила:

— По-моему, красота для мужчины — его мужественность и сила! А молодые — они влюбчивы, размякнут сейчас же или начнут разыгрывать страсти, теряют голову и ведут себя, как дети!.. Нет, для меня молодость — не главное!

— Тогда титул? — предположил Андрей Львович.

— Да, конечно, я бы желала переменить свое графство на фамилию, которая была бы не ниже. И это для меня — одно из существенных условий.

Андрей Львович любовно, одобрительно посмотрел на нее и произнес:

— Молодец ты, Маня! Таких девушек, как ты, очень немного встречается! С твоим умом

и силой воли ты можешь многое в жизни сделать, если найдешь опору в достойном тебя человеке. Из всех женщин, которых мне приходилось встречать на своем веку, только одна могла равняться с тобой по энергии; но она не достигла своей цели и погибла, потому что вышла замуж за незначительного, слабого человека, который совсем не соответствовал ей. Слабовольный, лишенный ума и сообразительности, он помешал ей в жизни и привел к падению; но и тут она сумела бороться и если не вышла из этой борьбы победительницей, то, во всяком случае, обставила все же себя более или менее сносно.

— Кто же это такая? — полюбопытствовала Маня.

— Госпожа де Ламот.

— Госпожа де Ламот?

— Да, Жанна Валуа, графиня французская, вышедшая замуж за господина де Ламот. Я всегда удивлялся ее энергии, хотя мы никогда не были друзьями и даже теперь она враждует со мной и думает, что сильна настолько, что в состоянии противодействовать мне.

— Как? Она враждует с вами? — удивилась

Маня. — Я, кажется, читала, или кто-то рассказывал мне, что она умерла в Лондоне, выбросившись из окна...

— Это история, которая была подстроена ею, чтобы избежать агентов французского управления полиции. Когда она, заключенная в Сальпетриер, бежала из него и очутилась в Лондоне, она имела смелость напечатать свои записки, в которых не пощадила Марии Антуанетты, королевы французской. Записки разошлись в огромном количестве экземпляров и читались во Франции, что называется, нарасхват. Французское правительство не могло открыто схватить госпожу де Ламот в Англии, но оценило, так сказать, ее голову и подослало убийц. Ее преследовали так неотступно, что ей пришлось пуститься на хитрость и раз и навсегда освободиться от преследований. Ею была разыграна комедия падения из окна и мнимой смерти. Ее преследователи успокоились, а сама она переселилась в Крым с одной восточной княгиней, кажется, грузинкой, воспитывавшейся в Петербурге в институте.

— Так она теперь живет в России? — спро-

сила Маня.

Андрей Львович ответил, помедлив:

— Да, в Крыму, вместе со своей княгиней и даже руководит оттуда, или, вернее, воображает, что руководит, целой организацией. Ее муж сейчас в Париже, он вернулся туда во время революции, но он не знает, что его жена жива...

— И она еще решается вступать в борьбу с вами?!

— Она не подозревает, что мне известно, кто она, и что я поэтому держу ее в руках, — ответил Андрей Львович. — Пусть она пока потешится, если это ей так нравится. Когда будет нужно, я назову ее и открою клеймо, выжженное ей палачом на теле.

— Ах! Ужасно с нею обошлись! — проговорила Маня.

— Она сама виновата, потому что слишком понадеялась на себя одну и решила соединить свою судьбу с таким человеком, как Ламот.

— Да, в этом, несомненно, была ее ошибка! — воскликнула Маня. — К сожалению, женщины еще поставлены так, что нуждаются-

ся в поддержке более сильного мужчины!

— Не говори так, Маня! — возразил ей Андрей Львович. — И мужчина тоже нуждается в поддержке женщины. Ты не можешь даже вообразить себе, как бывает подчас одному трудно...

— Но выбор жены зависит от мужчины. Ему дана возможность выбирать и он свободен, а женщина, к сожалению, должна только соглашаться или нет с этим выбором...

— Опять не так, Маня. Иногда мужчина делает выбор, но даже не решается сказать об этом избранной им девушке...

— Какой же он тогда будет сильный мужчина, если станет робеть перед девушкой? — воскликнула Маня.

— Это не робость, — ответил Сулима, — но уверенность, что такой шаг будет погран и поэтому не стоит делать этого. Что бы ты ответила, если бы я, например, был не Андреем Львовичем Сулимой, а на самом деле носил титул выше графского и предложил бы тебе руку и сердце, как это принято выражаться?

— Я ответила бы: верните себе скорее свой титул...

Андрей Львович подошел к ней и взял за руку.

Маня подняла голову, посмотрела ему прямо в глаза и, выдержав его пристальный взгляд, молча кивнула ему головой.

— Тогда, — воскликнул Андрей Львович, — ты отправишься за границу и там станешь женой дука Иосифа дель Асидо, князя Сан-Мартино!

Глава LXIX

Через неделю после этого разговора великолепнейшая дорожная карета отъезжала от ворот дома Андрея Львовича Сулимы. В карете сидела Маня и, высунувшись из окна, махала платком и, улыбаясь, кивала головой.

Андрей Львович стоял на балконе и со счастливым лицом посылал ей вслед приветствия...

— До скорого свидания! — крикнул он ей.

Поздно вечером в тот же день у того же дома стояла толпа, с беспокойством следившая за валившими из-под его крыши темными клубами дыма!

Горело в верхнем этаже.

В толпе шел разговор:

— Ахти, никак, братцы, пожар-то знатный! Теперь дому не устоять...

— Не устоять!

— А дом-то богатый, каменный!

— Чей он?

— Я нездешний.

— Сказывали, генерал тут живет.

— Может и генерал — никто от бедствия

не изъят...

— А как же это в таком доме и не доглядели? Мало народа, что ли?

— Да, чем больше народа, тем вернее не доглядишь. Один на другого надеется...

Но народа, вероятно, в этом доме было мало, потому что движения в нем заметно не было... только на дворе слышались крики, да из ворот выбежала баба с громким воплем.

— Поджог, пожалуй! — догадывались в толпе.

— Может, и так. Всяко бывает. А, может, и само собой загорелось?..

— Пойти пособить что ли?

— Чего пособить?

— Вещи вынести, али там, может, еще душа живая есть... спасти надо.

— Сунься-ко до полиции! Она тебе пропишет живую душу! Сказано, чтобы до полиции ни-ни... Она явится и сама разберется...

— Да когда явится твоя полиция-то?

— Когда нужно будет, во благовремени...

— Пожарные и то до сих пор не едут!

— Тоже и им собраться надо. Скоро-скоро, а время- то пройдет. Летом у меня кум горел,

так, пока ехали пожарные, ось у ихней бочки сломалась. Большая задержка была...

Среди дыма показался красный язык пламени, лизнул карниз, исчез, метнулся в другую сторону и вдруг сразу в нескольких местах засветило и затрещало, и взвились к небу клочья и извивающиеся полосы огня.

Над дымом пролетела стая каркавших, странно освещенных снизу ворон. Дом занялся и вспыхнул, как костер...

— Важно горит! — слышалось в толпе.

— Теперь все до последней нитки погибнет. Ничего не спасти.

— Говорят, сам генерал-то, владелец, тут...

— Где?

— В доме.

— Горит?

— О Господи!

— Никто не видит его. Ищут. Говорят, не спасся... В доме остался...

— Верно, деньги вынести хотел, вот и замешкался. Богатый!..

— Да уж тут чего богаче — эдакий дом!

— Конец-то какой... Вот она — жизнь человеческая!

— Что твой мыльный пузырь. Дунул — и нет ее!..

— Вельможа, а умирает хуже простого.

— Все мы рождены одинаково и первый голос одинаково обнаружили плачем, потому и сказано — покайтесь!..

— Ты тут чего язык развязал? Ступай-ка лучше воду таскать!

— Ведра нет.

— Я те покажу ведро!.. Осади назад!..

— Слышишь, долой с дороги — пожарные едут!

— Пожарные, пожарные, пожарные!..

Приехали пожарные с гиком, со звоном, с шумом... Их факелы засверкали и быстро стали перемещаться с места на место.

— Чего засуетились, голубчики, поздно!!.

Правда, было поздно.

Крыша с треском рухнула, взвился высокий столб искр, высоко пахнул, как из огромного вдруг открывшегося жерла, дым и море пламени огненными волнами разлились над домом.

Стало светло, как днем. Если бы кто-нибудь был в доме — все было кончено!

Толпа ахнула.

— Батюшки, отцы родные!.. Барин-то ведь там... Ведь не поспел выйти, — говорил человек, видимо, из домашних барина, не поспевшего выйти. — Он уже спать лег, а у спальни дверь-то была на замке. Он всегда запирался на ночь... Ваше благородие, наш барин сгорел...

— Ври!

— Вот побожиться, не вру — сгорел. Он спать лег. Дверь спальни на замке была. Он запирался на ночь...

— Взять этого человека для показаний!

— Помилуйте, ваше благородие, за что же? Я говорю только, что барин сгорел!..

— Веди в участок! Пусть он там свои доводы разъясняет...

— Какие же доводы? Я ни в каких доводах не замешан! Помилосердствуйте, ваше благородие!

— Тащи!!

.....

Целую ночь пожарные возились. Загорелся соседний маленький деревянный домик, но его смогли отстоять...

Наутро от красивого барского дома торчали только обгорелые, оголенные столбы...

Произведя розыск, нашли в том месте, где была спальня, обуглившиеся кости Андрея Львовича Сулиммы...

Темные силы как будто победили его, тем самым оказавшись побежденными сами!..

Note1

Масоны — «вольные каменщики», иначе франкмасоны, члены религиозно-этического общества, возникшего в 18 веке в Англии. Розенкрейцеры — члены тайного религиозно-мистического общества 17–18 веков в Германии, Голландии; их эмблемой были роза и крест. Перфекционисты — христиане, воображающие себя достигшими безгрешного состояния. Подобные секты существовали в 17 веке в Англии. В наше время — община, не имеющая ни законов, ни имущества, существует в штате Нью-Йорк.

[^^^]

Note2

"Санкт-Петербургские ведомости» — газета основана при Петре I. Называется так с 1728 года.

[^^^]

Note3

Фрикасе — нарезанное мелкими кусочками жареное или вареное мясо с какой-либо приправой.

[^^^]

Note4

Консистория — в дореволюционной России учреждение при епархиальном архиерее.

[^^^]

Note5

Сижу на диване! (фр.).

[^^^]

Note6

Пожалуйста! (фр.).

[^^^]

Note7

Невозможно! (фр.).

[^^^]

Note8

Вот! (φρ.).

[^^^]

Note9

Мыза — мелкое поместье.

[^^^]

Note10

Владыка гор (фр.).

[^^^]

Note11

К вашим услугам! (фр.).

[^^^]